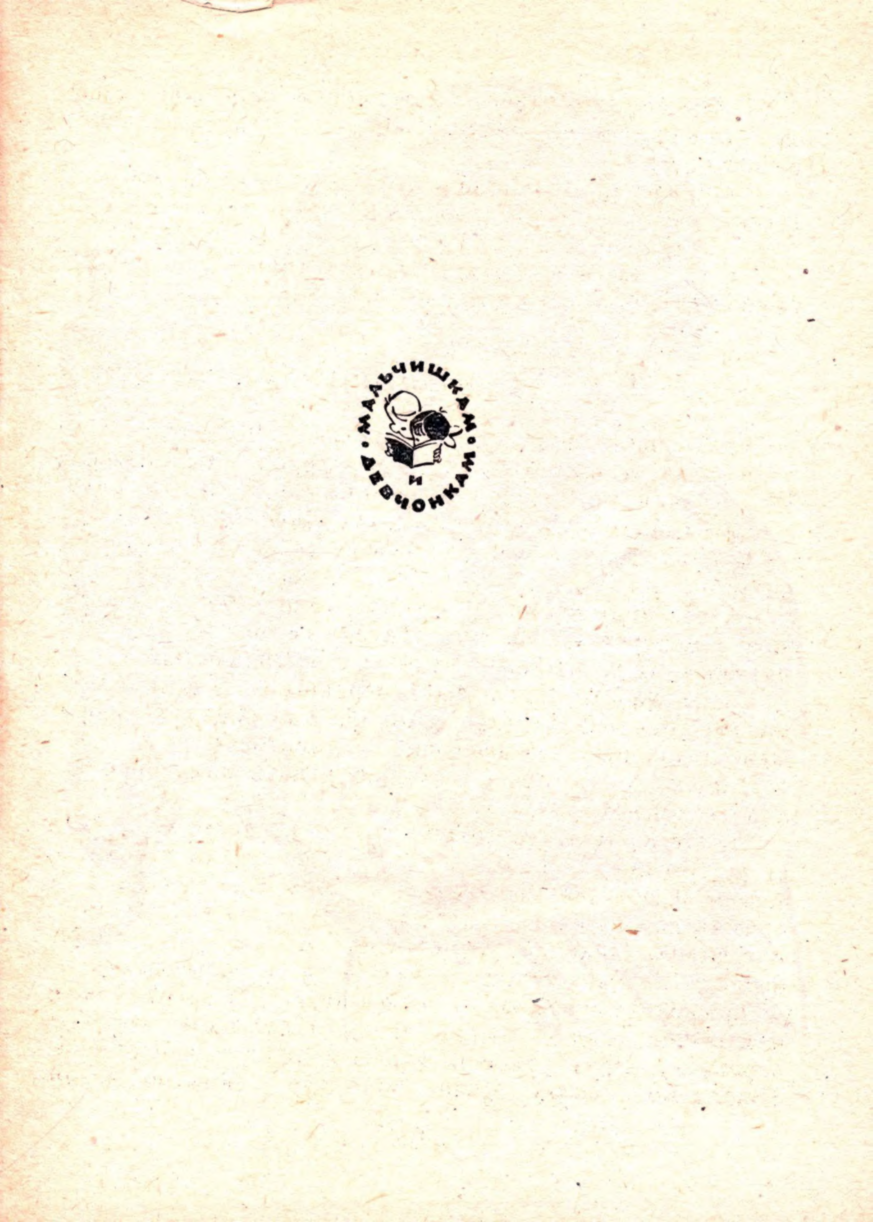

Владимир
РАЗУМНЕВИЧ
Чапаята

МАЛЬЧИШКАМ
И
ДЕВЧОНКАМ

Владимир
РАЗУМНЕВИЧ

Чапаята

повести
и
рассказы

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1987

Р2
Р17

Разумневич В. Л.

Р17 Чапаята: Повести и рассказы.— М.: Моск. рабочий,— 1987.— 223 с.

В книге Владимира Разумневича «Чапаята» рассказывается о легендарном командире Красной Армии, о его молодых бойцах, о мальчишках, которые помогали чапаевцам. Много места уделено и современным ребятам, которые умножают боевую славу Чапаева своим героическим трудом.

Р $\frac{4803010201-007}{М172(03)-87}$ 222—87 Р2

ПО СТОПАМ ОТЦОВ

Каждый день почтальон приносит мне пачки писем. Они идут со всех концов страны. Пишут люди, которых я давно знаю,— ветераны Советской Армии, боевые соратники и друзья моего отца Василия Ивановича Чапаева. Пишут и те, с кем мне никогда не доводилось встречаться,— солдаты и офицеры, школьники и студенты, колхозники и рабочие.

Разные письма. Разные почерки. Разные люди. Но все они выражают одни и те же чувства горячей любви к В. И. Чапаеву, пишут о стремлении учиться у него науке жить и побеждать. Пионеры сообщают, что они присвоили своей дружине имя легендарного полководца и теперь называют себя внуками и правнуками Чапаева. В письмах молодых воинов я нахожу признание: «Мы — сыновья Чапаева». Бывалые красногвардейцы, которые давным-давно уже на пенсии, именуют себя по-прежнему чапаевцами.

Имя Чапаева для всех них стало близким и родным. И я, дочь начдива, хорошо понимаю их мысли, их волнения и всегда с особой радостью перечитываю эти письма. Помимо родства по крови есть еще родство по духу, по готовности сделать свою жизнь содержательной и героической, похожей на жизнь человека, который стал для тебя идеалом. И пусть люди эти не связаны прямым род-

ством с Чапаевым, но они унаследовали от него очень многое, переняли чапаевскую неустрашимость и отвагу, его честность и принципиальность, его мечты о светлых днях коммунизма, во имя которых он бесстрашно боролся и отдал свою жизнь.

Авторы писем, называющие себя сыновьями и внуками героя гражданской войны, знают о Чапаеве немало. Но знать хотят еще больше. И теперь я смело могу посоветовать им прочесть вот этот сборник. Книга написана московским писателем Владимиром Лукьяновичем Разумневичем. Прежде он был известен читателю по сборникам юмористических рассказов и повестей для детей и юношества. Новое его произведение тоже пронизано юмором. В основу его легли подлинные факты, почерпнутые из воспоминаний бывалых людей, которые лично знали Чапаева, вместе с ним прошли суровую школу войны. Автору хорошо известны и эти люди и те места, где сражались они,— он сам вырос в степном саратовском селе, откуда в чапаевскую дивизию ушли прекрасные военачальники, стойкие солдаты революции Илья Топорков, Иван Плясунков, Алексей Рязанцев и другие. Все это, безусловно, помогло писателю ярче, нагляднее представить обстановку былых лет, нарисовать правдивую картину гражданской войны, в полный рост показать обыкновенных героев этого необыкновенного времени. В книге Чапаев изображен смелым, общительным и веселым человеком, постоянно окруженным боевыми друзьями и товарищами, участниками героических битв. В каждом рассказе мы находим зерна народного юмора, веселой чапаевской находчивости. Автор владеет редкостным умением вызывать улыбку читателя, сочетать юмор с серьезнейшими проблемами. Всем своим сборником он убеждает нас, что чапаевцы любят и умеют шутить — на радость друзьям и на страх врагам.

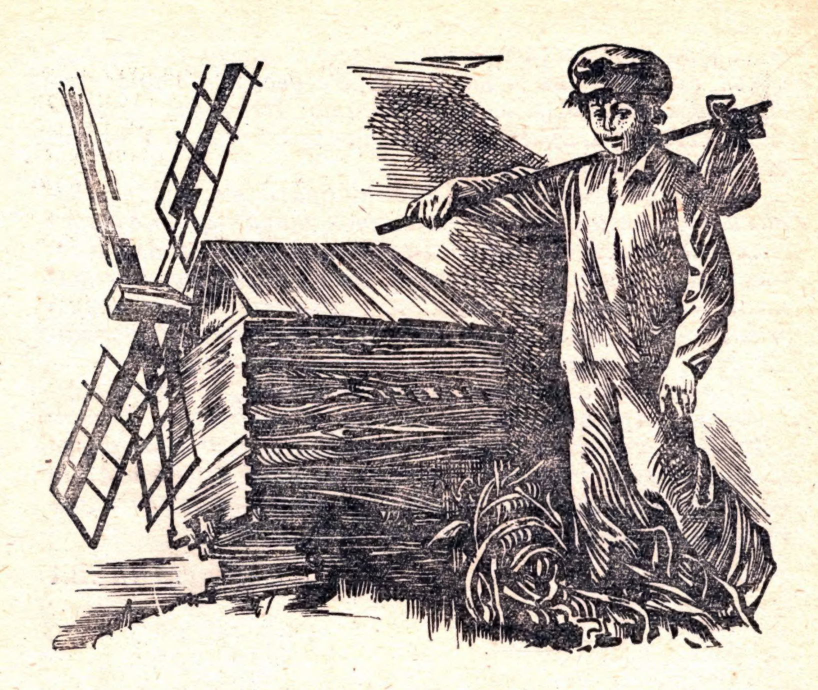
Создавая свою книгу, автор обращался за помощью и к нам, детям Чапаева. Опираясь на наши воспоминания,

он создал художественно правдивую картину чапаевской семьи, показал, как своим примером, веселым и по-отцовски требовательным словом Василий Иванович готовил своих сыновей и дочерей к созидательной жизни в новом, социалистическом обществе.

Я горжусь своим отцом, своими братьями, горжусь делами и подвигами сотен, миллионов знакомых и незнакомых мне людей, по праву именующих себя чапаевцами, сыновьями и внуками Чапаева. Они по-чапаевски исполняют свой воинский долг, по-чапаевски строят новую жизнь, новый быт, новую культуру, достойно продолжают дело, начатое первыми солдатами революции.

И всякий раз, когда я читаю их письма, согретые пламенной патриотической страстью, с гордостью думаю: «До чего ж велика наша чапаевская семья! Как много у меня друзей и братьев, сестер и внуков, нерасторжимо спаянных самым высшим родством идей и помыслов, смело идущих легендарной дорогой Чапаева!»

Клавдия ЧАПАЕВА

ИЗ МОЛОДЫХ, ДА РАННИЕ

Любопытные истории,
рассказанные теми, кто делал историю

Еще в детстве, учась в школе, задумал я разыскать людей, служивших когда-то в легендарной чапаевской дивизии. Они славу в боях добыли и в родное село принесли.

Первым делом направился к старейшему жителю, которого односельчане зовут Ермаком Тимофеевичем, хотя во всех документах он значится как Ермаков Тимофей Федорович. Сказали мне, что ему давно перевалило за

восьмой десяток, но он сохранил силу богатырскую и память отменную. Вскорости я и сам убедился в этом: при знакомстве Ермак так пожал мне руку, что потом целый день пальцы ломило. Историю села он знает лучше ученого академика. Любому земляку может дать точную характеристику: кто, когда и от кого родился, где воевал, с кем дружил, на ком женился, в каких краях побывал и в каких побывать хотел бы...

Долго толковали мы с ним у завалинки, вороша дела давно минувших лет. Смеркаться стало. Ермак позвал меня в дом, за стол усадил. Я спросил его:

— Знали вы, Тимофей Федорович, Чапаева?

— Как же! — Он проковылял к столу, тяжело сел против меня, коренастый, узловатый, как древний дуб.— Доводилось встречаться. Это до того было, как меня казаки расстреляли.

— Расстреляли? Вас?

— А кого же еще?! Знамо дело, меня. Под хутором Жигулевским. Оружейным залпом. Потом штыком пырнули. Семь разов! — Ермак поднял подол рубахи, и я увидел синие вмятины на теле.— Это еще что! Вот тут пуля. От офицера в подарок. Землицей, злодей, меня сверху присыпал. Я из энтой могилы едва выкарабкался. Из мертвых, можно сказать, воскрес. И прозвали меня с той поры Ермаком... Чапаевцы — вообще народ живучий, двужильный. Все, как есть, Ермаки!

— Ну, таких-то, как вы, пожалуй, единицы,— не согласился я.— Немногие ветераны остались в живых.

— Это как сказать. Летами-то я постарше самого Василия Ивановича Чапаева. Остальные бойцы, выходит, помоложе. В сынки мне годятся. Вон хотя бы Ванюшку Фролова взять. Орлом смотрит! А тоже у Чапая в кавалерии служил. А Колька Ермаков? А Иван Петров? А Ермолай Стулов, Терентий Дюжев, Мишка Рязанцев...

Пошел я к старикам, которых Ермак назвал. Толстую тетрадь с собой прихватил. Всю ее, от корки до

корки, исписал — старым красногвардейцам было что вспомнить. И когда прощался с последним из них, думал, что в селе теперь не осталось ни одного чапаевца, у которого бы я не побывал...

— Немудрено начать, мудрено закончить,— усмехнулся моей самонадеянности седой чапаевский боец.— Нас, стариков, ты, кажись, всех навестил. А про молодых-то вовсе забыл. Ты к бывшим чапаевским разведчикам ступай — их в селе предостаточно. Своими глазами убедишься — один к одному! Орлы! Прямо хоть снова в бой! По сей день в колхозе работают, всем прочим трудящимся пример подают. Вот так-то. В нашем полку, было б тебе известно, мы целый отряд из юных разведчиков образовали. Лихие, безбоязненные парнишки! По тылам колчаковским шастали, ценные секретные сведения добывали и обо всем начдиву Чапаеву докладывали. У Василия Ивановича такой излюбленный маневр был: нагрянуть на врага неожиданно, исподтишка, чтобы он и опомниться не сумел, и сражение с неприятелем вести по-хитрому, осмотрительно, в дурацкое положение его ставить. А чтобы действовать с таким умным расчетом, надобно заранее знать, где и в каком количестве разместились вражеские части, разгадать, какие боевые планы у них, куда намерены двинуться дальше. Без таких сведений хитрый маневр не учинишь. Вот и направляли мы в тыл к неприятелю своих разведчиков. Составляя план наступления, Чапаев непременно опирался на донесения разведчиков и при их содействии такие неожиданные и смелые удары по белому войску наносил, что победа всякий раз была за нами, за чапаевцами. Так что бывалым разведчикам есть что вспомнить. Коли про наши подвиги надумал писать, то к ним поди, к разведчикам. У них и память острее, и грамотность в советское время постигли. Они тебе всю нашу сулакскую историю как на ладони преподнесут. Чапай привечал молодых-то.

— Так-то оно так,— осторожно заметил я,— но ведь с той поры, посудите сами, более полувека прошло. Сомнительно, чтобы чапаевцы молодыми остались.

— А ты не сумлевайся. Народ у нас какой? Хитрющий, настырный, пронырливый народ, скажу тебе. Крестьянской закваски. Они, ежели надобно, на прямой обман пустятся.

Я не понимал, к чему он клонит, о каком обмане речь ведет, и решительно вступился за земляков:

— Это вы уж слишком... Я знаю...

— Чего ты знаешь? Ничего ты не знаешь! — перебил он меня.— Чапаев на что шустрый и зоркий мужик был, одним взглядом мог дать цену человеку, но и его иные наши сулачи вокруг пальца обводили.

— Как так? — удивился я.

— А вот так. Петьке Козлову и четырнадцати не было, а он семнадцатилетним прикинулся. Ивашка Щенников, Лешка Кулешов, Ваня Зайцев, да и другие многие себе по одному-два годка накинули, чтобы, значит, в чапаевскую дивизию попасть. Моложе семнадцати не брали. Вот они и жульничали... А ты — лишнего наговариваю! Я-то поверней твоего знаю, какой у нас в селе народ живет. Если есть мужик постарше семидесяти, можешь не сумлеваться — самый натуральный чапаевец!

Я послушался совета ветерана-чапаевца. Когда встречался с кем-нибудь из пожилых колхозников, исподволь, чтобы самому не попасть впросак и не смутить человека, сводил разговор к гражданской войне и как бы между прочим справлялся, не доводилось ли ему служить у Чапаева. И всякий раз выходило — доводилось...

Я даже со счета сбился — сколько же в селе чапаевцев? А после разговора с директором местной школы Павлом Матвеевичем Шелухиным и вовсе запутался. Дело в том, что Павел Матвеевич еще совсем молодой человек, в чапаевские времена его на свете не было, но и тот, оказалось,— чапаевец...

Я решил, что Павел Матвеевич шутит, и быстро переключился на веселый лад.

— Ну конечно же,— заулыбался я,— в детстве мы все в чапаевцах ходили. Верхом на палку, шапку набекрень, ученическую линейку в руку и айда крапиву стегать: «Смерть белому Колчаку! Я — Чапай! Я шутить не люблю!»

Но Павел Матвеевич сказал вполне серьезно:

— Район наш как называется? Краснопартизанский! А колхоз — как? «Чапаевец»! Вот и выходит, что все мы — наши деды и отцы, которые здесь партизанили, у Чапаева в дивизии служили, их сыновья и внуки, которые теперь в колхозе «Чапаевец» работают и ходят в чапаевскую школу учиться,— все мы и есть чапаевцы. Как же нас еще назовешь?! — И лишь после этих слов улыбнулся.— Вот вам и «Я — Чапай! Я шутить не люблю!..» А мы и не шутим!

Любопытные истории, рассказанные теми, кто делал историю, я собрал в одну книгу и решил показать ее жителям других городов и сел, чтобы и они узнали о большой революционной славе маленького села.

ВЕСЕЛЫЙ НРАВ ГЕРОЮ НЕ ПОМЕХА

Наш Чапай веселой удалью славился. Сам герой и других воодушевлял на подвиг. Конный ли, пеший ли — всегда Чапаев впереди. Перед неприятелем стойко держался, пулям не кланялся.

Он и нас, бойцов своих, учил не бояться опасности, не робеть даже тогда, когда вражья сила оказывалась раз в семь сильнее нашей.

— Одному хорошо против семерых воевать,— внушал он нам.— А вот семерым против одного трудненько. Семерым нужно семь бугров для стрельбы, а тебе — один. Один бугорок везде найдешь, а вот семь бугорков

найти непросто. Ты один-то лежи да постреливай. Одного убьешь — шесть останется, двух убьешь — пять останется... А когда шестерых убьешь, то один уж должен сам напугаться тебя... Ты заставь его руки вверх поднять и бери в плен. А взял в плен — веди в штаб. Трусят только зайцы перед собакой, а боец Красной Армии ни перед кем робеть не должен!

Чапаевскую науку мы крепко усвоили. Гнали белых по всему фронту, дрались по-чапаевски отважно и лихо. Каждый стремился в бою поближе к командиру быть, не отстать от него.

— Главное, орлы,— говорил Чапаев,— в бою не теряться, носа не вешать. Веселый нрав герою не помеха. Храбрость с удалью под ручку ходит. Люблю и я, грешным делом, людей посмешить. Как вышутишь, так и выслужишь. Не верите? Могу доказать. Мне в германскую четырех «Георгиев» на грудь повесили. За что — спросите? А я так отвечу: за веселый нрав, за лихость в бою.

Справлялись мы у бойцов, которые в первую мировую войну вместе с Василием Ивановичем в одном полку служили, и они нам во всех подробностях поведали, как дело было, за какие заслуги Чапаев четырежды был награжден наивысшим солдатским орденом — Георгиевским крестом.

Так вот, было б тебе известно, Чапаев, попав на фронт, в первом же сражении отличился.

Русский полк тогда стоял у крепостных стен Ивангорода, а германский гвардейский резервный корпус — в устье речки Пилицы, притока Вислы. Весь день громыхала канонада. Лишь поздно вечером наступило затишье. Измученные солдаты стали засыпать. И тут Чапаев расслышал в междуречье, неподалеку от тропинки, ведущей к Висле, какие-то странные шорохи. Потом лягушки заголосили. Чапаев сразу смекнул: неприятель свободно может обойти полк, отрезать русских от реки. При таких мыслях какой же сон!

Побежал Чапаев к ротному и стал проситься в разведку. Тот разрешил, выделил ему десять солдат.

Предчувствие не обмануло Чапаева: в темноте пробирался к реке большой отряд. Ясное дело, русскому полку ловушка готовится. Как оттеснить врага от реки? У Чапаева десять разведчиков, а неприятельских солдат — хоть пруд пруди! И решил Чапаев взять врага на испуг. Разбросал он своих разведчиков в темноте цепочкой, подальше друг от друга, и приказал криком навести страх на противника.

Те так и сделали. Изо всех сил заорали: «Ура!» Бросились, вскинув штыки, на врага. Первым, конечно, бежал Чапаев. Он громче всех кричал:

— Бей их! Никакой пощады! Правый и левый фланги, вперед! Ура!

Вражеские солдаты подумали, что на них целый полк наступает. Испугались, подальше от реки попятились.

Вот и выходит, что чапаевская находчивость сорвала вражеский план.

Утром ротный перед строем объявил рядовому Василию Чапаеву благодарность и самолично прикрепил к его солдатским погонам нашивки ефрейтора. Потом сказал, что командование представляет храбреца к награждению Георгиевским крестом.

А вскоре заслужил Василий Иванович и второго «Георгия». В Карпатах случилось это. Весна была. В горах — грязь непролазная. В дождь и слякоть по крутым склонам пробирались наши солдаты, только что отвоевавшие Перемышль, к Ужокскому перевалу. Хорошо чувствовать себя победителем! Грязь на подошвах не такой тяжелой кажется. Да и спешить особенно было некуда. Неприятель удрал, оставив на дороге разный хлам,— попробуй догони его!

Добрались солдаты до ровной площадки в горах и устроили привал. Отдыхают, а Чапаев по сторонам поглядывает, присматривается. А как же иначе — развед-

чик! Привлекла его внимание дорога, уходящая от долины в северо-западную сторону. Дорога как дорога, но больно уж чистая. Ни единой соломинки, ни единого окурка на ней. Неужели противник не заметил эту дорогу? А может быть, не захотел оставлять следов? Тут и собака ничего не вынюхает. Неприятель хитер. За ним глаз да глаз нужен.

— Разрешите разведать дорогу! — обратился к ротному Чапаев.

Ротный ухмыльнулся только. Он-то был твердо убежден, что немецкий обоз на эту дорогу не сворачивал. Значит, в разведке нет надобности. И лишь из уважения к своему ефрейтору сказал:

— Если уж так тебе хочется, то ступай один. Помощников от меня не жди...

Чапаев в ответ козырнул радостно:

— Одному даже удобнее!

Не прошло и часа, как он возвратился обратно.

— Ну вот, я же говорил — напрасные хлопоты,— самодовольно подкрутил усы ротный.

Однако прав оказался не он, а ефрейтор. На горной дороге, в лесной чаще, как сообщил Чапаев, стоит в полной боевой готовности немецкая горная артиллерия. Кроме того, в лесу множество солдат-пехотинцев. Наверное, полка два, не меньше.

— Судя по всему,— доложил Чапаев,— противник намерен нанести по нашему полку боковой удар.

Но не удалось врагу осуществить свой коварный план. Солдаты перегородили дорогу каменными глыбами, чтобы в случае необходимости отразить натиск неприятеля... А утром, после боя, все поняли: если бы не своевременное донесение Василия Чапаева, Белгорайскому полку ни за что бы не спастись от поражения.

У третьего чапаевского «Георгия» история, пожалуй, поинтереснее этой. На нейтральной полосе, можно сказать, завоевал он эту награду. Так уж случилось. Враг

от наших попятился, а наши вперед не пошли. Подкрепления стали дожидаться. И между боевыми позициями образовалась ничейная полоса. Там, в самом центре, одинокая халупа-развалюха стояла. Остальные-то домишки при обстреле в прах превратились, а этот чудом уцелел.

Стал Чапаев наблюдать в бинокль. В окне то и дело старушечье лицо появлялось. Не успела, видимо, старуха вовремя халупу покинуть, вот и мечется с перепугу.

Вдруг старуха исчезла. Чапаев насторожился. Пристальней прежнего стал смотреть. Как будто ничего подозрительного. Но до слуха какой-то странный, клокочущий звук донесся. Что такое?

Чапаев решил проверить. Пополз к халупе. К завалинке приблизился и слышит: шум в кухне. Чапаев — туда.

И тут взору его веселая картина открылась: долговязый вражеский солдат со старухой дерется. Хватает ее за волосы, ругается непонятно. Старуха отпор дает — пинает солдата, вопит что есть мочи, а руками к груди курицу прижимает. Курица вырывается, кудахчет отчаянно. Солдат — цап ее за голову и в свою сторону тянет. Из-за нее, из-за курицы, оказывается, весь сыр-бор. Голодный вояка позарился на чужое добро, решил курятиной разговеться. Да не тут-то было. Чапаев схватил его за шиворот да как вскрикнет по-петушиному. Солдат с перепугу опешил, отпустил курицу. А Чапаев его головой об стену.

Старуха обрадовалась, что курица цела осталась, и быстренько за печь юркнула. Чапаеву не до нее было. Он неприятельского солдата в спешном порядке, чтобы противник не заметил, за шиворот через нейтральную полосу к своим окопам поволок. Пока добрались, к пленному сознание вернулось. «Вот и хорошо,— подумал Чапаев.— Раз язык заработал, значит, молчать не будет — выложит в штабе все военные секреты, какие знает».

Пленный, как выяснилось, знал очень многое. И ни-

чего не утаил. Пользуясь его ценными сведениями, наши не стали ждать подкрепления, ударили по противнику и захватили территорию, которая еще совсем недавно считалась нейтральной.

Халупа со старушкой, таким образом, оказалась на нашей стороне. Встретив Чапаева, хозяйка поблагодарила его за спасенную курицу. А Чапаев поблагодарил старушку за третий Георгиевский крест, который ему вручили за «языка», захваченного в ее доме.

Про четвертую награду, полученную Василием Ивановичем на фронте, солдаты рассказывали с особым удовольствием...

Однажды поступил приказ — выбить неприятеля из укрытия! А как его выбьешь, если он, неприятель-то, вот уже который день по нашим окопам из того самого укрытия минометными снарядами шпарит? Только наши соберутся в атаку, а они из-за придорожных кустиков — бац! бац! бац! Никакого спасения от пуль и снарядов! Что делать? Тогда Чапаев и говорит:

— Надоела мне эта минометная чехарда. Кончать надо! Пойду задушу вражеский миномет!

Товарищи спрашивают:

— Каким же это образом?

А Чапаев отвечает:

— Таким. Пусть Шалимов и другие наши ребята-гармонисты свои гармошки в руки берут и камаринского играют. Во всю ширь мехов! Чтобы противник услышал. А я тем временем спектакль представлять начну.

Не поняли солдаты-гармонисты, про какой такой спектакль речь. Но перечить не посмели. Сгрудились в окопе возле Чапаева и по ладам ударили. А Василий Иванович им:

— Еще громче жарьте! Так, чтобы стрельба заглохла!

Те изо всех сил стараются, все шибче и шибче играют. Неприятель, видимо, услышал. Смолкла минометная пальба. Чапаеву только того и надо. Взбежал он на

окопный бруствер и давай камаринского отплясывать. Ноги ходуном ходят. Никто не ожидал такой лихости: ни друзья, ни враги. Всем интересно поглазеть.

Противник в укрытии зашевелился. Вражеские головы из кустиков высунулись. Смотрят и удивляются: что за человек на боевом плацдарме пляску учинил? В своем ли уме, не рехнулся ли? Любопытство заело. Не стреляют. Решили выждать, чем дело кончится.

А Чапаев знай себе ногами семенит — то чечеточной дробью ударит, то вприсядку пойдет, то руки, словно крылья, разбросает и закрутится в лихой пляске. Чтобы поспеть за ним, гармонисты стали играть еще шибче. И Чапаев, вскинув голову, в плясовом вихре рванулся вперед — все ближе и ближе к окопам вражеским, к тому самому месту, откуда миномет стрелял...

И вдруг оборвалась пляска. На какой-то миг замер Чапаев. Потом, не дав зрителям опомниться, стремительно, одну за другой метнул сразу две гранаты в кустарник, где миномет спрятан... Чего-чего, а уж такого подвоха враг меньше всего ожидал от русского плясуна!

Домой с германского фронта Василий Чапаев возвратился в чине старшего унтер-офицера с четырьмя «Георгиями» на гимнастерке. Полный георгиевский кавалер!

Разглядывая его боевые кресты, детишки как-то спросили отца:

— За что ты их получил, папа?

Чапаев усмехнулся в усы и ответил:

— Первого «Георгия» мне дали за то, что я громче всех «ура!» кричал. Второго — за зоркий глаз и отменный нюх. Третьего — за куриное кудахтанье и петушиное кукареканье. Ну, а четвертого «Георгия» получил за исполнение камаринского — с детских лет я пляску эту ловчее других отплясываю. Запомните: в боевом деле всякая шутка хороша, коли она победе служит!

ОРЛЯТА ЧАПАЯ

Меня частенько спрашивают, как это я, такой молодой да щуплый, в чапаевской дивизии очутился? Что верно, то верно, мне и пятнадцати не было, когда Василий Иванович меня на боевое довольствие зачислил. Хитрость помогла. Самого Чапая, можно сказать, вокруг пальца обвел. Цельный день в студеной речушке Большой Иргиз торчал, чтобы простуду нагнать и своему писклявому голосочку солидность придать, постарше, чем есть, представиться... Мелкоту, было б тебе известно, по строгому чапаевскому запрету в дивизию не пропускали. Вот и приходилось изворачиваться.

Пошел, значит, я, хриплый-то, к начальству в штаб. Встал в один ряд со всеми прочими добровольцами. Часа полтора поди на цыпочках стоял, к потолку тянулся. Аж ноги заныли. Но настоящего своего роста не показал. За семнадцатилетнего сошел. Что ж касается голоса, то тут я запросто мог с кем угодно тягаться, хоть с древним стариком. Скрипел и дребезжал, как немазаное колесо телеги. Помогло!

Да разве я один такой? Многие в дивизию проникли недозволенным способом, желая рядом с героем Чапаем биться за народную власть.

Одни, те, что ростом повыше, без особого стеснения надбавляли себе лишних два-три годика. Другие же, сбежав на фронт от родителей, принимались без зазрения совести убеждать начдива, что им, сиротинушкам, податься будто бы некуда, окромя как в чапаевскую дивизию. Знали: Чапаев сирот особо привечал, в беде не оставлял. Третьи, наиболее смекалистые и прыткие, просились в разведку, они понимали — на войне без юных разведчиков не обойтись: они и родную местность до кустика изучили, и неприятель к ним, малолетним, не столь подозрительно относится.

Дадут юнцам задание в неприятельский тыл сходить,

а они потом ни в какую из дивизии отлучаться не желают. Прилипнут к Красной Армии — не оторвешь! Вот и получилось так, что в некоторых полках дивизии образовались целые отряды из подростков-разведчиков. Они безбоязненно шастали по лесам и степи, городам и селениям, добывали о белогвардейском воинстве ценнейшие сведения и тем самым помогали Чапаеву наносить по врагу неожиданные, сокрушительные удары. Лихие были ребятишки!

К юным хитрецам-разведчикам Василий Иванович относился по-отцовски и — бывали случаи — самолично награждал смельчаков именным оружием — наганом или шашкой. А одному нашему разведчику — чапаенку Ягунову — он подарил в награду за храбрость свою фотокарточку с дарственной надписью. Только тот Ягунов оказался вовсе не Ягуновым, а Ягуновой. Девчонкой, значит.

Такая вот веселая история приключилась. Четырнадцатилетняя Лидка, сестра секретаря Самарской комсомольской ячейки Саши Ягунова, задумала, значит, стать чапаевкой. А как станешь, если девчонок к дивизии и на версту не подпускали! И Лидка — шустрая была девчурка! — пустилась на прямой обман: наголо остригла волосы и переоделась мальчишкой. От паренька ее, задиристую и курносую, с твердой, решительной походкой, ни в какую не отличить. Мужик, да и только.

Чапаевская дивизия в то время стояла неподалеку от Самары в селе Воскресенка. Лидка пришла в штаб к Чапаеву и сказала, что осталась без отца и матери, хочет служить бойцом в дивизии.

— Стрелять из винтовки, как из рогатки, умею,— похвасталась она.— Если понадобится, и рану перевяжу. И на коне с саблей могу. Возьмите!

Не один месяц провела она в дивизии. Ходила в бой и разведку, перевязывала раненых и ухаживала за конем, была ординарцем командира и выступала во фрон-

товом театре. И никто даже подумать не смел, что это вовсе не мальчик, а самая натуральная девчонка-комсомолочка.

К стыду своему признаюсь: я в одном отряде с Ягуновым, то бишь с Ягуновой, служил, а того не ведал, что с девчонкой дело имею. Дружками были, трижды вместе по деревням в разведку ходили — и никаких подозрений!

Мы с ней на фотокарточку однажды заснялись. Вот полюбуйся: в обнимку стоим и на фотографа глазенки таращим. Разве скажешь, что рядом не парень, а девчонка стоит? То-то! Никакого отличия. В галифе и папахе. Только усов не хватает. А уж о храбрости, о боевой смекалке и говорить не приходится — тут она любому мальчишке нос могла утереть. Проказница, каких поискать, ловка и проворна, словно фокусник. А как лихо барыню отплясывала, озорные частушки пела простуженным, как у меня, голосом — тут любой артист позавидовал бы!

Знай я, что ее Лидкой, а не Ленькой зовут, разве стал бы в обнимку фотографироваться? Ни за что! Я в те годы девчат сторонился, не желал терять своего мужского достоинства. И надо же — так опростоволосился! Не меня, а ее, девчонку, Чапаев всякий раз близ себя сажал, когда из общего котла солдатский бульон хлебали. Каждому хотелось быть поближе к начдиву, да не всякого он таким почетом одаривал.

А вот тебе еще один снимок. Чапаенок Петя Козлов, землячок мой, в праздник Красной Армии подарил. Еще тогда, в гражданскую. Тут он заснят с нашим общим приятелем Ванюшкой Ратановым. Моложе его и не было, пожалуй, никого в нашей разведке. Полюбуйся только: стоят два чапаевца, Петр и Иван. А чапаевцам и четырнадцати нет. Ванюшка-то, видишь, какую строгость на лицо напустил? Изо всех сил пыжится казаться старше своих лет. Да где там! Лицо-то, посмотри, пухленькое, словно у девчонки, и шея по-цыплячьи тонкая. А Наполеоном смотрит! Военную фуражку со слюдяным козырь-

ком набекрень сдвинул, руку за борт шинели засунул. Герой героем! А шинель-то аж до самых пят, в ботинок можно не одну, а две такие, как у него, ноги засунуть. Огромаднейшие ботинки, на толстой подошве. В таких шагать да шагать... Вот он и шагал. До полной победы над Колчаком шагал. А потом белобандиты в смертельной схватке его ранили и, озверев, на части порубали. Вот так-то...

Помню, как Ванюшка впервые у нас в дивизии объявился. Весной дело было. Перед походом на Уральск. Пристроился он в хвост отряда, когда мы через степь шли. На плечах, как сейчас помню, дряхлый пиджачишко, на голове — рыжая, выгоревшая под солнцем отцовская фуражка. Она ему беспрестанно на нос наезжала. Военную-то, с козырьком блестящим, ему после подарили, за успешную разведку. Полковой портной по заказу нашего комбата Баулина специально для него маленькую сшил, чтоб на голове не болталась. Подходящих фуражек в дивизии не нашлось, как ни искали.

Однажды Чапаев увидел его, коротышку, в красноармейском строю и спросил удивленно:

— Кто такой? От шестка два вершка...

Ванюшка не растерялся. Отрапортовал по-военному:

— Чапаевский боец Иван Ратанов! Пришел сражаться против буржуев за счастье трудового народа! Пока всю, какая есть, контру не доконаем, домой не вернусь! Я себе клятву такую дал.

Чапаеву такой ответ по душе пришелся. Разрешил он мальчонке в дивизии остаться.

— Ну, коли такая клятва,— сказал,— домой отсылать воздержусь. Служи, хитрец, в разведке. Авось повзрослеешь на солдатских харчах.

А вскоре к хутору Михайловскому, где мы разместились, направился большой отряд белых. Вот тут-то Ванюшка и проявил свою боевую смекалку, не дал врагу захватить хутор.

Под его началом отправились местные мальчишки по дворам. Стали крестьянские бороны собирать. Волокли их за хутор и бросали в бурьян, повернув зубьями кверху. Загородили таким образом все подходы к хутору.

Чтобы торчащие зубья не были заметны, набросали травы поверх, а на дорогах присыпали еще и пылью. Со стороны посмотришь — вроде бы и ничего опасного. Но попробуй шагнуть — ого! Не поздоровится.

Когда ранним утром белоказаки на полном скаку подлетели к Михайловскому, многие кони угодили копытами в железные решетки борон, заржали дико, закружились на одном месте. А наши пулеметчики ударили тем временем из засады.

Врагу не удалось прорваться в хутор. Ванюшины бороны помешали!

А на следующее утро отличился в сражении Ванин дружок Петя Козлов — помешал белоказакам захватить полковой штаб. А произошло это вот каким образом. Когда бойцы легли спать, комбат приказал Пете быть часовым на церковной колокольне — смотреть, нет ли белых в степи. Уже начинало светать. Вдруг — трах, бабах! «Не иначе, лазутчик белоказачий,— подумал Петя.— Стреляет где-то рядом. Нужно бить тревогу!»

И схватил веревку колокола. Ударить, однако, не успел — увидел внизу пастушонка с кнутом. Выходит, это он щелкал, сгоняя коров. Вот так выстрел!

Петя облегченно вздохнул и навел бинокль подальше за село. Было видно, как стадо, подгоняемое пастушонком, тянется к пастбищу. Тут Петя насторожился. Что такое? Стадо не пошло на пастбище, свернуло на степной тракт. На дороге ни травинки, зато пыли по колено. Непонятно, зачем пастушонок погнал коров туда? Рыжее облако пыли висело над степью, окутывая непроницаемой завесой отставшую половину стада. Пыль ползла по степи все ближе и ближе к селу.

Вдруг смутным силуэтом что-то мелькнуло в пыли...

Не показалось ли? Нет, точно! Лошадиная морда! Один конь, другой, третий... Целый эскадрон прячется за стадом! Впереди, сгорбившись, жмется к коровьему боку человек во всем черном. Рукой дергает. Ясно: уздечкой жеребца к земле пригибает, чтобы тот над гуртом не возвышался.

Петя резко ударил в колокол. Задрожала, заухала чуткая медь, тревожным звоном разорвала утреннюю тишину. На пустынной сельской улице первым появился начальник штаба Андрей Чернов. Он бежал босиком, протирая глаза на ходу. Но его маузер был уже наготове. Следом за ним к штабу со всех сторон спешили красноармейцы.

Казаки один за другим вскакивали в седло и распугивали коров на дороге. В пыльном облаке метались белые молнии клинков. Цо-цо-цо... Слышно, как, приближаясь, всхрапывали кони, били подковами по мостовой. С гиком и визгом выскакивали на улицу казачьи сотни.

Андрей Чернов стрелял из маузера по наседающим на штаб казакам. Храпящие кони взвивались на дыбы, мерцая высветленными подковами, метались перед домом.

— Так их! В хвост и гриву! — крикнул Петя и сбежал с колокольни, чтобы вместе с Ваней Ратановым и другими чапаевцами помочь Чернову отстоять штаб, над которым развевался алый флаг.

Горячка боя переместилась от штаба к крайнему дому, где расположилась пулеметная команда. Плотно заперев входную дверь, вражеские солдаты не давали нашим пулеметчикам выйти на улицу. Петя Козлов, прячась от белоказаков, обежал двор, подкрался к дому пулеметчиков и снял засов, наложенный на дверь.

Красноармейцы выкатили пулеметы и стали поливать врага свинцовыми очередями. С новой силой разгорелся в селе бой.

С дальнего конца улицы, выставив вперед штыки,

двинулась на белых красноармейская цепь. Она теснила их к церкви. Белые повернули назад. Но улизнуть в степь им не удалось. Пастушонок выгнал коров на дорогу. Грозно мыча, они неслись прямо на казаков. Кони испуганно шарахались. Белым податься некуда — со всех сторон они были окружены. Оставался лишь один выход — руки поднимать...

Чапаев с конницей прибыл в село, когда бой уже затих. Комбат и начальник штаба рассказали ему о боевой находчивости юных чапаевцев. Василий Иванович велел немедленно позвать к нему смельчаков — Ваню с Петей. И минуты не прошло, как те явились. Чапаев самолично похвалил подростков за боевую находчивость.

— Из молодых, да ранние! — сказал он.— Правду, видно, говорят — старый старится, а молодой растет. Золотопогонникам несдобровать, коли не только бывалые солдаты, но и мальцы безусые их в оборот берут, в хвост и гриву бьют. Молодцы, орлята!

Вот с того самого дня и стали нас, юных бойцов дивизии, называть орлятами Чапая.

Гордились мы, старались в грязь лицом не ударить. В любом деле на Чапаева равнение брали. Куда он, туда и мы. Как орлята за орлом!

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

Шла по степи рота. Пестрели заплаты на серых шинелях. Рубахи выглядывали из дыр сермяжных зипунов, бурых от солнца. Обшарпанные кожухи лупились, сбрасывая с себя, словно картофельную кожуру, жалкие островки кожи.

Густая тень бежала перед строем и наползала на коренастую фигуру молодого ротного командира Алексея Рязанцева, шагавшего во главе колонны. Где-то впереди глухо и тяжело ударяли орудия, вспыхивали короткие

зарницы взрывов. Весенняя земля, не успевшая высохнуть, смачно чмокала под солдатскими ботинками.

Брели, опаленные войной и солнцем, пропахшие табаком и порохом, еще совсем молодые солдаты. Отвоевав станцию Семиглавый Мар на самой границе Уральского белоказачьего войска, они ступили на землю, которая еще вчера считалась вражеской. Это была их первая победа в бою. Оттого и сияли улыбки на обветренных, почернелых лицах.

— А наш Чапай-то каков, а?! — надвинув рваный треух по самые брови, восхищенно говорил Луке Булычеву черномазый и длинный как жердь Степка Радаев.— Он саблей вжик-вжик... Словно бритвой!

— Саблей-то и я косил по-чапаевски.— Лука задирал веснушчатый нос и важничал, потому что во вчерашнем сражении неотлучно находился при командире.

— Твоей саблей, Жар-птица, только лозу ломать. Тупа, как колун.

— Ничего, казаки и тупую запомнят! — Лука любовно погладил рукоятку клинка, висевшего на боку, и косо посмотрел на Степку. Обижался он за Жар-птицу. А все из-за рыжих волос — сияют, как намасленные! «Вот схожу еще разок в атаку — перестанут дразниться»,— успокоил себя Лука и снова вспомнил вчерашнее: — Чапаевская голова — это да! Соображает почище полководца Македонского. Загнал, как мышей, казаков в ловушку! Они нас с другой стороны ждали, у железной дороги. А мы на них — с тыла. Как снег на голову с горы свалились. Хотели нас одурачить, да сами в дураках остались. Вот что значит командирская голова!

— Голова всему начало,— согласился Степка.— Повезло нам. Таких командиров, как Чапай, наверное, даже в древности не бывало. Не чета каким-нибудь там генералам!

— А я, братцы, про одного генерала песню знаю,— вступил вдруг в разговор шустрый Ванюшка Шапошни-

ков, который славился полнозвучным тенором и потому считался незаменимым запевалой в роте.— Дед эту песню с турецкой войны привез.

— Спой! — попросил, сверкнув узкими глазами, круглолицый крепыш Петька Козлов, страшный охотник до пения.

Когда-то он дискантом пел на клиросах в сулакской церкви, но поп назвал его голос козлетоном. Петька разозлился, сказал попу, что тот опиум народа, и подался в переписчики сельсоветских бумаг. «Был певцом, стал писцом»,— посмеивались над ним дружки-приятели. Но долго смеяться им не пришлось: из всей мальчишеской компании именно его, четырнадцатилетнего Петьку Козлова, зачислили в чапаевский полк. Повезло же!

— Ну спой, чего тебе стоит! — пристал он к Ванюшке, голосу которого давно тайно завидовал.— Спой, а то я про попов и жуликов знаю разные песни, а про генералов — ни одной.

— Ладно. Я не такой жадный, как у сулакского попа певчие. Дарю генеральскую!..

Ванюшка одернул потрепанную тужурку, поправил картуз и, вытянув шею, запел.

— Забористая штука,— похвалил Петька со знанием дела.— Под такую и маршировать можно. Жаль, про белого генерала...

— А мы генерала выкинем, а на его место Чапаева поставим. Как?

— Что ж, попробуй!

Ванюшка затянул то же самое, но с именем Чапаева:

Генерал-майор Чапаев
Шел все время впереди...

Петька принялся подпевать. Запели и другие ребята.

— А что, получается! — возликовал Петька и толкнул в бок Булычева Луку.— Чего молчишь, Жар-птица?

— Спела б рыбка, да голоса нету...

Песню рота освоила с ходу.

Скакавшие мимо кавалеристы придержали коней и стали прислушиваться. Ванюшка глянул на них и осекся. Потом и другие, завидев во главе эскадрона Чапаева, смолкли.

Худощавый загорелый Чапаев крепко сидел на золотисто-рыжем донском жеребце. Края мохнатой черной бурки, свисавшей с плеч, доставали до шпор, укрывая поджарые бока лошади. Норовистый конь играл под седоком, бил копытами. Чапаев натянул поводья, приструнил жеребца, спросил громко:

— Ну, чего замолкли? Аль Чапая заробели? Так он же не черт рогатый. Черт от песни бежит, а Чапай на песню.— И обернулся к конникам: — Правильно я говорю?

— Да-а-а-а,— раздалось согласно.

— Ну так пойте! Мне, признаться, почудилось, будто и меня поминают в песне.— Чапаев примял на голове папаху, повернулся к строю лицом: — Ну так как же вы меня окрестили? Запевай, кто самый горластый!

Петька двинул плечом Ванюшку Шапошникова:

— Давай. Чего уж...

Ванюшка втянул в себя воздуха побольше и, выпятив грудь, рявкнул:

Генерал-майор Чапаев...

— Э-э! Стой! — оборвал песню Чапаев.— Не желаю с генералом в одной компании. Не пойдет, давай по-другому.

Шапошников не растерялся и тут же сочинил новое начало:

Командир — герой Чапаев
Шел все время с нами рядом
Он командовал отрядом,
Веселил своих ребят.

— Не совсем складно, но ничего, сойдет! — сказал Чапаев.— Значит, «веселил своих ребят», говорите? Н-да.

Пошутить я, конечно, не прочь. Особливо, когда свободен. В бою не до шутки. Тут, брат, победу живее хватай за хвост и в нашу сторону перетягивай... Верная песня! А дальше в ней что?

Вдохновленная чапаевской похвалой, запела вся рота. Даже охрипший Лука стал подтягивать. Петька Козлов одернул его:

— Поешь — хорошо, а перестанешь — еще лучше. Заткнись.

— Сам заткнись! Твоим козлетоном только молитвы петь...— И Лука, стараясь перегорланить Петьку, стал петь вместе со всеми:

Идут солдаты с песней,
Спешат скорее в бой.
Лишь один солдат невесел,
Смотрит круглой сиротой.
Буйну голову повесил
На усталого коня.
«Знал бы, знал бы — и не ездил
Я в родимые края.
Лучше было сгинуть мне
Во далекой стороне,
В чистом поле, со врагом,
Под ракитовым кустом...»

Когда рота допела до конца, Чапаев буркнул:

— Мрачновато что-то... Тягомотина. Волком взвоешь от такой песни. Солдату не о смерти положено думать, а о победе! Ясно? Иначе что же получится? Один нос повесит, другой, а третьего, глядишь, на кислятину потянет. А тут — вражья пуля. Кислой миной ее не вспугнешь. Солдата-орла храбрость красит. А значит, и песня ему нужна ядреная, такая, чтоб белым генералам тошно сделалось!

Сказал это, пришпорил коня, поскакал в степь вместе с эскадроном.

И рота зашагала дальше. Ванюшка Шапошников на

высочайшей ноте затянул про Чапаева. Хриплый мужицкий хор дружно поддержал его.

После слов о солдате, который «буйну голову повесил», песня стала меркнуть, разлаживаться, а потом и вовсе оборвалась. Рота вновь завела первый куплет.

— Что ж, мы так и будем на одном месте крутиться? — спросил ротный и осудил запевалу.— Куцая у тебя, Шапошников, песня! Сообрази что-нибудь...

— Кто я вам — Пушкин?

— Раз командир приказал, будешь на сегодня Пушкиным! — отрезал ротный.— Без песни ноги тяжелеют.

Шапошников с Петькой долго спорили, подбирая слова для новой песни. Слов-то, хороших и верных, нашли много, да не ложились они ладно в стих, не звучали по-песенному.

— Это тебе не закорючки в бумаге ставить,— напомнил ротный Петьке Козлову о его недавней писарской должности и громко скомандовал: — Рота, привал! Пущай Пушкины подумают...

— Что ж им одним мозги иссушать? — пожалел дружков длинный Степка Радаев.— Давайте делать песню сообща. Ум — хорошо, два — лучше, а целая рота — и подавно!

— Тихо! Слушайте, сочинители! — приказал ротный.— Пока дойдем до Шипова, песня должна быть! Да такая, чтоб Чапаеву по душе.

— Будет! — отозвалась рота.

И точно — с привала бойцы маршировали под собственную песню:

Командир — герой Чапаев
С нами всюду впереди.
Как поднимет в бой полки,
Тут уж, братцы, не шути!

Рыжий Лука напрягал глотку и безбожно перевирал слова. Его натужный хрип мог загубить песню. Но дру-

гие, твердые, голоса сразу же смяли неверный звук и понесли песню ровно и сильно.

До Шипова оставалось версты две, когда бойцы заметили чапаевский эскадрон.

— Песню! Насколько хватит глотки! — распорядился ротный и всплеснул, как дирижер, руками.

Махал ротный хотя и с величайшим воодушевлением, но явно невпопад. Да бойцам и не нужен был дирижер. Они уже жили своей новорожденной песней, дышали ею, и она, бурная и торжественная, свободно выплескивалась в степь, звонкими волнами гуляла по пригоркам и лощинам, по дороге, исхлестанной снарядами, по раздолью, затянутому в мягкий шелк молодой зелени.

Спаянная песней рота пела весело, слаженно:

Идут солдаты с песней,
Спешат скорее в бой.
Лишь один солдат невесел,
Смотрит круглой сиротой.
Говорит бойцу Чапаев:
«Отчего унылый вид?
Белых тот лишь побеждает,
Кто орлом глядит!»

Чапаев подъехал ближе, прислушался, сказал с улыбкой:

— Мотив-то ваш, да слов моих густо понатыкано. Все Чапаев да Чапаев... А что я один, без орлят моих? Кулак без пальцев! Культяпкой много не навоюешь...

И тогда рота грянула дальше. Запела зычнее прежнего:

Слова для бодрой песни
Солдат в боях берет.
Врага та песня бесит,
Нам — силу придает.
Всех псов продажных белых
Уложим в гробный ряд.
Победа любит смелых
Чапаевских орлят!

— Ну вот, это другой коленкор! — похвалил Чапаев.— Теперь, считай, песня у нас своя есть. Надо добывать вторую...

Он привстал, отделившись от седла, уперся ногой в стремя, звучно крикнул конникам:

— Эскадрон, к бою! Вперед за новой песней!

Сабля, лязгнув, выметнулась из ножен, серебром сверкнула над чапаевской папахой.

ДАЛИ ОФИЦЕРАМ ПРИКУРИТЬ

Уральские степи остались позади. Возвращаясь из похода, чапаевцы приближались к городу Николаевску. И тут узнали: белочешские легионы внезапно ворвались в город и пытаются установить там свою власть.

Бойцам полагался отдых после дальнего похода. Но никто не захотел отдыхать. Какой уж тут отдых, если белые командуют в родном городе, бросают в тюрьмы жен и матерей красногвардейцев, измываются над бедняками и их детишками! Чапаевцы рвались в бой.

Силы, надо сказать, были неравными. Белые в семь раз по числу солдат превосходили чапаевцев. И вооружены были лучше. Как с ними справиться?

Чапаев достал карту и стал объяснять, как лучше Николаевск освободить:

— Стукнем врага сразу в лоб и по затылку, с двух сторон на него пойдем. Где у противника самое больное место? А вот где. Взгляните: из села Таволжанка идет прямая дорога на Николаевск. Потеряй он эту дорогу — потеряет и Николаевск, не будет ему хода ни взад, ни вперед. Крышка! Оттого и засели здесь белые всей своей армией. Больное место прикрывают. Тут мы их и щелкнем. Приказываю: полку Ивана Плясункова — занять переправу через Большой Иргиз и двинуться в сторону Таволжанки, полку Ивана Кутякова — скрытно нагря-

нуть через село Гусиха в тыл противника, поддержать атаку плясунковцев с севера. Сожмем их покрепче, тут они и узнают нашу арифметику: один против семерых — получится плюс, а семеро против одного — минус. Коли враг такому счету не обучен, так мы обучим!

Повел лихой Иван Плясунков свой полк в атаку. Противник начал палить по наступающим цепям из всех пушек и винтовок. Синевато-оранжевые огоньки вылетали из окопов, из окон и чердаков домов, где засели пулеметчики. Они почти в упор расстреливали бесстрашных чапаевцев. Пули, словно пчелы, жужжали над головами. Воздух раскалывался от страшных черных взрывов, раскаты которых гулким эхом прокатывались от сельской околицы по степи. Казалось, земля и небо дерутся между собой — все вокруг содрогалось, ухало, обволакивалось густой, непроглядной гарью.

Плясунковский полк упрямо шел сквозь огонь и дым к вражеским позициям. Белые оборонялись всеми силами и не заметили, как в тыл им прорвались конники Чапаева и пехотный полк Ивана Кутякова. Да разве из чапаевских клещей вырвешься!

Василий Иванович скакал впереди кавалеристов и саблей косил убегающих.

— Бей их и в лоб, и по затылку! — воодушевлял он бойцов.

Победой красных полков закончилось это сражение.

— Дорога на Николаевск свободна! — сказал Чапаев, пряча саблю в ножны.— Двинемся к родному городу — кто к детишкам своим, кто к теще на блины. Нас там ждут не дождутся!

От Таволжанки до Николаевска полки добирались ночью. Все небо было закрыто черными тучами. Темь стояла — ни зги не видно. Лишь при вспышке молнии можно было узнать, кто рядом шагает.

Перед самым городом чапаевцы устроили привал в степи, в стороне от дороги.

Только они сели отдохнуть, как из темноты донесся скрип колес. Кто бы это мог быть?

Командир роты Иван Бубенец с разведчиком Папоновым пошли выяснить. Глядят — на дороге длинный обоз с солдатами. В хвосте обоза — пушки, а на передней повозке сидят офицеры с белыми повязками на рукавах. Один из них — тучный, седоусый господин — щелкнул портсигаром, стал угощать папиросами своих товарищей.

Бубенец, не долго думая, поправил на голове трофейную офицерскую фуражку, одернул гимнастерку и вышел из темноты к повозке. Ловко, по-гвардейски (когда-то, еще до своего участия в штурме Зимнего дворца, подпоручик Иван Бубенец служил в царской гвардии) козырнул тучному господину и, назвавшись капитаном белогвардейской «Народной армии», достал зажигалку из кармана и дал прикурить офицерам.

Он был так любезен с ними, что они сразу приняли его за своего человека.

— С кем имею честь познакомиться? — спросил Бубенец.

— Я есть полковник чешский армия,— ответил седоусый на ломаном русском языке.— Мой полк имейт приказ спасать Николаевск от Чапай.

— О! Большое, большое вам спасибо, господин полковник! А то мы думали, что вы задерживаетесь в пути и не прибудете вовремя. Теперь с вашей помощью мы непременно разобьем злодея Чапая! Разрешите, господин полковник, я направлю адъютанта в часть — она тут поблизости расположилась, чтобы он доложил нашему полковнику о прибытии долгожданных союзников! Представляю, как он обрадуется...

И Бубенец шепнул разведчику Папонову, чтобы тот немедленно мчался к Чапаеву и рассказал о белочехах — надо ударить по обозу, пока он не тронулся с места.

Папонов отдал честь и скрылся в ночи. А Иван Бубенец стал хвастаться перед офицерами своими победа-

ми, одержанными якобы над Чапаевым в сражениях под Таволжанкой.

Полковник смотрел на Бубенца с восхищением.

— Я понимаю, вам, господа, надо спешить в Николаевск,— сказал, закончив рассказ, Бубенец.— Не буду вас задерживать. Счастливого пути, господин полковник.

Не прошел Бубенец и ста метров от повозки, как там забухали взрывы и затрещали пулеметы. Весь обоз — с солдатами, пушками и снарядами — оказался в руках чапаевцев.

— Здорово мы, Иван Константинович, дали офицерам прикурить! — весело подмигнул Бубенцу Чапаев.— Будут знать наших!

Утром красные полки вступили в Николаевск. И после этой победы уездный центр, в котором родилась прославленная дивизия, стал именоваться в честь любимого героя чапаевцев городом Пугачевом.

АДАМ ФУНТИК

С малолетства его все Ваняткой-батрачонком звали. Ваняткой до самой гражданской был. А уж потом Адамом окрестили. Почему? Ну, это потом. Спервоначалу скажу, почему Фунтиком прозвали.

Был Ванятка с самого рождения хил да мал. Ну ростом-то еще туда-сюда, год от году немного, да тянулся. А в тело никак не мог войти. Как перышко легок был! По этой самой причине и прозвали Фунтиком. Прежде, при царе еще, было б тебе известно, клалась на весы гирька — фунт. По нынешним-то временам в ней и полкило не наберешь. Так и пошло: Фунтик да Фунтик. Это вроде фамилии стало. И когда в Красную гвардию записывался, сам себя так и назвал. «Иван,— говорит,— Фунтик».

Хоть и был Ваня телом жидок, но волю имел креп-

кую. Без постороннего пособления грамотность постиг и слыл промеж нас, чапаевцев, главнейшим сочинителем писем, а еще — заправским артистом.

Спервоначалу ему, как человеку образованному, роли красных командиров играть доверялось. Да только не вышло из этого ничего. Ну никакой у него видимости командирской. Ни шашка, ни папаха, ни усы подрисованные не спасали. Фунтик фунтиком и оставался. Голос тоже какой-то несолидный. Сместили его, значит, с командирских ролей. Ну какой это командир, ежели над ним все потешаются, животы надрывают?

Дали ему, значит, новое назначение по части актерства — беляков изображать. Старается Фунтик. Офицеров белых изображает. И опять — как появится, так хохот. И опять начальство недовольно. Враг, мол, должен в красноармейских душах ненависть пробуждать, чтобы посмотреть спектакль — да прямо в бой, а тут — сплошная комедия.

Перевели Фунтика на разные клоунские роли, и все сразу на место стало. Смейся, сколько хошь,— не жалко. Особо хорошо у него шут один при короле удался. Тут уж полный простор выдумщику. Делай, что умеешь, никто не осудит: хоть язык публике высовывай, хоть через голову кувыркайся, хоть шиш королю кажи. Все смешно. И вроде все довольны: и народ и Фунтик.

А играли-то как. Сидит артист на позиции, палит по казаре, и вдруг приказ: «Вечером концерт в городе для местного населения. Срочно в штаб дивизии». До штаба, бывало, верст десять — пятнадцать. Хорошо, если попутная машина или лошадь есть. А нет, значит, так топай. Ну, Фунтику в тот раз повезло. Машина интендантская попалась. Продовольствие на передовую привозила. Весь груз в кузове — Фунтик да мешок с жареными тыквенными семечками. Какой дурак его со склада на фронт посылал, и сейчас не пойму. Командир полковой, когда увидел, что привезли, от злости аж взвился.

— Это,— кричит,— вредительство. Кто это захотел нашу бдительность усыплять? Чтобы духу тут этих семечек не было.

А шоферу что? Взял да и назад — в кузов.

Едут, значит, степью шофер да Фунтик. А жарища — не приведи господь. Рубаха к телу приклеивается. Дышать нечем. И тут вдруг мост через речку. Место райское. Водица меж камней журчит. Кустики тень отбрасывают. Уговорил Фунтик шофера остановиться.

— Давай,— говорит,— обмакнемся по разику.

А тот парень — щеголь да чистюля. Увидел, что с берега лягушки в воду прыгают, наотрез отказался:

— Чтобы я с этими образинами бултыхался? Ни за что! Купайся один.

Фунтик стянул с себя все, что на нем было. Бросил белье под ноги и нырнул в воду. Стал переплывать реку. Когда возвратился, глядь, возле машины три казака на конях. Фунтик спрятал голову в камыши. А что предпринять — не знает. Вылезать? Заметят — башку отсекут. Голым родился — голым и умрешь...

Казаки тем временем спешились. Один, усатый, начал шофера клинком стращать. Фунтику его в полный рост видно. «Эх,— думает,— пальнуть бы! Не промахнусь!» Да винтовку, как на грех, в машине оставил. Положение похлеще шутовского...

Казаки приметили в мешке тыквенные семечки и страшно обрадовались. Целыми пригоршнями стали грабастать. Усатый тоже соблазнился. Отвел саблю от шофера, запустил лапу в мешок.

И тут Фунтик сказал себе: «Самое время... Либо пан, либо пропал!»

Выскочил он быстренько из воды, схватил камень на берегу. И в чем мать родила двинулся на неприятеля. Вскинул руку над головой. Заорал истошным голосом, громче, чем театральный злодей:

— Разбегайсь! Гранатой укокошу! — И кивнул голо-

вой назад, в кусты, будто там еще кто-то прячется: — Не спешите, товарищи! Сам управлюсь!

Казаки обомлели: наступает на них само подобие смерти — сухореброе и нагое. Кого хошь страх проймет! А тут еще граната в руке... Струхнули, к лошадям бросились.

Голехонький Фунтик — за ними. Камнем размахивает и кричит, как на собак:

— Атью, атью!

Шофер оправился от страха. Фунтик — прыг в кабину:

— Гони на полную железку! Удерем, пока живы...— и камнем запустил в казаков.

Те шарахнулись, словно полоумные. Потом видят — никакого взрыва. На земле обыкновенный булыжник валяется.

Озверели. Клинками замахали. Поскакали вдогонку.

Фунтик забрался в мешок с семечками. Лишь мокрая голова да дуло винтовки видны. Прижался нагим плечом к прикладу и ну палить без передыху! Одна лошадь — кувырк с высокой насыпи. Усатый казак за ней.

А двое других не отстают, коней стегают.

Фунтик — щелк, щелк, а выстрела нет. Патроны, вишь ты, иссякли. Ну, думает, амба! Казаки совсем рядом. Вот-вот клинком дотянутся. Еще рывок и... И вдруг видит: перед самым носом машины чапаевская кавалерия на дороге.

Группа всадников поскакала в степь нагонять белоказаков. А остальные — и Чапаев с ними — вплотную приблизились к машине, обступили с двух сторон. Фунтик на радостях-то совсем рехнулся, запрыгал, как дергунчик. От верной смерти спасся — как не плясать.

— Адам пляшет, а Ева дома сидит,— говорит один.

А другой добавляет:

— И голо, и наго, и босо — пуговки не сорвешь.

И только тут Фунтик опомнился — ведь он же совсем голый! Впопыхах-то, удирая от погони, свыкся со своим грешным видом. А здесь Чапаев рядом. Совестно сделалось. Забрался снова в мешок, согнулся в три погибели. Головой туда-сюда водит и глазами хлопает.

Стал Чапаев расспрашивать, почему на красноармейце никакой одежки, что случилось. Шофер не пожалел красок, в героическом виде представил Фунтика.

— Голь на выдумки хитра,— сказал серьезно Чапаев и тут же объявил сбор средств в пользу раздетого и разутого героя.

Каждый снабдил его, чем мог: один стянул с себя гимнастерку, другой вытащил из заплечного мешка запасные галифе, третий протянул Фунтику сапоги с портянками...

— С миру по нитке, а голому Адаму — рубашка,— ухмыльнулся Чапаев.

Кавалеристы — народ общительный, быстрый. Сразу же по всей дивизии раззвонили о веселом фунтиковом подвиге. Оттого, возможно, на вечернее представление народу в театре набилось, как сельдей в бочке.

Зал колыхался от хохота, когда на сцене ходил тощий королевский шут и ловко одурачивал толстого короля. Стоило шуту уйти, как публика принималась вопить:

— Адама Фунтика на сцену!

Пуще всех, конечно, орали кавалеристы.

Чапаев сидел в первом ряду, смеялся и хлопал вместе со всеми. А потом, после представления, взбежал на сцену, снял с себя шашку и протянул ее Фунтику.

— Держи! — сказал.— За храбрость! Давеча, при встрече, не мог. Самому пришлось ею поработать...

И обратился к начальству театральному:

— Нехорошо получается. Такого удальца на несерьезную роль поставили. Ему не шута королевского, а полководца Суворова представлять! А то и самого Стеньку Разина. Тоже был мужик веселый...

С той поры Фунтика стали подпускать к командирским ролям.

Вот такая, значит, история приключилась с Иваном, который стал Адамом.

ГРОМКОЕ «УРА!»

Командование поручило чапаевцам уничтожить белых под Орловкой, где вражеских солдат было во много раз больше, чем нас в дивизии. Но не это тревожило Чапаева. В тылу неприятеля, в селе Корнеевка, засела казачья банда. В любую минуту она могла двинуться на помощь белой армии. Как задержать бандитов в Корнеевке, не дать им соединиться с белогвардейцами?

Своими раздумьями Василий Иванович поделился с николаевскими рабочими, когда выступал у них на заводе. Рабочие сказали, что они не оставят родную дивизию в беде и что-нибудь придумают.

И действительно придумали. Вечером к нам в полк приехал вооруженный отряд рабочих из Николаевска. Командир отряда сказал, что рабочие не выпустят бандитов из Корнеевки и дивизия смело может наступать на Орловку.

Мы закричали «ура!» и стали обнимать рабочих.

Но Василий Иванович глянул на нас строго:

— Сейчас не время кричать «ура!». Вот одержим победу, тогда и кричите себе на здоровье, кому сколько захочется.

Он направил рабочих-добровольцев в Корнеевку, а нам дал задание бесшумно двинуться к Орловке.

— Запомните,— предупредил он нас,— начнем атаку лишь после сигнала. А сигналом к наступлению послужит первый артиллерийский залп по врагу.

Ночью мы приблизились к селу. Притаились в кустах. Разведчик, побывавший в Орловке, доложил, что бело-

гвардейцы ведут себя спокойно, не подозревают об опасности.

Чапаева это сообщение обрадовало. Он приказал нам и впредь вести себя осторожно — не курить, разговаривать только шепотом. Иначе белые учуют неладное, и тогда боевая операция может сорваться.

Начало светать. В селе загорланили петухи. Чапаев взглянул на часы — подоспело время атаки. Он вскочил на коня, подъехал к пушкам, жерла которых были нацелены на Орловку, взмахнул рукой. Громовым раскатом прогремел выстрел.

Мы выбежали из-за кустов, рассыпались цепью и устремились на врага. Он встретил нас бешеным пулеметным огнем. Мы припали к земле и стали ждать, когда пулеметы умолкнут. Но они били все время.

Медлить в атаке нельзя, каждая минута дорога, и Чапаев поручил батареям орудийным огнем уничтожить пулеметные гнезда, очистить путь к Орловке. Все двадцать пушек ухнули разом.

Вновь поднялись наши цепи. Вскинув вперед штыки, бросились мы на неприятеля. Тогда и белые начали палить из пушек. Сверкали и выли снаряды. Все вокруг окуталось дымом и пылью. Огневая полоса взрывов подошла вплотную к нашим рядам, преградила подступы к сельской околице. Мы залегли в ложбинках и воронках, не можем головы поднять.

Неожиданно в орудийном реве и грохоте послышался звонкий, властный голос:

— Встать! Равняйсь по передним! Вперед!

Круто свернув коня в нашу сторону, Чапаев стремительно перемахнул через воронки, в которых мы залегли, вскинул саблю над головой и понесся прямо в село навстречу темной массе вражеских солдат. Черная бурка взвилась за его спиной, затрепетала на ветру.

Увидели мы нашего командира впереди, ринулись за ним следом.

Ничто теперь не могло остановить бойцов — ни ураганный шквал огня, ни белогвардейские штыки, которые, ощетинясь, ждали нас у околицы. Раз Чапаев с нами, чего ж бояться! Где Чапаев, там и победа. Еще не было случая, чтобы мы с ним отступали. Одолеем врага и на этот раз.

Только я так подумал, как вдруг где-то справа от нас — ту-ту-ту — зачастил пулемет. Чапаевский конь ошалело заржал и рухнул на дорогу. Начдив едва успел соскочить.

Я метнул гранату в ту сторону, откуда строчил пулемет. А Чапаев повел бойцов дальше. В правой руке у него — наган, в левой — сабля. Ободренные его бесстрашием, и другие почувствовали себя смелее, схлестнулись с врагом врукопашную.

Смяли мы неприятеля, ворвались в Орловку.

Белые офицеры приказали своим солдатам срочно отходить. А за селом уже стоял наш ночной отряд, который получил от Чапаева задание: скрытно обойти село и отрезать неприятелю путь к отступлению. Выхватили сабли красные кавалеристы — и в атаку. Заметались белогвардейцы: с одной стороны — всадники с саблями, с другой — пехотинцы с ружьями. Куда им сунуться — кругом красные. И такая паника поднялась в неприятельских рядах, что побросали они в степи все свои пушки, пулеметы, подводы со снарядами и давай бежать. Иные стягивали с себя на бегу шинели и даже сапоги, чтобы бежать было легче. Надеялись прорваться к Левенке, соседнему селу. Да где там! По пятам преследовали чапаевцы беляков, не давали уйти. А казачья банда, на поддержку которой рассчитывали белые, не пришла к ним на помощь: рабочий отряд, посланный Чапаевым в Корнеевку, окружил и перестрелял бандитов.

В тот же день Чапаев сообщил командованию: «Доношу, что бой под Орловкой и Левенкой закончился полным разгромом врага. Участвовало четыре стрелковых

полка и один кавалерийский полк тов. Сурова. Противник потерял убитыми до тысячи человек, захвачено 250 подвод со снарядами, 10 пулеметов и много тысяч винтовок».

От командующего армией пришла телеграмма:

«За такой блестящий бой объявляю тов. Чапаеву искреннюю благодарность. Молодецким Николаевским полкам, принимавшим участие в этом тяжелом и славном бою, прокричим мы от всей 4-й армии громкое «ура!».

Чапаев собрал всех участников сражения, позвал на митинг рабочий отряд из Корнеевки. Показал нам телеграмму и сказал:

— Спасибо за храбрость! Теперь можете обниматься, целоваться и громкое «ура!» кричать. Само командование разрешило!

НА ПОНЯТНОМ ЯЗЫКЕ

Первые полки чапаевской дивизии формировались главным образом из жителей поволжских деревень. Все народности, населяющие берега Волги-матушки, были представлены здесь: и русские, и чуваши, и марийцы, и татары...

Спрашивали Чапаева:

— Как это только вы, Василий Иванович, управляетесь с ними? Ведь у каждого — свой язык. Попробуй разберись!

— Как же мне земляков не понять! — отвечал Чапаев.— Вместе при царе горе мыкали, вместе и счастливую жизнь ныне налаживаем. У нас общий язык. Человек еще и слова не сказал, только рот раскрыл, а я уже догадываюсь, чего он сказать намерен. А как же иначе! Одного рода-племени.

— Вы-то их понимаете. А они вас?

— И они меня. Я же им не какой-нибудь угнетатель

царь Николашка, а свой единокровный брат бедняк. В один ряд с ними поставлен самой революцией.

Соберутся вечером чапаевцы у костра на привале — и Василий Иванович с ними. Запоют русскую «На диком бреге Иртыша» — и он подтягивает. Перейдут затем на бойкие мордовские колядки — и он поет вместе со всеми. А уж когда чувашскую песню затянут, то тут Чапаев никак смолчать не может: он вырос в чувашской деревне.

Легко, свободно чувствовал себя Василий Иванович среди людей самых разных национальностей, и они относились к нему по-братски, видели в нем своего надежного заступника.

Как-то заглянул Чапаев в казарму, где собрались иностранные добровольцы, бывшие военнопленные. Были здесь и чехи, и сербы, и венгры, и поляки, и немцы, и румыны, и словаки, и корейцы, решившие служить в революционной Красной Армии.

Послушал Чапаев, о чем они говорят, и ничего не понял.

Попробовал было вместе с ними песню спеть и не смог. Незнакомая была песня. Не заладилась.

Огорчился Чапаев и отошел в сторонку. Сказал переводчику:

— Свои, волжские языки, я, кажись, все освоил. А вот иностранные... Тут у меня осечка. О чем толкуют, понятия не имею. А знать хочется. Как-никак, а я их командир, и настроение бойцов, пусть даже и из чужой страны, мне не безразлично.

— Чего ж вы, Василий Иванович, сразу мне не сказали. Я бы перевел. Они очень хорошо говорили — о вас как о командире и о мировой революции, за которую идут в бой.

— О мировой революции, говоришь? — оживился Чапаев.— Это хорошо! Что ж они, иностранцы, о революции сказывали?

Переводчик стал показывать то на одного, то на другого солдата:

— Вон тот, что в синей шинели, чех. Зовут его Зденек. Он говорил, что вырос в деревне, ему близко и понятно все то, за что воюют вместе с рабочими русские крестьяне. И он тоже хочет шагать плечом к плечу с нами. А вот тот солдат — Станислав из Варшавы — почем зря клеймил своего прежнего начальника. Начальник этот пытался помешать ему вступить в ряды Красной Армии. Но Станислав не послушался и очень горд тем, что пришел помогать революционной России в трудный час борьбы за правое дело рабочих и крестьян всех стран. Но пожалуй, горячее всех выступал венгр по имени Иштван, который у них за комиссара. «Я только что узнал,— сказал он,— что и у меня на родине родилась Советская Республика. Я хочу, очень хочу быть сейчас там, в Будапеште, рядом со своими товарищами. Но я отлично понимаю, что до Венгрии мне сейчас не добраться. Дорогу загородили белогвардейцы. Нужно их разгромить. Помогая русской революции, я помогаю революционной Венгрии, воюю против наших общих врагов за мировую революцию!»

— Ах, какой молодец! — Чапаев с радостью расправил усы.— Жаль, что я сам всего этого не слышал. Расцеловал бы!

— Как так не слышали? — удивился переводчик.— Он же при вас говорил.

— При мне — это точно. Да только я ведь без переводчика все одно, что глухонемой... Как завтра в бой их поведу? Отдам один приказ, а вдруг они его поймут по-другому? Что тогда? Конфуз может получиться. Беда, когда близкие люди друг дружку не понимают.

Он махнул рукой и пошел прочь.

А на другой день под станицей, где разместился интернациональный отряд, вспыхнул жаркий бой. Вражеские силы превосходили. Но интернационалисты не ра-

стерялись. Бок о бок с чапаевцами шли на врага Зденек из Чехии, Станислав из Польши, Иштван из Венгрии и сотни других бойцов интернационального отряда. Пытаясь остановить атакующие цепи, белогвардейская артиллерия обрушила на них смертельный огонь из пушек.

И тут перед бойцами возник Чапаев на коне. Вскинул саблю, крикнул громко, чтоб все слышали:

— Ни шагу назад! Вперед, товарищи, за наше общее дело, за мировую революцию! Вы понимаете меня? Али переводчик надобен?

Радостно, в едином порыве зашумела разноязыкая солдатская цепь, поднялась дружно, пошла в наступление, следуя за скачущим впереди начдивом. Все отлично поняли боевой чапаевский приказ, не дрогнули в сражении.

Когда станица была освобождена от неприятеля, Василий Иванович особо отметил отвагу и бесстрашие иностранных добровольцев.

— Славно дрались, товарищи иностранцы! — сказал он.— Смотрел на вас и радовался. Ни в чем не дали промашки. Хотя язык ваш иной, чем у нас, но в бою вы такие же орлы, как и мои земляки-волжане. Хвалю! Пора вам свой полк создать — интернациональный, революционный! Заслужили! Теперь я самолично убедился — ваш язык, как и наш, понятен революции и без переводчика.

И вскоре был сформирован из добровольцев-иностранцев новый полк под номером 222. И получил он наименование — Интернациональный полк Чапаевской дивизии.

Торжественно оповестив своих читателей об этом важном историческом факте, газета «Революционная армия» писала, как единогласно, при большом общем подъеме присутствующих принята резолюция: все интернациональные войска готовы выступить на защиту революции и рабоче-крестьянской власти и не оставлять Восточный фронт до тех пор, пока враг не будет разбит.

ПАКЕТ С СУРГУЧОВОЙ ПЕЧАТЬЮ

Белый адмирал Колчак решил захватить Волгу и двинуть свои полки дальше на Москву.

Перед нами, чапаевцами, была поставлена задача — сорвать план Колчака, не дать ему продвинуться вперед. И снова Чапаев повел нас в поход. Долго мы шли по степи и наконец вышли к тихой речушке. Лица бойцов сразу посуровели. Мы знали: там, на другом берегу, прячется враг. Опасный и многочисленный враг — армия белого адмирала Колчака.

Прежде чем начинать сражение, надо было разузнать, какие передовые белые части расположились напротив нас и сколько их. Чапаев послал во вражеский тыл отряд, которым командовал молодой разведчик Гулин.

Разведчики стали искать мост, чтобы перебраться через речку. Но мост был снесен недавним ледоходом, а лодки стояли у другого берега. Как быть?

Гулин поднял винтовку над головой и, не раздеваясь, шагнул в холодную как лед воду. Пошли за ним и остальные разведчики.

Вплавь они перебрались на вражеский берег и двинулись дальше, мокрые и озябшие. Сначала пробирались лесной чащей, ползли по дну оврага и, наконец, набрели на дорогу.

Чу! Будто кто-то скачет по лесу. Гулин приказал отряду лечь за кусты.

Только разведчики спрятались на опушке, как на дорогу выскочили всадники. Их было десять человек. И все как на подбор: рослые и плечистые, с черными усами и в голубых мундирах.

— Важные, видать, птички в гусарской одевке,— шепнул товарищам Гулин.— Издалека спешат — вон как коней замаяли, аж пар идет... Возьмем гусар на испуг!

Разведчики подпустили конников ближе и выбежали из кустов.

— Стой! Ни с места! — закричал Гулин страшным голосом.— Руки вверх!

Гусары опешили, подняли руки. Лишь офицер, что скакал первым, не растерялся, замахнулся на коня плетью.

Гулин схватил офицера за ногу и дернул. Тот полетел с седла под ноги лошади.

— Не ушиблись, ваше благородие? — засмеялся Гулин.— Ничего, подлечим! Жаль только — драгоценный мундирчик замарали. Отродясь такой одевки не видывал. В каком это полку так красиво наряжают!

— В Первом гусарском полку,— хмуро ответил офицер.

— А спешите куда?

— В одиннадцатую дивизию.

— По какой надобности? Уж не приказ ли везете?

— Скажу, если не расстреляете...

— Скажешь честно — не расстреляем,— пообещал Гулин.

— Тайный приказ везу. От адмирала Колчака.

Офицер вынул из кармана пакет с сургучовой печатью. На пакете было написано: «Секретно».

Гулин забрал пакет себе и приказал:

— Марш, гусары! Поведем вас в гости к начальнику дивизии!

Чапаев, встретив разведчиков, первым делом распечатал пакет.

— Вот это удача! — воскликнул он.— Полный план колчаковского наступления!

Он достал карту из планшетки, развернул ее и, заглядывая в белогвардейский план, красным крестиком обозначил на карте те места, где расположились полки Колчака.

— Одним ударом нашей дивизии с такой армией не справиться. Будем окружать и громить ее по частям,— предложил Чапаев.— Сначала устроим врагу ловушку

вот здесь,— он указал на один из крестиков на карте.— Закончим эту операцию — двинемся южнее, окружим еще один полк, а дальше — прямая дорога вот сюда, на Уфу... Так, по очереди, разобьем отборные части Колчака с помощью его же секретного плана!

Как замыслил Чапаев, так все и свершилось.

БОЙ У РЕКИ БЕЛОЙ

Остатки колчаковской армии отступили к городу Уфе. Враг укрылся на правом, гористом берегу, а чапаевцы — на левом, в низине.

Василий Иванович поднес бинокль к глазам и увидел окопы за колючей проволокой. Они тянулись в несколько линий вдоль всего берега. А чуть дальше, возле блиндажей, сновали броневики и автомобили, торчали нацеленные стволы пушек и пулеметов.

— Крепкий орешек! Но мы получили приказ товарища Ленина: во что бы то ни стало отвоевать Уфу. Не завоюем Урала до зимы — гибель революции. Так Ленин и сказал. Нельзя допустить, чтобы революция погибла! Первая задача — как можно скорее перебраться на другой берег.— Чапаев спросил у бойцов: — Есть средь вас местные, уфимские?

— Я уфимский,— шагнул вперед разведчик Василий Зорин.

— Реку Белую хорошо знаешь?

— Как не знать, Василий Иванович! С малых лет все отмели тут облазил. Не хуже здешней щуки дно изучил.

— В таком случае скажи мне, Зорин, где на Белой мельче перекаты — у Чесновки или у Красного Яра?

— Известное дело, у Красного Яра. Река там хоть и широкая, да мелкая. И течение спокойное. Летом, как только ежевика поспевает, наши женщины с корзинками

вброд перебираются через Белую. Подогнут подолы и шпарят напрямую. Летом-то здесь курице по колено.

— Значит, здесь и будем брод искать,— сказал Чапаев.

Он посоветовался о чем-то с комиссаром Фурмановым и потом подозвал Зорина.

— Пойдешь в разведку,— приказал Чапаев.— Надо выяснить, где у белых сосредоточена артиллерия в городе и много ли там пушек. Утром жду тебя, Зорин, с донесением.

В сумерках чапаевский разведчик переплыл реку и заглянул в родительский дом, что около вокзала,— отец там грузчиком работал.

Обрадовался отец нежданному появлению Василия. Лампу зажег и выставил самовар на стол.

Тут кто-то в дверь постучался. Вошел краснолицый человек в форме белогвардейского артиллериста. Это был родственник Зориных — Иван Андреев. Не знал он, что Василий служит у Чапаева, думал, что по-прежнему помогает отцу таскать чемоданы на станции. И белый офицер стал нежно, по-родственному обнимать чапаевца.

Хозяин угостил родственничка водкой. Иван выпил один стакан, другой и, захмелев, принялся хвастаться.

— Мы, Васек, под Турбой такую штуку против Чапая затеваем — ахнешь! Психическая атака — ты представляешь, что это такое?!

— Психическая? — прикинулся простачком Василий Зорин.— Понятия не имею! Ужасное чего-нибудь?

— Ужаснее быть не может! Как рассветет, офицерские полки в атаку пойдут — в полный рост, в парадных мундирах, под развернутыми знаменами. От одного их вида чапаевцам жутко станет. Запсихуют и побегут, не удержишь! А тут мы еще огоньку подкинем — всей артиллерией ударим. В порошок сотрем! Считай, что Чапаев со своей дивизией последний денек доживает. По-род-

ственному говорю тебе. Понял? Другим ни гу-гу. Военная тайна...

Иван, покачиваясь, встал из-за стола и побрел к выходу.

Василий тоже попрощался с отцом. Надо было походить по городу, разузнать, так ли все, как рассказывал родственник.

Собрал Зорин нужные сведения и, сев в лодку, погреб к своему берегу.

Чапаев выслушал донесение и похвалил разведчика:

— Сведения твои, Зорин, верные и очень важные. К нам только что солдат от белых перебежал. Он тоже про психическую атаку говорил. Надо нам как можно скорее на другой берег перебираться.

Командир кавалерийского эскадрона Дмитрий Здобнов заметил на реке два парохода и буксир. Они плыли в сторону Уфы.

«Вот на них-то мы и сможем переправиться, не замочив брюк»,— подумал Здобнов и громко крикнул, чтобы пароходы поворачивали к берегу, в противном случае будут обстреляны из пушек и потоплены.

Капитанам не хотелось, чтобы их потопили, они стали рулить к пристани. А белые офицеры, сидевшие на пароходах, один за другим бросились в воду.

Чапаевцы стреляли в них из винтовок. Никому из офицеров не удалось доплыть до своего берега.

Под покровом ночи бойцы Иваново-Вознесенского полка тесно расселись на пароходах и плотах.

Чтобы отвлечь внимание противника, Чапаев распорядился вдали от переправы начать стрельбу и пустить вниз по течению пустую баржу, дряхлую и дырявую. Белые сразу же ее заметили, решили, что это чапаевцы переправляются, и стали обстреливать баржу из пушек. Баржа разлетелась в щепки. А наши тем временем высаживались на берегу совсем в другом месте. Их заметили

лишь тогда, когда пароходы и плоты вернулись назад за новым отрядом бойцов.

Иваново-вознесенцы с ходу атаковали противника близ деревеньки Нижние Турбаслы. Они очистили часть берега от колчаковцев и открыли другим чапаевским полкам свободный путь через реку.

Не дожидаясь, пока придет подкрепление, иваново-вознесенцы снова бросились в штыковую атаку. Они заняли первую, затем вторую линии вражеских окопов и решили здесь подождать, когда с переправы подойдут новые отряды. Но на реке случилась какая-то задержка.

Враг перешел в наступление. А у наших патроны на исходе и многих бойцов поубивало. Не выдержали иваново-вознесенцы натиска, стали отходить.

Белые офицеры закричали:

— Ура! Победа за нами!

Колчаковцы бросились преследовать чапаевцев.

Вдруг откуда ни возьмись — группа красных конников, а с ними — командующий Фрунзе. Спрыгнул он с коня, скомандовал решительно:

— Иваново-вознесенцы, за мной! В атаку на белых!

Выхватил Фрунзе винтовку у своего ординарца и побежал вперед. Появление командующего в боевых рядах словно удесятерило силы красноармейцев. Они кинулись следом за Фрунзе, смяли противника и погнали его по бурой, выгоревшей степи к городу.

В небе закружились колчаковские аэропланы. Они бросали бомбы на переправу и строчили из пулеметов.

Фрунзе спешно поскакал на коне к берегу, чтобы подбодрить бойцов, не дать вражеским летчикам сорвать переброску войск к месту сражения.

С самолетов заметили, что Фрунзе и Чапаев прибыли руководить переправой, и стали бомбить еще яростней.

Одна из бомб упала в ноги лошади, на которой сидел Фрунзе. Гулкий взрыв оглушил его, отбросил далеко в

сторону. Лошадь погибла, а сам он, окровавленный, потерял сознание.

Самолет-стервятник сделал новый заход, пролетел низко-низко. Чапаев глянул вверх и вдруг схватился за голову. Меж пальцев проступила кровь, встревоженная санитарка ахнула:

— Вы ранены, Василий Иванович...

— Пустяк! — отмахнулся Чапаев.— Надо было увернуться от пули, а я на нее загляделся — очень уж красиво летела...

Чапаев шутил, а было ему не до шуток — рана оказалась тяжелой. Пулю, засевшую в виске, долго не могли вытащить.

Ложиться в госпиталь Чапаев наотрез отказался и с забинтованной головой продолжал руководить переправой.

На рассвете колчаковцы начали психическую атаку. В наступающих рядах — ни одного солдата, только офицеры в черных мундирах. У всех — ордена и медали на груди, широкие повязки на рукавах. На повязках нарисованы белые черепа с перекрещенными костями, а на стягах, поднятых высоко над шеренгами,— устрашающие слова: «Жизнь или смерть!»

Все поле, от края до края, зачернело офицерскими мундирами. Грозной тучей надвигались колчаковцы на чапаевцев. Впереди, вскинув обнаженные сабли к плечу, вышагивали полковники. В утренних сумерках поблескивало золото погон.

Белые шли молча, старались не звякать оружием, не шуметь, не толкаться. Они были убеждены, что красноармейцы, изнуренные тяжелой переправой, спят в окопах и внезапная атака ошеломит их, обратит в бегство. Но Чапаеву еще накануне из донесений разведки стало известно, что готовится такая атака, и он приказал нашим отрядам притаиться во ржи, приготовиться к встрече неприятеля.

Чем ближе подходили батальоны к чапаевцам, тем нетерпеливее, учащеннее становились шаги офицеров. Еще один шаг и...

Высокая рожь вдруг разом ожила: зашелестела, застрекотала, рассветная тишина огласилась винтовочными залпами, грохотом взрывов, бешеной пулеметной дробью, криками, стоном раненых.

Бой длился три часа, и мало кому из колчаковцев удалось спастись.

Жители Уфы цветами встречали нас, своих освободителей.

А вскоре мы узнали: за победу над Колчаком Революционный совет республики наградил начальника дивизии Василия Ивановича Чапаева орденом Красного Знамени. Получили награды и наши отважные разведчики — ведь это они помогли Чапаеву составить план разгрома колчаковской армии.

ОРЛЫ И РЕШКА

В прежние годы я азартным был. Лихостью счастье свое пытал. Однажды с голой саблей на броневик бросился. Не веришь? А ты у бывших эскадронников поспрошай. Уж они-то тебе порасскажут, какие рисковые коленца Пашка-кавалерист в бою под Чишмой выкидывал.

Нам Чапаев тогда строго-настрого приказал взять станцию эту во что бы то ни стало: она ворота на Уфу открывала. А как к ней подступишься? Беляки под горой штыками ощетинились, блиндажи с потайными ходами вырыли, подходы колючей проволокой да броневиками загородили. Лошадь против брони все одно что моська против слона. Аховая ситуация!

Командир эскадрона все утро с нами обмозговывал, с какого фланга вернее по врагу ударить. Я говорю:

— Беляка в лоб сподручнее бить, чтоб он, ошалелый, рассудка лишился.

Командир в сомнении:

— У него ж лоб бронированный! Конской подковой его не прошибешь, да и саблей не взять.

— Глоткой,— говорю,— возьмем. У кавалеристов глотки луженые. В полную силу гаркнем — у самого черта в голове помутится. Пострашнее батарейной канонады!

— Психически, значит, брать предлагаешь? — интересовался он.

— А как же еще! — отвечаю.— Колчак привык нас с флангов встречать, а мы его в самом центре оглоушим. Ежели страху в глаза прямо смотреть, то и страх смигнет.

Командир, вижу, мнется, затылок чешет.

— Ну,— говорю,— коли такое сомнение, помогу тебе выбор сделать.

Вынимаю из кармана пятак, кладу на ладонь и спрашиваю:

— Орел али решка? Ежели орел — идем напрямик, ежели решка — быть по-твоему: атакуем с фланга!

Надо сказать, в малолетстве я частенько орлянкой забавлялся. Нрав медяка не хуже лошадиных повадок освоил: он неизменно ко мне орлом оборачивался.

Но командир не принял моего предложения.

— На войне,— говорит,— гадают умом, а не пятаком.

Я все же подбросил монетку. Она покрутилась в воздухе и упала к моим ногам, как я и ожидал, лицевой стороной.

— Вот видишь,— говорю,— сама судьба в мою поддержку выступает.

— Шут с тобой,— он махнул рукой,— рискнем. В твоих суждениях резон есть. Другого маневра не вижу...

Оседлали мы коней. Сабли до блеска надраили, чтоб побольше страху супостату нагнать. Бомбами да грана-

тами обвесились, белые бутылки по карманам рассовали — в случае чего по броневику трахнуть. Несемся во весь опор, путь впереди гранатами освобождаем. Свистим, галдим. «Ура!» — из края в край раскатывается по позиции.

Вражья цепь, гляжу, дрогнула, стрельбу поубавила, в испуге стала пятиться, расползаться.

А броневик ни с места. Поливает нас почем зря огнем, мешает атаке. Пришпорил я буланого и галопом к стальному чудовищу. Бомбой его по башне саданул. Взрывная волна толкнула меня в грудь. Едва в седле удержался.

Пулемет помолчал минутку. Потом снова жерлом в амбразуре задергал. Прицеливается, гад, новую порцию свинца для нашего брата готовит. И такая тут меня злость взяла — никакого страха в себе не чую. Подлетаю на коне к самой машине, цепляюсь за пулеметное дуло и выдергиваю его, горячее и страшное, из бойницы, швыряю под колеса.

И вдруг замечаю: из-под крышки люка, развороченного взрывом, чья-то рука метит в меня из маузера. Я — по руке клинком. Вовремя успел.

Заглядываю в люк машины — там офицер скукожился. Хватаю офицера за уши. Выволакиваю на свет божий. Он дико воет от боли и трясет руками...

После боя Василий Иванович навестил наш эскадрон, произнес речь перед строем.

— Воюете браво — вам и слава! — сказал он.— Трус и таракана принимает за великана, а для храброго конника и броневик не велик. За лихость военная казна жалует всех вас денежной наградой. Ступайте получайте! Пашке-храбрецу,— Чапаев на меня указал,— прежде всех выплатить! Ловко он офицера за уши тянул! Как дед Мазай зайца. Будет потом что сыновьям рассказать, чем честной народ позабавить...

Получил я деньги и с ребятами на постой отправил-

ся. От чапаевской похвалы хожу сам не свой. Настроение, как у жениха перед свадьбой.

— Эх, братцы,— говорю,— орлянкой бой начали, орлянкой его и кончим. Благо деньжатами обзавелись. Попытаем счастье!

Подбросил монетку над головой и ладонями поймал:

— Орел али решка?

Кавалеристы меня обступили:

— Что ж ты, Пашка, сам с собой играешь? Принимай и нас в свою компанию.

— Не безденежные, чать. И нас Чапай рублем одарил.

— Кладем на кон!

Кто-то фуражку снял, посреди двора положил. Каждый опустил в нее деньги.

И пошла заваруха! По очереди вертим орлянку. Один крутнул — решка, второй крутнул — решка, и у третьего — то же самое. А мой медяк всякий раз орлом вверх падал. Раз беру деньги с кону, второй загребаю, и третий в мой карман уплывает. Дружки ропщут:

— Шельмец ты, Пашка! Нас по миру задумал пустить...

— Были грошики, да прошишкали...

Принялись дальше деньгу метать.

Зажал я медяк между пальцами, приготовился подкинуть. Оглянулся — у калитки Чапаев стоит, на нас посматривает. Видно, он раньше пришел, да мы, увлеченные игрой, не приметили. Я быстренько монетку в карман. Притих, глазами моргаю. Знаю: Чапай баловства не терпит. При мне однажды так распушил картежников — целую неделю потом у них красная краска с лица не сходила.

«Что-то сейчас будет? Держись, Пашка!» — думаю так и глаза вниз хороню. С чапаевским взглядом встречаться страшусь. Только слышу шаги. Все ближе и ближе. Подходит ко мне и говорит:

— Что ж ты, Пашка-храбрец, струсил, орлянке хода не даешь? Тебе, как погляжу, нонче сплошное везение — и в бою и в кону. Кидай, коли твой черед...

Голос будто спокойный, без строгости, без ехидства. Не пойму, подтрунивает он надо мной али вправду говорит. Молчу. Жду, какой оборот дальше дело примет. Краем глаза поглядываю на Чапаева. Лицо у него ничего не выражает, а в усах едва заметная ухмылка. Потом усы вдруг ожили, поползли кончиками вверх. Заулыбался во всю ширь:

— Ну, ежели Пашка играть не желает, дозвольте мне орлянкой потешиться. Возражений не будет?

Никто, конечно, возражать не стал.

— Вот и хорошо! — сказал он, потирая ладони.— Клади, лихая кавалерия, все деньги на кон. Пойду ва-банк!

Молчавшие до той поры эскадронники сразу оживились, загалдели, зашуршали кредитками. Фуражка на земле до краев наполнилась.

— Может, у кого еще осталось? — поинтересовался Чапаев.— Спешите внести! Не то поздно будет.

— Рады бы,— ответили конники,— да ничего нет. Наши деньги Пашка прикарманил. С ним играть накладно.

— Вот что! Опоражнивай-ка, герой, свой карман! — обратился Чапаев ко мне.— Хочу и с тобой посостязаться.

— Ну, а ежели проиграете? — окончательно осмелев, спросил я.— Чем тогда будете расплачиваться?

— Ничего,— засмеялся Чапаев,— расплачусь. Как-никак я комдив, что-нибудь наскребу, чтобы в долгу не остаться.

Вывернул я карманы и весь свой выигрыш, до последней копеечки, выложил на кон.

Чапаев снял папаху, высыпал в нее деньги из фуражки, забрал себе.

— Будет вам наперед наука! А то, ишь ты, купчики непутевые, нашли себе занятие — рублевки на ветер пускать. К лицу ли боевым орлам быть решкой?

Сказал и хмуро пошел со двора.

Под вечер к нам на постоялый двор заглянул посыльный из штаба. Приволок огромный тюк всякого добра:

— Василий Иванович велел передать. У него откуда-то деньжата завелись, так он их все на вашего брата ухлопал. Везет же людям! Полюбуйтесь только: бельишко нательное, носки шерстяные, портянки белоснежные — одно загляденее! «Снеси, говорит, кавалеристам. Пусть наденут, чтобы ноги не стереть. А то им, горемыкам, поди и купить не на что. Проигрались вдрызг, хоть шарманку на них надевай...»

Мы промолчали: крыть было нечем.

ХОМУТ ДЛЯ КОЛЧАКА

В районе села Татарский Кандыз 25-я Чапаевская дивизия в пух и прах разгромила отборные колчаковские части и вместе с другими дивизиями перешла в наступление по всему фронту.

Далеко вперед продвинулась Красная Армия, сокрушая врага. Измученные походом чапаевцы устроили привал в степи. В Татарский Кандыз, где временно разместился штаб дивизии, Чапаев направил с донесением своего гонца — молоденького красноармейца Сергея Иштыкова.

В полдень возвратился гонец с приказом командования армии — всем чапаевцам объявлялась благодарность за славную победу.

— Приятно читать такие слова. Они боевой дух поднимают,— сказал Чапаев и весело глянул на вспотевшего от быстрой скачки Иштыкова.— Добрую весточку привез. Спасибо!

Смущенный Сережа не знал, что сказать в ответ. Вытянулся по швам перед начдивом и решительно произнес:

— Рад стараться, товарищ Чапаев! Белого адмирала Колчака мы не сегодня-завтра в бараний рог скрутим!

— Ну это ты через край хватил,— ухмыльнулся Чапаев.— Надобно сперва поймать того адмирала, а потом уж и скручивать. Слишком прытко стал бегать. Попробуй — догони! Разве что сесть на твоего лихого вороного да пуститься вдогонку...

Чапаев ласково потрепал гриву взмыленной Сережиной лошади, потрогал уздечку. И тут же, прищурившись, глянул на Сережу и неодобрительно хмыкнул в усы:

— Прибыльное, оказывается, дело — ездить в Татарский Кандыз. Помнится, утром ты от меня ускакал босиком, а возвратился кум королю. Разживился — ничего не скажешь!

— Скажете тоже,— обиженно хмыкнул Сережа.— Разве кумы ходят в дырявых сапогах?

— Прежде в лаптях ходили, а вместо седла была подушка,— в глазах Чапаева не угасал лукавый огонек.— А теперь от подушки даже пушинки не осталось. Кавалерийское седло пристегнуто, и уздечка что надо: легкая, в сверкающих узорах и без заплат. Сплошной блеск и красота! Признайся честно: кого обворовал?

— Не воровал я вовсе. Напрасно вы так. Сапоги мне товарищ подарил — у него теперь новенькие. А конскую сбрую Даша Заглядина изготовила, местная шорница. Увидела, что на подушке сижу, и на смех подняла. А потом сбегала домой и добровольно, без малейшего принуждения с моей стороны, вручила вот этот подарок — от себя лично и от своих сестричек. Они тоже шорницы.

— Ты мне зубы не заговаривай,— насупил брови Чапаев.— Где это видно, чтобы девки — и вдруг шорницы? Не смеши честной народ.

— Я и сам вначале усомнился,— согласно кивнул Сережа.— Но когда Даша, прощаясь, мне руку подала —

сомнения отпали. Так пожала, что я аж взвизгнул. Крепкая у нее ладонь, и вся дратвой исполосована. Меня не проведешь — шорница она. И сестрички ее — мастерицы каких поискать!

— Тебя послушаешь, так получается, что девки посильнее наших конюхов в конской сбруе кумекают.

— Так оно и есть! Даша сказала: «Ежели Чапаев согласие даст нас в свою дивизию шорниками зачислить, то мы красную кавалерию сплошняком седлами обеспечим. Не придется вам на подушках ездить».

— Прямо так и сказала?

— Прямо так,— подтвердил Сергей.

— Видать, лихая девка. Взглянуть бы.

На другой день, отправляясь в Татарский Кандыз, Чапаев прихватил с собой и Сережу Иштыкова. Они вместе постучались в дом Заглядиных.

Даша с сестренкой Татьяной в это время мастерили кавалерийское седло.

В подвальной комнате было сумрачно и сыро. Пахло кожей. Чапаев разглядел возле замутненного окошечка коренастую девушку с длинными косами и спросил Иштыкова:

— Это и есть шорница Даша Заглядина?

— Она самая.

Девушка не растерялась, глянула на Чапаева задорно:

— А вы, как я вижу,— сказала она улыбчиво,— и есть тот самый храбрый Чапай, который нас, девушек, в свою дивизию не допускает?

— Это смотря каких,— Чапаев с интересом взглянул на бойкую Дашу.— Показывайте, на что горазды, какому ремеслу обучены.

— Смотрите, коли интерес имеете. Все вокруг — наших рук дело.

На скамейке и на столе лежали всевозможные изделия из кожи и бархата: упряжь к хомутам, одноузки, ка-

валерийские седла, оружейные ремни и револьверные кобуры, потники под седла и даже черная комиссарская кожанка.

— Неужто все сами? — не поверил Чапаев.

— А кто ж еще? У нас батраков не водится. Сами сызмальства в батраках ходим,— ответила Даша.

— Хороши батраки! Вон сколько кожи да бархата!

— Все это мы у помещика забрали, на которого батрачили. Он недавно к Колчаку подался. И уж так спешил, что в усадьбе не только занавески атласные на окнах оставил, но и целый амбар, кожей набитый. Вот мы и пользуемся.

— Кто это — «мы»?

— Я с сестрами. Нас у отца с матерью семеро. И все девки. Отец-то, прямо скажу, всякий раз, когда мама в положении ходила, ожидал мальчика. Чтобы, значит, свой шорный навык в мужские руки передать. А мальчик так и не народился. Вот и пришлось ему нас, девчат, мужскому делу обучать. Недавно осиротели мы, без отца остались. Вот и шорничаем заместо него. Пригодилась отцовская наука.

— Шить-мастерить, вы, женщины, конечно, горазды,— сказал Чапаев.— Но чтобы седла да еще хомуты...

— И на хомуты способные! — решительно ответила Даша.— Вот взгляните.

Она вручила Василию Ивановичу хомут, только что изготовленный собственными руками. Чапаев повертел хомут так и эдак, проверил, туго ли набит соломой. Потом вдруг со всей силой попытался разорвать кожу. Но она не поддалась. Швы были сделаны прочно.

— Добрая работа,— похвалил Чапаев.— Прибереги хомут для Колчака. Мы его непременно в этот хомут загоним!

— У меня к вам, товарищ Чапаев, великая просьба — возьмите меня к себе в дивизию! Сестренки здесь останутся, а я с вами.

— Милости просим! — пригласил Чапаев, и тут взгляд его скользнул по дырявым сапогам Иштыкова.— Но спервоначала самолично убеди меня, на что ты способна. Видишь, какие сапоги у красноармейца Иштыкова — каши просят! А ты залатай так, чтобы они этой каши больше не просили. Сможешь?

— Пара пустяков,— ответила Даша и приказала Сереже: — Разувайся!

Сережа смущенно стянул один сапог, потом другой. Остался в одних портянках. Но ненадолго. Не прошло и десяти минут, как сапоги были починены. Даша намазала их черным сапожным лаком, шаркнула бархоткой по голенищам. Засияли сапоги как новенькие. Даже заплаток незаметно.

— Справно сработано,— похвалил Чапаев.— Такие мастера во как Красной Армии надобны! Надевай, Иштыков, сапоги и топай за мной в штаб. Пусть штабисты полюбуются. Не сапоги, а зеркало.

Прощаясь, протянул Чапаев Даше руку, пожал крепко. А она в ответ пожала еще крепче. По-мужски пожала. Чапаеву это понравилось:

— Золотые руки! С такими руками не пропадешь!

И с того дня стала Даша Заглядина шорником Красной Армии. Мастерила седла да уздечки, приводила в порядок изношенную в боевых походах конскую сбрую. Забот хватало. В отвоеванных у белогвардейцев селах и городах находили ей чапаевцы комнатушку, где бы она могла шорным делом заняться. По вечерам приходил к Даше, звякая подвешенной на боку шашкой, красноармеец Сергей Иштыков, говорил весело:

— Здравия желаю, шорник с косичками! Как дела? Чем кавалерию порадуешь? А то без твоих седел конникам — одни мозоли на сидячем месте. Ни сесть, ни встать, ни на вечеринке сплясать...

Зная о предстоящем визите красноармейца Иштыкова, Даша заранее готовилась к встрече желанного гостя.

Сергей извлекал из кармана широченных брюк красный кисет из-под табака, доставал оттуда массивную грушеподобную, измазанную чернилами печать. Подносил ее и жарко дышал на резиновый край. Потом плотно прижимал ее к шорным изделиям, и там, на обшивке, оставался густой фиолетовый штамп: «Сделано для штаба IV Красной Армии».

— Будет знать пес Колчак, какая сила его в хомут вгонит! — смеялся Сергей.— Василий Иванович о твоей шорной продукции самого лестного мнения. У него даже такая поговорка родилась: «Шорник — полковник, портной — майор, а сапожник в кавалерии рядовой».

Проштампованные изделия Иштыков откладывал в сторону и, прежде чем отнести их в повозку у крыльца, садился за стол и писал справку, сколько и чего принято от шорницы Дарьи Васильевны Заглядиной. Затем сам ставил свою подпись в конце листа и Дашу заставлял расписаться. И лишь после этого ставил на бумажке фиолетовую печать.

Всякий раз, когда Иштыков приходил к Заглядиной, приносил не только очередной заказ от кавалерии на изготовление конской упряжи, но и причитающийся ей красноармейский паек в узелке.

— Это тебе, Даша, за боевое шорное дело! — восклицал он, вручая ей узелок.— С доставкой на дом. Чтобы тебе лишний раз на склад не бегать и от работы не отрываться. Ибо помни: без твоей сбруи мы, чапаевцы, как без рук.

Под натиском чапаевцев колчаковцы оставляли один населенный пункт за другим, пятились к Уфе. Отступая, белая армия грабила жителей, увозила с собой хлеб и имущество, домашний скот и сундуки с добром. В хвосте белогвардейских обозов по пыльным дорогам в сторону железнодорожных станций двигались кулацкие фургоны,

доверху груженные продовольствием и всевозможной утварью. Все, что можно увезти, увозилось из прифронтовых районов, пряталось от Красной Армии, от бедноты.

— Богачи-то, богачи-то лютуют,— возмущался Иштыков,— словно кроты, в землю зерно засыпают, золото за границу вывозят. Таят от Советской власти все, что чужим трудом нажили. Так дальше дело не пойдет! Ты, Даша, хорошо знаешь здешние места и должна пособить нам найти спрятанное добро, к стенке прижать богачей. Будешь красной сыщицей.

— А кто же чапаевскую кавалерию обеспечивать будет? — спросила Даша.— Али не надо седел больше?

— За кавалерию теперь можешь не волноваться,— успокоил Иштыков.— Ты наших коняшек в гвардейскую сбрую нарядила. Кое-что из конской амуниции мы у Колчака отбили. Богатый трофей! Так что тебе ныне объявляется передышка. Получай новое чапаевское задание.

— Какое же?

— Я слышал, тебя сама игуменья женского монастыря к себе звала?

— Звала. А что? Нельзя разве? Я и прежде не раз в монастыре конскую упряжь чинила. Мужикам-то нельзя туда. А мне, женщине, можно. Вот она и попросила помочь монастырю. Мать Манефа за работу всегда хорошо платит. Грех жаловаться...

— А что ты еще о ней скажешь?

— Об игуменье Манефе, что ли? Могу сказать. Красивая женщина. Кровь с молоком. В молодости, говорят, строптивостью нрава отличалась. Родитель ее — петербургский ростовщик — мечтал пустить Манефу по коммерческой части. А она не захотела. В консерваторию подалась. Разгневался папаша и постриг дочь в монашки. И стала она, значит, игуменьей женского монастыря. Святое дело, что и говорить, поставила на широкую ногу.

Чего только нет в ее доходном хозяйстве — и пасеки, и конский завод, и огород большущий...

— Так вот, перебил ее Иштыков,— было б тебе известно, коммерсантка Манефа вчера всю ночь укладывала золото в ящики. Решила с собой за границу увезти.

— Бывала я у нее в келье. В углу иконостас возвышается. Из кованого золота. Манефа сказывала, весит один пуд и двенадцать фунтов. Богатство! Любит она с прихожан золотом брать.

— Да разве в иконостасе дело! — махнул рукой Иштыков.— У них за монастырской стеной тринадцать подвод. И в каждой — драгоценности, собранные у населения. Можно сказать, одно золото да серебро. Вот-вот подводы двинутся на станцию. Надо так сделать, чтоб богатство не ушло за границу. Золото должно принадлежать народу.

— Эка трудность — монашеский обоз задержать. Пошлите отряд красноармейцев.

— В том-то и дело, что нет красноармейцев в городе. Отступающих колчаковцев преследуют. Отряд должен возвратиться через час-другой. Ступай в монастырь — тебе туда дорога открыта — и попытайся до того времени задержать обоз. Такое тебе боевое задание!

— Ну что ж, попытаюсь. Мать Манефа поди заждалась меня. Гужа худая — худой и выезд. Без меня с места не тронутся. Пойду пособлю. А ты тут меня жди. Я мигом.

Даша достала из сапожного ящика дратву, шило и нож. Хитровато подмигнула Сергею и выбежала на улицу.

На территорию женского монастыря ее пропустили свободно. Монашка в воротах сказала ворчливо:

— Мать Манефа трижды справлялась, не идешь ли. Нам спешить надобно.

Среди подвод, запряженных парами и тройками лошадей, Даша не сразу отыскала рысаков игуменьи. Они

стояли в дальнем конце двора. Возле рысаков суетился бородатый конюх. Он глянул на Дашу из-под насупленных бровей и буркнул:

— Где тебя нелегкая носит? Видишь, подпруга лопнула. Чинить велено. А тебя нет и нет.

— Минутное дело,— ответила Даша.— За мной дело не станет. Шило и дратву захватила.

Подошла мать Манефа. Увидела Дашу и вздохнула с облегчением:

— Исправишь подпругу, займись остальными повозками. Проверь, везде ли гужа крепкая. Не приведи господь, в дороге оборвется.

— Будет сделано,— услужливо поклонилась Даша.

Оборванную подпругу она починила тут же, в присутствии игуменьи, затем тщательно осмотрела сбрую, подтянула ослабевшие ремешки под дугой и перешла к следующим подводам. Хозяйским глазом проверила: все ли ладно, нет ли каких неполадок. Так и переходила от подводы к подводе. Кучера давно знали шорницу Дашу, доверяли ей, и, видя, как старательно прощупывает она каждый ремешок, благодарили.

Завершила Заглядина осмотр монастырского обоза и убедилась в правоте Сережиных слов: подвод на самом деле было ровно тридцать. В каждой тяжелый груз в ящиках.

— Можете отправляться, мать Манефа,— облегченно вздохнув, сказала Даша.— Гужа вся проверена и залатана. Поезжайте с богом.

— Спасибо, Дашенька,— ласково ответила игуменья и протянула ей медный подсвечник со свечой и деньги.— Возьми на память. Помолись за нас, за удачу в дороге дальней.

— Помолюсь, непременно помолюсь...

Когда Даша с подсвечником в руках покинула монастырские стены и на полпути к дому оглянулась назад, то увидела, что подводы с монашками уже выезжа-

ли из ворот и сворачивали на проселочную дорогу.

Красноармеец Иштыков поджидал Дашу у крыльца.

— Ну как?

— Все в порядке,— ответила Даша.— Обоз с золотом тронулся в путь. А мне за хорошую работу мать Манефа самолично во какой подсвечник преподнесла. Молиться за ее благополучие буду.

— И ты еще смеешься?! — не на шутку осерчал Иштыков.— Тебе же от Чапаева задание — остановить обоз. А ты...

— Когда чапаевский отряд сюда прибудет? — спокойно спросила Даша.

— С минуты на минуту. Не могла чуток придержать! А теперь ищи ветра в поле!

— А зачем задерживать-то? Все подводы ровно через полчаса сами застрянут на дороге. Берите золото голыми руками!

— Каким образом застрянут? По божьему велению?

— Не по божьему, а по моему хотению. Видишь, какой острый нож у меня? Острее бритвы. Так вот я этим самым ножом не только у тройки игуменьи, но и у всех прочих лошадей незаметно гужу надрезала — ровно столько, чтобы обозники без подозрений могли тронуться с места и проехать не более получаса.

— А ты верно рассчитала? Не сорвется дело?

— Нам ли, шорникам, ошибаться. Вот увидишь. Главное, чтобы твои конники не подкачали.

— Мои-то не подкачают, вовремя прискачут. А вот твоя гужа... Эх, Даша, провалишь операцию...

Иштыков не договорил, махнул рукой и побежал со двора встречать чапаевский отряд.

А вечером снова явился к Даше Заглядиной. Лицо сияло, как ясное солнышко. С радостью сообщил, что операция завершилась успешно. Обоз с золотом, застрявший в пути из-за неполадок в гужевом хозяйстве, угодил в руки чапаевцев. Игуменью Манефу возвратили

в монашескую келью, и она теперь сидит там, как в темнице, под надзором часового. А золото отправили в надежное место — в советский банк. Оно стало народным достоянием.

— Ну и хитра же ты, Даша! — похвалил Сергей.— Вокруг пальца саму мать-игуменью обвела. Тебе на роду написано разведчицей быть!

— С полным моим удовольствием! Здешние места мне хорошо знакомы. И люди вокруг свои. В каждом хозяйстве — мои хомуты и уздечки. В случае чего есть на кого опереться. Так и передай Чапаеву — хочу в разведчицы!

То ли по ходатайству Сергея Иштыкова, то ли само собой так получилось, только стала Даша разведчицей. Как-то ее направили обследовать дом купца первой гильдии Попова. Он удрал к Колчаку, а вместо себя оставил в хозяйстве приказчика. Странно вел себя приказчик: слухи лживые против Советской власти распускал и собирал по ночам в доме каких-то людей для тайного разговора. В купеческом особняке Даше доводилось бывать и прежде — чинила сбрую, а теперь явилась с обыском. В конюшне, за колодой, обнаружила пять пудов серебра, а в сарае, в ворохе сена,— целый склад оружия, увесистый рулон мануфактуры и кипу листовок, призывающих к борьбе с большевиками.

Однажды вместе с чекистами отправилась Даша на базар ловить спекулянтов, а поймала двух переодетых в крестьянскую одежду белогвардейских лазутчиков.

Но чаще всего посылали ее за хлебом для красноармейцев. Плохо было тогда с питанием, а у Даши глаз наметан, могла точно определить, где кулацкий хлеб спрятан. Приведет чапаевцев во двор или на огород к богачу и скажет: «Здесь копайте!» Начнут копать — и точно: мешки с мукой не где-нибудь, а именно в указанном месте зарыты. Таким образом сотни пудов муки

и зерна были направлены в красноармейские полки из подземных хлебных хранилищ купцов Рычкова, Балбошина, Латынцева, Дворникова, Хомякова и других толстосумов.

Красноармейцы удивлялись: откуда у шорницы такое чутье? А секрет был прост. Кулацкие замашки ей были хорошо известны. К тому же крестьяне по знакомству сообщали ей обо всем подозрительном.

Почти в каждом селении от Самары до Уфы встречала Даша знакомых людей. С их помощью она не только хлеб обнаруживала, но и секретные военные сведения добывала. Потрепанные в боях колчаковские части сосредоточивались то в одном, то в другом месте. И Дашу нередко направляли разузнать, где находятся вражеские силы. О том, что шорница Заглядина стала в Красной Армии служить, мало кто знал, и это помогало ей вести разведку. Даша свободно проникала туда, куда другим вход был строго заказан.

Отправляясь в колчаковский тыл, она брала с собой хомут и уздечку. Бродила по селам и предлагала свои шорные услуги. Никому и в голову не приходило, что перед ним чапаевская разведчица. В здешних краях слыла слава о шорницах сестрах Заглядиных. Задержал, правда, однажды колчаковец Дашу, в штаб повел. Но там ее без допроса освободили: нашелся человек, знавший шорницу по прежним годам, когда она на помещика батрачила. В дивизию разведчица всегда возвращалась с ценными сведениями.

Как-то встретила Даша на дороге Чапаева. Он впереди эскадрона на белой лошади скакал. Увидел разведчицу, остановился:

— Чтой-то ты, Заглядина, хомут на себя натянула? И без него жарко.

— Да вы ж сами, Василий Иванович, наказали хомут для Колчака приберечь. Вот и стараюсь.

— Старайся, старайся,— весело подмигнул ей Чапа-

ев.— Недолго ждать осталось. Скоро мы белого адмирала в твой хомут загоним!

И со смехом поскакал дальше.

А через неделю услышала Даша страшную весть: погиб Чапаев в кровавом Лбищенском сражении. Сообщил ей об этом Сережа Иштыков, прискакавший из города Уральска.

— Ленин приказал нам взять Урал к зиме,— сказал Сергей.— Мы исполнили его приказ. Урал очищен от колчаковцев. Я получил новое назначение — ехать в Сибирь, штурмовать столицу Колчака город Омск. Так что далеко от нас Колчаку не убежать! Хомут твой еще пригодится!

В то время, когда Даша по поручению командования находилась в Бугульме и вместе с сестрами помогала Красной Армии собирать в ближайших деревнях хлеб для голодающей Самары, Иштыков с боями продвигался к Иркутску. Приехавший из Сибири раненый красноармеец рассказывал Даше, будто бы Иштыков самолично участвовал в поимке «верховного правителя всея Руси» Колчака. И когда белогвардейский отряд во главе с генералом Войцеховским захотел прорваться в город, чтобы спасти своего «правителя», Иркутский ревком вынужден был срочно издать приказ — расстрелять Колчака. Ранним морозным утром на берегу реки Ушаковки приговор был приведен в исполнение. Труп расстрелянного адмирала красноармейцы бросили в прорубь.

Даша очень сожалела, что в решающем сражении не была рядом с Сергеем, а хомут этот хранился у нее до самого конца гражданской войны.

А далее случилось вот что. Выступала как-то Даша в школе перед пионерами отряда имени Чапаева. Ей до того понравились смышленые ребята-чапаята, что оставила она им в подарок старый хомут. Наказала при этом:

— Берегите. Он и вам, глядишь, еще пригодится.

Случись, какой новый безрассудный Колчак на нас войной пойдет, так вы его — прямо в этот хомут. Не вырвется! Любого врага можно обуздать, коли по-чапаевски воевать!

ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Служил при штабе дивизии связист Тимоша Зуйков, расторопный и лихой парень. За храбрость в бою Чапаев подарил ему после Уфимского сражения свои часы. И с той поры Тимоша всегда был при часах. То и дело подносил их к уху и слушал, как они звонко и ладно тикают.

— Смотри, Тимошка, заводить не забывай! — весело сказал Василий Иванович, застав его как-то за этим занятием.— Часам, как и бойцу в строю, отставать не положено.

Принимая от начдива военные сводки для передачи командованию армии, связист Тимоша первым узнавал о новых победах родной дивизии, и это несказанно радовало его.

Но в последнее время он все чаще и чаще стал замечать в чапаевских донесениях тревогу и беспокойство. Начдив докладывал, что патронов в дивизии осталось совсем мало и отбиваться от врага нечем. Он просил прислать также хлеба для красноармейцев и сена для лошадей. Запасы продовольствия кончались, и бойцы голодали. К тому ж их страшно мучила нехватка воды. Казаки, отступая, бросали в колодцы отраву и дохлых лошадей. Пить такую воду было нельзя, а в уральских степях стояла невыносимая жара. Земля трескалась под солнцем, листья сгорали на деревьях.

А еще Чапаева, судя по донесениям, сильно беспокоило то, что соседние воинские части отстали от его дивизии, разбросаны на дальние расстояния друг от друга. И он предлагал командованию немедленно подтянуть отставшие полки: «Части могут быть легко раз-

биты противником,— предупреждал он в донесении,— а поддержка не придет...»

Узнали белоказаки о трудном положении дивизии и задумали этим воспользоваться. Они разработали коварный план ночного налета на город Лбищенск: там в то время находился Чапаев с небольшим отрядом красноармейцев...

В ту ночь Тимошу разбудил оглушительный грохот на улице. Не понимая, в чем дело, он выскочил на крыльцо. И вдруг совсем рядом, за плетнем, разорвался снаряд.

Тимоша бросился в избу, крикнул спящим товарищам:

— Вставай! Тревога!

Они схватили винтовки и побежали за ним.

Ночь была темная. Ни звезд, ни луны. Только видно, как там и тут по всему городу синеватыми огоньками вспыхивают выстрелы да кое-где ярко пламенеют взрывы. Неприятель прятался за домами и брал на прицел всякого, кто появлялся на улице.

Чаще всего выстрелы доносились с Соборной площади — там штаб дивизии.

— Бежим к штабу! Надо спасать Чапая! — Тимоша взвел курок нагана и повел товарищей по темным закоулкам.

Пробраться к штабу мешали пулеметы. Они беспрестанно обстреливали площадь. Лишь одному из Тимошиной группы удалось добежать до штаба. Потом он приполз обратно и сказал, что Чапаев с горсточкой командиров и бойцов ведет бой с казаками. У них кончились патроны, и начдив просил прислать сколько можно. Тимоша отдал разведчику четыре патронных ленты и сказал:

— Ползи к штабу. Одному безопаснее. В случае чего мы тебя огоньком прикроем.

Разведчик нырнул в переулок. И вдруг — что та-

кое? — слева от площади зашевелились черные фигурки. Тимоша пригляделся — казаки ползут. Хотят незаметно обойти отряд Чапаева и ударить с тыла.

Тимоша повел бойцов наперерез врагу — через ограды, задворками. Опередили они казаков. Набросились на них из-за угла, пустили в ход штыки и приклады. Белоказаки не ожидали такой встречи, растерялись. Пользуясь суматохой, Тимоша с товарищами пробились к штабу.

Первое, что они услышали,— это голос Чапаева:

— Патроны есть в запасе?

Патронов не было.

— Такая досада! — поморщился Чапаев.— Придется отходить к реке.

Он стоял рядом со своим порученцем Петром Исаевым, без гимнастерки, в галифе и сапогах. Из-под козырька красноармейской фуражки выбивались растрепанные русые волосы. Разгоряченное лицо его было опалено порохом, на лбу и на рукавах рубахи — пятна крови. Окровавленная рука, пробитая пулей, висела неподвижно.

— Мы защищались, как могли,— сказал Чапаев.— Но врагов вокруг тысячи, а нас малая горсточка. Одно спасение — Урал переплыть. А там, глядишь, и подмога от наших придет. За мной! На прорыв!

Уже совсем рассвело, когда чапаевцы штыками пробились к берегу.

Бойцы помогли раненому начдиву спуститься по песчаному откосу вниз, а Петр Исаев, стреляя в казаков из пулемета, не подпускал их к воде.

В револьвере Василия Ивановича кончились патроны. Тимоша протянул ему свой наган. Один из казаков закричал с насыпи:

— Сдавайся, Чапай! Не то...

Чапаев нажал курок, выпустил все пули в казачью ораву. Потом быстро обернулся к Тимоше:

— Что ж ты мешкаешь?! Жизнь недорога? Немедленно в воду! Вместе поплывем...

Он резко толкнул Тимошу вниз и сам бросился следом. Вместе с ними прыгнули с берега еще два бойца. Но их сразили казачьи пули.

Тимоша поплыл вдвоем с Чапаевым.

Позади, на насыпи, раздавались частые ружейные залпы, яростно строчили пулеметы, с тяжелым уханьем рвались снаряды. Тимоша оглянулся.

Петр Исаев все еще там, на берегу. Но уже не отстреливается. Должно быть, все патроны израсходовал. Нет, остался один патрон. Петр рванул рубаху на груди, прижал пистолетное дуло к виску. И тотчас же свалился под откос. Туда метнулись казаки с винтовками и саблями.

Новый шквал пуль рассыпался по воде.

Тимоша с беспокойством глянул на Чапаева.

Начдив плыл совсем рядом. Плыл тяжело и медленно, взмахивая лишь одной рукой. А вокруг свистели пули, шлепались снаряды. Вода, всплескиваясь, пенилась, рассыпалась брызгами.

«Только бы не попали в него,— как заклинание, шептал Тимоша.— Только бы не в него! Пусть лучше в меня...»

И вдруг Тимошу закружило на одном месте, в речном водовороте. Руки и ноги свело судорогой. Какая-то неодолимая сила потянула его ко дну. Он стал захлебываться.

И Василий Иванович, подплыв ближе, подтолкнул его плечом.

Дальше течение само понесло Тимошу вниз по реке.

А как же Чапаев? Хватит ли сил у него? Не задела ли его шальная пуля? Нет, кажется, все в порядке. Он уже на середине реки. Упрямо борется с волнами. До берега теперь уже недалеко...

И тут часто-часто зарябило на воде. Свинцовый град

ударил возле самой головы Чапая. Он беспомощно взмахнул рукой и скрылся в волнах...

Тимоша не помнит, как течением реки его выбросило на отлогий берег, как очнулся он на мокром песке, измученный и израненный.

Когда вернулось сознание, Тимоша сразу вспомнил то страшное, непоправимое, что произошло на реке. Глянул он в отчаянии на часы, подаренные когда-то Чапаем. Часы не ходили. Вода остановила их в ту самую минуту, когда Тимоша с начдивом бросились в студеные волны Урала...

В семье чапаевского связиста Тимофея Семеновича Зуйкова и поныне хранятся эти часы. С того далекого утра они больше не заводились. Стрелки их неизменно показывают одно и то же время — последний час жизни Чапаева.

СЕРДЦЕ ЧАПАЯ

В то, что Чапаев погиб, долгое время не верили. Говорили, будто вовсе и не утонул он в реке Урал, доплыл до другого берега. А там боевой конь его поджидал. На спине у коня седло серебром сияло, а к седлу было привязано все, что надобно командиру в бою: сабля острая, ружье меткое и бурка с папахой. Накинул Чапай на плечи бурку, черную папаху на голове поправил и в седло сел. Поднял саблю и стрелой полетел на вражеские полчища — только пыль из-под копыт! Порубил он белых, всех до единого, саблю в ножны спрятал и сказал беднякам: «Живите отныне счастливо! Врагам вашим больше не подняться. А коли иноземные буржуи в наши края пожалуют — меня кликните. Не дам вас в обиду! Саблю и коня всегда буду держать наготове!»

А еще есть и такой сказ: когда вражья пуля Чапая настигла, то успел он будто бы молвить слово прощальное товарищу, который плыл рядом. И просил слово то

лично Ленину передать. Товарищ наказ исполнил. Приехал в Москву и сказал Ленину: «Командир наш Чапай удалой повелел мне в свой смертный час повиниться перед вами, дорогой Ильич, что не удалось ему уберечь свой отряд от налета казачьего, погибли в неравном бою смелые красные соколы». А Ленин ответил: «Нет на Чапае вины. Он и его соколы по-геройски сражались за власть Советскую. Такие люди не умирают. Сердце Чапая бессмертно. Оно будет биться в груди каждого красного воина. И победить нашу армию никто не сможет!»

Был ли такой разговор или не был — кто знает! Одно точно известно: новые командиры повели дивизию дальше — вперед и вперед. Отомстили они врагу за смерть любимого начдива, прогнали ненавистных белых бандитов с нашей земли, сбросили их в Каспийское море.

И ныне приходят в нашу армию молодые солдаты, внуки и правнуки чапаевцев. Встают под боевые Красные знамена, клянутся по-чапаевски жить, по-чапаевски служить, по-чапаевски защищать советскую Родину.

И Родина знает: не уронят они чапаевской славы и доблести, не дрогнут в бою, потому что в груди каждого бьется бессмертное сердце Чапая.

ЧАПАЯТА

КАК ПЯТЬ ПАЛЬЦЕВ

Детей своих Чапаев гостинцами не баловал — негде их было брать на фронте. Домой приезжал без подарков. И лишь для Верочки, самой младшей, находил то кусок сахару, то коврижку, то конфету в красивой обертке.

Однажды гостили у Василия Ивановича красноармейцы. Окружила их детвора. Тот просит на тачанке покатать, тот зовет в прятки играть, а Верочка забралась к отцу на колени и не хочет слезать.

— Верочку, Василий Иванович, вы больше всех любите,— заметил один из бойцов,— с колен не спускаете.

Чапаев улыбнулся:

— Меньшуха на меня вишь как похожа. Росточком не большая, не маленькая. Зато бойкая! Вроде меня...

Дети Чапаева — Саша, Аркашка, Клава и Лима — услышали этот разговор и уцепились за отца.

— Я тоже не большой, не маленький,— теребил его карапуз Аркашка.— И тоже бойкий!

— И я похож на тебя,— твердил самый старший Саша.

— А я похожее всех вас! — заявила маленькая Клава.— Я тоже хочу на колени...

Только Лима ничего не сказала, опустила голову и отошла в сторонку.

Она-то знала, что они с сестренкой Верочкой вовсе не похожи на Василия Ивановича. Они попали в чапаевский дом из другой семьи. Их родной отец погиб от вражеской пули. Он умер на руках у Чапаева. Осиротевших Веру и Лиму Василий Иванович разыскал в деревне Березово и отвез в город Николаевск, где жила его семья. «Это ваши сестренки,— сказал он своим детям.— Дружите с ними и никогда не обижайте».

Так и жили дети: без ссор и драк, без слез и обид. А тут вдруг заспорили: каждому захотелось больше другого быть похожим на отца.

Василий Иванович усадил молчавшую Лиму на колени рядом с Верочкой, поманил к себе остальных малышей, сказал серьезно:

— У Чапаевых все братья и сестры равны, все одинаковы. Значит, спор затевать не из-за чего,— и показал детям свою ладонь.— Посчитайте, сколько пальцев?.. Правильно — пять. Один большой, другие поменьше. Но все они на одной руке и действуют всегда вместе, помогают друг другу. И вас, чапаят, у меня пятеро. Как пальцев на руке!

— Большой палец — это я! — сказал старший сын.

Рост у Саши и на самом деле выше Аркашки и выше сестренок. Лицо худое, на спине из-под рубахи выступают острые лопатки. Но он только с виду такой щупленький. Силы в нем — ого! — лучше не связываться с Сашей! Когда на улице обижают малыша Аркашку, он смело бросается на его защиту. Всякого отгонит!

Неспроста мальчишки зовут Сашу, как и отца, Чапаем!

САША И ШАШКА

Пока Василий Иванович развлекал малышей, Саша с завистью посматривал на шашку в узорчатых ножнах. Она была прикреплена к длинному ремню, перекинутому через плечо отца. Изогнутый конец ее лежал на полу. Саша спросил:

— Скажи, папа, у всех красных командиров такие шашки?

— Кто на коне, у того и шашка,— ответил отец.— Красна птица перьем, а кавалерист шашкой!

— А если нет коня?

— Гм... Шашка всякому может сгодиться, кто умеет держать ее крепко в руках.

— Ты крепко держишь?

— Крепко... Шашку ронять — красноармейскую честь терять!

— Ага! А ты ее потерял четыре раза!

— Это как же? — посмотрел на него отец недоуменно.

— А вот так! Потеряешь и другую себе возьмешь. И приезжаешь с войны с новой шашкой! В прошлом году у тебя была нарядная — с кисточкой, с серебром на кончике. Потом тяжеленная, как гиря. Я едва поднял. А в прошлый раз — золотая и длинная. Сам говорил,

что ты ее у белого генерала отбил и что она острее бритвы... Такую шашку потерял! Эх-х!

— Ту шашку я лихому коннику подарил. За храбрость. В надежных руках мой клинок!

— А сам подобрал что попало...

— И не подбирал я вовсе! — рассмеялся отец.— Новую шашку мне командующий вручил. Прежде я других смельчаков саблями одаривал. А теперь, видишь, у самого — именная! Скажи по-честному, мог я от нее отказаться?

Саша отрицательно покачал головой.

Но прежнюю шашку ему все же было жаль.

— Та была острая,— сказал он.— А эта тупая, наверное.

— Не скажи,— усмехнулся отец.— Пошли во двор, покажу...

Всем детям захотелось взглянуть, как рубит новая шашка. Весело галдя, они побежали за отцом.

Во дворе, возле сарая, торчала длинная жердь. Василий Иванович остановился напротив нее и обнажил клинок. Хотел перерубить жердь, но повертел перед собой шашкой и неожиданно заявил:

— Нет, не буду!

— Палку жалко? — спросил Саша.— Тогда ударь по полену.

— Для полена топор существует,— ответил отец.

— Золотая шашка могла что угодно перерубить! — вспомнил Саша.— Попробуй хотя бы щепу лущить.

— Шашкой-то? Что ты — смеешься?

— А если по плетню ударить? — не унимался Саша.— Перерубит?

— Перерубить-то перерубит, но делать этого не стану.

— Ага-а, боишься? Шашка тупая, потому и боишься!

— И вовсе не поэтому,— любуясь шашкой, отец вскинул ее над головой. Отполированная сталь зеркально

поблескивала.— Потому не рублю, что шашка эта заколдована!

— Как заколдована?.. Кем заколдована?

Дети окружили отца и стали разглядывать шашку. Маленькая Верочка притронулась к блестящему лезвию и тут же опасливо отдернула палец обратно,— а вдруг шашка и ее заколдует?

Василий Иванович убрал шашку и показал надпись на узорчатых ножнах:

— Вот в чем колдовство шашки...

Надпись была сделана золотом и состояла из волшебных слов: «Без дела не вынимай, без славы не вкладывай!»

И тут все поняли, почему отец не захотел рубить жердь и лущить щепу. Боевой клинок не для таких дел!

Саша теперь восхищенно глядел на шашку и просил отца дать ее подержать. Василий Иванович подвесил шашку к боку сына, нахлобучил ему на голову барашковую папаху и отступил назад.

Посмотрел на Сашу со стороны, сказал весело:

— Вылитый Чапай! Еще бы и усы, тогда вовсе не отличишь!

Аркашке отец отдал тяжелый полевой бинокль. Малыш прижал его к груди и закричал, что он тоже красный командир.

— Хоть сейчас в бой! — пошутил Чапаев.

ЧАПАЕВЫ СО ВСЕХ СТОРОН

Сыновья затеяли игру в войну.

— Беги вон туда и наступай на меня! — сказал Аркашка брату.

Саша помчался в дальний конец двора. Шашка болталась на боку, царапала землю, папаха закрыла глаза. Саша споткнулся и упал в крапиву.

Отец стоял в сторонке, наблюдал за сыновьями. Когда они начали расстреливать друг дружку из деревянных наганов, он неодобрительно закачал головой:

— Так не годится! Это белым генералам выгодно, чтобы Чапаевы Чапаевых били...

Он выдернул кол из плетня, взмахнул им, как саблей, показал на заросли крапивы:

— Вот они, белогвардейцы!.. Слушай мою команду! Сашка с эскадроном обходит врага с левого фланга. Аркаша с полком наступает с правой стороны. Мой отряд атакует в середине... В атаку марш-марш!

Домашняя армия Чапая понеслась к плетню, где особенно густо разрослась крапива. Сыновья что есть мочи кричали «ура!». Саша топтал «врага» ногами, Аркаша рубил палкой.

И вот жгучая крапива придавлена к земле, порублена, повержена в прах.

Сражение закончилось. Клава, Верочка и Лима стояли на крыльце, смеялись и во все ладоши хлопали победителям.

Василий Иванович оглянулся, вытер взмокший лоб рукавом:

— А лихо мы белую гвардию, а? — спросил он.— Вон сколько врагов поубивали! Целые горы! Придется, видно, территорию от крапивы очищать. Заодно и остальной мусор уберем.

МЕДАЛЬ ЗА УСЕРДИЕ

Пока Саша относил в дом наганы и саблю, Василий Иванович приказал Аркашке и дочуркам построиться в одну шеренгу. Малыши вооружились метелками и встали вдоль завалинки.

— На уборку территории шагом марш,— скомандовал отец.— Чтоб ни одной соринки!

— А про меня-то забыли! — послышалось с крыльца.— Я тоже хочу двор подметать.

Чапаев обернулся и увидел Сашу. Сын важно выпячивал грудь. Рядом с боевой медалью и красным бантом у него на рубахе висели три Георгиевских креста.

— Не успели врага разгромить, а уже награды! Откуда они у тебя? — спросил строго отец.

— Из маминого сундука. Она всегда, когда ты на фронте, ордена нам показывает.

— Ишь ты... Все еще хранит, значит.

Чапаев подошел к Саше и стал отцеплять с рубахи кресты и медаль. Подержал их на ладони и сунул в карман:

— На отцовской доблести далеко не уедешь. Свою заимей! А двор можно убирать и без наград...

Саша подметал бойчее всех. Шаркал размашисто, усердно, так, что прутья у метлы трещали и ломались. Отца (он граблями собирал мусор в кучу) в клубах поднятой пыли вовсе не стало видно. Аркаша прикрывал лицо ладонями и чихал на весь двор. Сестренки ругались на Сашу, который все время теснил их и мешал подметать тропинку. Чтобы окончательно не задохнуться пылью, они убежали на другой конец двора. Но Саша не оставил их в покое,— закончив уборку своей территории, он пришел помогать сестренкам. Земля окуталась новым пыльным облаком. И сестренки стали чихать громче Аркашки.

Отец вывез на тачке остатки мусора в овраг. Прошелся по тропинке, осмотрел двор. Придраться было не к чему. Удовлетворенно сказал:

— Поработали славно! Теперь, чапаята, марш умываться! Мать всех вас за труд щами отблагодарит. А Сашке за особое усердие награду вручаю. Получай!

И он прицепил возле алого банта на груди сына сверкающую медаль.

КРАСНОАРМЕЙСКИЙ ПАЕК

Дети с отцом вернулись в избу, сели за стол обедать. В тот год с питанием в стране было худо — война разорила народ. Не хватало хлеба и в семье Чапаева. Перед обедом отец положил каждому из детей по ржаному кусочку. Старшему сыну досталась горбушка.

Саша был очень голоден. Он схватил хлеб еще до того, как мать подала щи.

Горбушка оказалась черствой, не поддавалась зубам ни в какую! Тогда он стал долбить ее ножом. Хлебные крошки разлетались в стороны.

Отец глянул на сына с укором, сказал:

— Хлебом не шутят!

— Я не виноват, что горбушка не жуется, а только крошится,— ответил Саша.

— Крошка тоже хлеб. Белые воюют против нас не только ружьями и пушками, но и хлебом.

— Буханками пуляются? — засмеялся Аркашка.

— Они не такие глупые, как другие озорники! Белые себе загребают весь хлеб подчистую, прячут зерно в лесах и на задворках, закапывают в землю. На прошлой неделе наши красноармейцы раскопали на огороде у кулака десять мешков с мукой.

— И что они сделали из муки? — спросил Аркашка.— Напекли пирогов?

— Нет! Красноармейцы десять мешков муки и другой хлеб, отобранный у богатеев,— весь до последней крошки — погрузили на поезд и отправили в город. Там сейчас голод. Сегодня на митинге наши красноармейцы приняли решение: хлебный паек, который отпустят им на обед, отдать голодающим детям. И я тоже буду есть щи без хлеба.

Жена Василия Ивановича принесла из кухни миску. Поставила ее на стол.

Аркашка взял в руку ложку, а кусочек хлеба отодвинул от себя подальше.

И Клава отдала свой ломоть отцу.

— Обойдусь без хлеба! — сказала она.

Лима и Верочка тоже отказались от своих кусочков.

— И я обойдусь!

— И я!

А у Саши от горбушки остались лишь мелкие крошки в горсти. Он протянул их отцу:

— Возьми мои крошки... В следующий раз, когда мне дадут новый кусок, я его весь отдам, как ты свой паек.

Отец одобрительно кивнул головой:

— Это вы хорошо придумали. Крошка по крошке — и наберется целый каравай.

Он сгреб куски в кучу, положил сверху свою ржаную порцию:

— Кому прикажете хлеб отдать?

— Голодным детям,— подсказал Саша.

— Тем, у которых папы на фронте,— дополнил Аркашка.

— Ну что ж, правильное решение! Мы, пожалуй, так и поступим.

Отец снова разделил хлеб на пять равных долек и сказал весело:

— На кого какой кусок глядит, тот и берите!

Малыши недоуменно переглянулись.

— Что же вы? Смелее! — сказал отец.— Али вы не голодные? Али папа ваш не фронтовик?.. А раз так, то красноармейский паек принадлежит вам по законному праву.

И он придвинул хлеб ближе к детям.

ПАПИН ЗАСТУПНИК

Захватили белочехи Николаевск и стали по домам шнырять — не прячутся ли где красноармейцы? Первым делом заглянули на чапаевскую квартиру. Там, конечно, пусто. Тогда они вывесили на улицах приказ: всякий, кто попытается укрыть семью красного командира, будет расстрелян без суда.

До самого вечера просидела Пелагея Ефимовна с детишками под железнодорожным мостом. По нему раз за разом проносились, громыхая, поезда. Когда стемнело, Пелагея Ефимовна подалась с детьми в лес. Вышли они на дорогу, а там — вражеский патруль. Юркнули в какой-то двор. Притаились.

Из дому показался человек в куртке — железнодорожник. Посмотрел удивленно на незваных гостей и вдруг сказал:

— А я вас знаю! Вы — Чапаевы. Вас белые по всему городу ищут.

Пелагея Ефимовна испугалась и попятилась с малышами к выходу.

— Да вы не бойтесь. Заходите в избу,— сказал хозяин.

Он плотнее задвинул засов на калитке и повел их в сени.

— Чехи ко мне утром наведывались,— сообщил он.— Теперь вряд ли нагрянут.

— А вдруг? — усомнилась Пелагея Ефимовна.— Из-за нас и вам придется страдать. Уж лучше где-нибудь схоронимся поблизости...

— У вас вон какой хвост,— кивнул хозяин на малышей.— С ним разве упрячешься? Нет уж, пусть у меня останутся, если не возражаете. Кому знать, чьи это дети? Не беспокойтесь за них. Уберегу. Да и вам не следует показываться. Спрячьтесь в подполье.

Хозяин отодвинул от стены в прихожей большой сун-

дук, отодрал несколько досок от пола и помог Пелагее Ефимовне спуститься вниз. Прежде всего закрыл лаз сундуком, подал ей матрас, набитый соломой.

— Василий Иванович, слыхал я, где-то поблизости с войском,— сообщил он шепотом.— Потерпите денек-другой. Даст он чехам прикурить!

— Папка наш некурящий,— сказал Аркашка.

— Знаю, не курит, но белякам прикурить дает. Да так, что дым коромыслом! — усмехнулся хозяин и предупредил малышей: — А вы забудьте, что отец ваш Чапаев. Временно отец ваш — я. Понятно?

Саша понял сразу, а Аркашка заупрямился:

— Я папу никогда не забуду!

— Никто тебя и не просит забывать. Ты его в уме держи, а другим не болтай! — внушал Саша брату.

Аркашка забегал по комнате, твердя одно и то же:

— Я папу в уме держу, никому не говорю!

А на другой день в дом заявились чешские солдаты с винтовками. Один такой толстый, что ремень на его животе едва сходился, а другой — тонкий и длинный, как оглобля. Они посмотрели на испуганных ребятишек. Толстый ткнул пальцем в их сторону. Хозяин тут же объяснил:

— Моя жена к соседке ушла, а я за няньку.

И, согнув руки в локтях, стал показывать, как баюкают ребенка.

Чехи засмеялись. По-русски они, видимо, не понимали ни слова, но это поняли. Потоптались у порога, затем длинный подошел к печке, отодвинул заслонку и заглянул, нет ли чего поесть? В печке было пусто. Толстый затопал коваными сапогами к сундуку. Хозяин отвернулся равнодушно, словно это его не беспокоит.

Дети в углу встревоженно завозились.

Солдат поднял крышку сундука и стал брезгливо рыться в старых тряпках. Переворошил все, ничего стоящего не нашел и захлопнул сундук.

Саша облегченно вздохнул. Аркашка показал солдату язык.

Хозяин, чтобы отвлечь чехов подальше от сундука, пригласил их к столу. Солдаты выпили крынку молока, сладко причмокивая. Настроение у них поднялось. Они пытались завязать с хозяином беседу. Но он из их речи разобрал лишь одно слово: «Чапа... Чапа... Чапа...» Они повторяли это чаще других слов.

«Подождите, будет вам «Чапа»!» — подумал хозяин.

Толстый солдат зажужжал, как шмель:

— Яроплан... Чапа... Ж-ж-ж-жу... Саратуф...

Хозяин охотно согласился:

— Да, да, в Саратов Чапа тю-тю на аэроплане. Вас испугался. Струсил.

Солдаты обрадованно закивали головами.

— Чапа струсил,— повторил тонкий довольно.

— Яроплан... Тю-тю,— продолжал махать растопыренными руками толстый.

Наконец они поднялись из-за стола и направились к выходу. И тут случилось то, чего больше всего опасался хозяин. Несмышленый Аркашка подбежал к долговязому чеху и крикнул:

— А папа не струсил! Он казаков побьет, а потом вас — вместе с вашим еропланом!

К счастью, солдат ничего не понял, но все же что-то заподозрил и покосился на хозяина.

Тот кашлянул, сказал, успокаивая:

— Сынишка говорит, Чапа испугался казаков и тю-тю в Саратов. На аэроплане...

Аркашка раскрыл было рот, чтобы возразить, но Саша схватил его за рукав и толкнул в угол.

— Цыц! А то я тебя...

Но Аркашка не унимался:

— Папа никогда не трусит! Его белые боятся... Вы врете все! — кричал он, но солдаты уже спускались с крыльца и ничего не слышали.

Прощаясь с хозяином у калитки, толстый опять захохотал:

— Чапа тю-тю... Саратуф... Ха-ха!

После ухода солдат Аркашку без лишних слов заперли в чулане и продержали там до темноты: не болтай чего не следует.

Ночью над городом засверкала молния, ударил гром. Потом молнии угасли. А громыхание не прекратилось. Оно слышалось все ближе и ближе, заглушало шум ливня и мешало детям заснуть.

На рассвете дождь прекратился, смолкли и громовые раскаты. Сразу стало тихо.

Дети выбежали во двор и, расплескивая босыми ногами лужи, бросились на соседнюю улицу. Оттуда доносился цокот копыт.

По дороге, размытой дождем, скакала красная кавалерия, кони волокли пушки. И тогда все поняли, что ночью громыхал вовсе не гром.

Аркашка радостно захлопал в ладони и, посмотрев с превосходством на старшего брата, показал ему язык:

— Ну, что я говорил? Не трус папа! Посадили меня в чулан... Это вас надо было в чулан! Большие, а за папку не заступились! Эх вы...

ИГОЛКА

Красная Армия освободила город Николаевск. Но над домами все еще пролетали снаряды. Шрапнель рвалась в небе с треском, словно осиновые дрова в горящей печи.

По городской мостовой медленно двигались санитарные повозки. Они везли так много раненых, что на всех в больнице коек не хватало. Чапаев приказал отправить семерых к себе домой.

Саша выбежал навстречу, помог раненым подняться

по ступенькам крыльца. Аркашка таскал в дом красноармейские сумки и патронташи. Сестренки с матерью стелили постели. В комнате запахло лекарством и табаком. На старенький диван в углу положили бородатого человека. Рубаха на нем была в крови. Он тихо стонал и просил пить. Саша принес воды. Бородач взял кружку, сказал, задыхаясь:

— Крепко, видать, меня заце...

Он недоговорил, потерял сознание. Рука скользнула вниз, кружка упала, вода разлилась по полу.

До поздней ночи просидел Саша возле постели тяжелораненого. Василий Иванович сказал шепотом сыну:

— То, что сделал нынче этот батареец Воробьев, никому не под силу... Что сделал? Не подпустил врага к переправе. А белых вокруг — тьма-тьмущая...

Раненый зашевелился. Открыл глаза. Что-то хотел сказать. И не смог.

— Лежи, Воробьев, лежи смирно. Нельзя тебе двигаться...

Василий Иванович поправил на нем одеяло и снова обернулся к Саше:

— Забирай-ка малышей и ступай на сеновал. Мать вам постелила там.

Утром Саша застал отца на прежнем месте,— они с мамой до самого рассвета дежурили возле раненых.

— Ну вот и сменщики наши проснулись! — приветствовал детей Чапаев.— Заступайте на санитарный пост.

— Ты бы вздремнул чуток, папа. А то на войне заснешь,— посоветовал Саша.

— Не засну! Война хоть кого разбудит. Слышишь? — За окном, в отдалении, прошумело что-то.— Война ни днем, ни ночью не засыпает, как же мне, командиру, дремать?

Чапаев снял со стены бурку, надел папаху, вышел во двор седлать коня.

Саша позвал брата и сестер, объяснил:

— Теперь я главный командир лазарета, а вы должны меня слушаться весь день.

— А ночью? — спросила Клава.

— Ночью дети спят. Только командиры остаются на своих постах.

Клава с Лимой разносили раненым чай. Верочка подсела к красноармейцу с забинтованной рукой:

— Дяденька, если вам очень больно, я подую на руку. Хотите?

Раненый засмеялся:

— Валяй, дуй...

Верочка принялась дуть изо всех сил, и красноармеец сказал, что ему стало легче. Он подмигнул Верочке:

— А еще что ты умеешь?

— Песни петь.

— О-о! Что ж ты сразу не сказала? Песня для нашего брата — первое лекарство. А ну-ка, давай свою песню!

— Я лучше мамину спою...

Верочка тонким голоском затянула про пряху молодую, которая сидит у окна светелки и горько плачет.

Саша недовольно заворчал:

— И чего пищишь? Разве больных такими песнями лечат?

— Веселых не знаю,— призналась Верочка.

— Ну тогда спляши!

Верочка подбоченилась, закружилась на месте. Затем пошла вприсядку. Вдруг запуталась в длинном подоле и упала. Сидя на полу, она хохотала и болтала ногами. Красноармейцы тоже стали смеяться. Даже тяжелораненый батареец Воробьев развеселился.

Вечером Пелагея Ефимовна с трудом выставила малышей из комнаты на сеновал. Оставила одного Сашу. Она сказала ему, что пойдет немного вздремнет на кухне, и велела вскоре разбудить ее.

Но Саша не стал будить. Прошлую ночь мать была на ногах и днем не ложилась, помогала раненым: стирала белье, делала перевязки, обед готовила, бегала в больницу за лекарствами. Пусть теперь отдыхает! А он, Саша, подежурит.

Раненые потребовали, чтобы и Саша шел спать. Но он схитрил, перетащил свою постель с сеновала в комнату и заявил, что будет спать рядом с ними.

Он привернул фитиль лампы и дал себе клятву — не спать! Мало чего может случиться! Его могут потребовать в любой момент.

Саша закрыл глаза, притворился спящим. Лежал и ждал, когда заснут раненые. Вдруг почувствовал, что сам засыпает.

Саша тихонечко поднялся. Подошел на цыпочках к комоду, где стояла швейная машина. Взял самую большую иголку и снова нырнул под одеяло.

Как только глаза начинали слипаться, он больно колол иголкой свой палец. И сон сразу отступал.

В темноте слышалось дыхание спящих. Кто-то похрапывал. А бородатый Воробьев ворочался с боку на бок и тихо стонал.

Саша несколько раз бегал в сени за водой, поил раненого. У него был жар. Воробьев то и дело вздрагивал и что-то кричал во сне.

Голова Саши сделалась тяжелой, точно свинцом налилась. Саша вновь и вновь брался за иголку.

Перед рассветом бородач застонал так громко, что проснулась Пелагея Ефимовна на кухне. Испуганная, вбежала в комнату, торопливо смочила платок холодной водой и положила ему на лоб. Воробьев, должно быть, подумал, что это Саша, прошептал:

— Спасибо, Сашок, воробышек мой...

Раненый ничего не видел перед собой. Но дышал теперь ровнее и не метался, как прежде. Жар на щеках стал спадать.

Пелагея Ефимовна спросила Сашу:

— Что ж ты не разбудил меня? Я ведь просила...

Саша ответил:

— Я сегодня командир! Война днем и ночью не спит. Значит, и мне нельзя.

Он отдал иголку Пелагее Ефимовне и побрел на сеновал, где сестренки с Аркашкой досматривали последние сны.

МОКРАЯ КУРИЦА

Было далеко уже за полдень, когда Василий Иванович приехал домой. Разбудил на сеновале сонного сына:

— А ну-ка, пошли на реку щук пугать!

Саша, конечно, рад.

Отец снял гимнастерку, остался в нижней белой рубашке и синих галифе. Через плечо — полотенце.

Они пересекли двор, вышли на бугор, за ним — река. У самой воды на другом берегу зеленый кустарник, а дальше — выгоревшая бурая степь. Справа — каменное здание мельницы. Вода возле плотины серебрится от солнца, словно множество рыбешек всплыло на поверхность и хвастаются своей чешуей.

Саша поднял камушек, прицелился в гущу серебра на воде, но камушек не долетел, стукнулся о деревянные мостки возле берега. Там какая-то женщина полоскала белье. Она, видимо, испугалась, посмотрела на Чапаева недовольно, быстро надвинула цветастый платок на глаза и снова зашлепала тряпкой по воде.

Василий Иванович с сыном стали спускаться по крутой тропинке. Комья земли летели из-под ног вниз. Прачка заслышала шуршание, покосилась назад. «Что это с ней? — подумал Чапаев, присматриваясь.— Белье полощет одной рукой, а другой держится за грудь. Калека, что ли?»

Он отстранил сына с дорожки и бросился к реке.

Не успел Саша и глазом моргнуть, как отец уже был возле старушки. Схватил ее за шиворот. На деревянный настил грохнулся обрез винтовки.

Саша вытаращил глаза от изумления: «Вот так прачка!»

Под черной юбкой старушки видны полосатые штаны, заправленные в сапоги, а на голове, когда съехал платок, Саша увидел лысину.

Неожиданно лысый боднул отца головой и бултыхнулся в воду. Саша подбежал к мосткам. На том месте, куда нырнул незнакомец, расходились широкие круги:

— Утонул? — спросил Саша.

— Как же, жди — утонет! — ухмыльнулся отец.— Подождем — вынырнет. Нам спешить некуда!

Над водой показалась лысина. Незнакомец, махая тяжело руками, плыл к другому берегу.

— Назад! Слышь?! — крикнул Чапаев и поднял обрез.— Ну! Считаю до трех...

Пловец повернул обратно.

Выкарабкался на мостки. Встал перед Чапаевым. С рубахи и брюк стекала вода.

— Кто такой? — строго спросил Чапаев.

У лысого дрожали губы. Он бормотал что-то невнятно. Чапаев поморщился:

— Мокрая курица ты!

— Это он! — громко выкрикнул лысый и затрясся всем телом.

— Кто «он»?

— Офицер! «Ступай, говорит, выследи Чапая и убей его. А не убьешь, всю твою семью повешаю, а самого пристрелю!»

— И ты, значит, согласился?

Лысый понуро молчал, потом сказал еле слышно:

— Испугался... Детей жалко стало.

Чапаев спросил:

— А сколько детей?

— Двое — Машка и Санька...

— Надо бы тебя, труса такого, отослать обратно. Пусть офицер расстреливает! Да вот Машка с Санькой... А ну, натягивай юбку да кофту! Пусть подивится народ на чучело!

Путаясь в длинной юбке, лысый засеменил по мосткам. Позади тянулся мокрый след.

ПРИГОВОР

Не удалось белым убить Чапая. Озлобились они и задумали уничтожить его семью. Послали в город Николаевск своих лазутчиков, стали кулаков к мятежу склонять.

Линия фронта тогда проходила неподалеку от города. Отбили наши части атаку и расположились на отдых. Часовому поручили охранять штаб. Только он встал с винтовкой у крыльца, глядит — к штабу во весь галоп скачет пегая лошаденка. А на ней мальчик в дырявых штанах и рубахе с заплатами. Спрыгнул он со взмыленного коня, подбежал к часовому, выпалил с ходу:

— Кулаки бунт готовят! Сашку Чапая, его мать и сестер повесить хотят...

— А ты откуда знаешь?

— Мы с Сашкой дружки... Панкратов я, Колька...

Повел часовой мальчика к Чапаеву. Василий Иванович выслушал его, помрачнел лицом:

— Откуда такие сведения?

— У главного ихнего кулака вот это нашли за иконой,— протянул листок Колька.

Чапаев взглянул:

— Приговор к смерти? Ого! Много фамилий! И Сашка мой...

— У богатеев ружья и пулемет «максим»,— предупредил Колька.

Чапаев ударил о стол кулаком:

— Этим нас не запугаешь! — и, обернувшись к часовому, приказал поднять эскадрон по тревоге.

Чапаев помог Кольке взобраться на лошадь и вручил ему кинжал с красивой рукояткой. Колька скакал рядом с Чапаевым впереди эскадрона и махал даренным кинжалом.

И тут из оврага — пулеметная очередь. Лошадь под мальчиком захромала, повалилась на бок. Кольку швырнуло в бурьян.

Подбежал к нему Чапаев. Видит — живой. Только нос разбил. Посадил он мальчика на коня впереди себя, и они поскакали с эскадроном выбивать засаду из оврага.

А Кольке обидно: не успел и кинжалом взмахнуть...

— Не тужи, герой,— успокоил Чапаев.— У тебя еще все впереди!

На дороге, скорчившись, недвижно лежал офицер. Колька посмотрел на убитого и воскликнул:

— Вот он! Тот самый, у которого список нашли! Это он мутил воду...

— Отмутился,— усмехнулся Чапаев и дернул уздечку.— Выходит, кулаки догадались, что ты к нам подался. Засаду учинили.

Они свернули к реке, напоили лошадей и направились в Николаевск. Выехали на улицу и — всем отрядом — к чапаевскому дому.

Калитка на запоре, ставни закрыты, не видно — есть ли в избе кто. Чапаев постучал в окно. Никакого ответа.

— Что такое? Живы ли? — постучал громче.— Пелагея, отзовись! Это я, Василий...

В избе послышался радостный вскрик, потом распахнулась калитка. Навстречу — Пелагея Ефимовна с детишками.

— Вася, родной,— заплакала от радости.— Мы-то уж и лошадь запрягли, узлы собрали. Бежать хотели...

Чапаев смеялся, хватал детишек на руки, подбрасывал до самой крыши. Малыши визжали и болтали ногами. Сашу Чапаев опустил на землю возле Кольки Панкратова:

— Скажите спасибо ему... Это он нас сюда привел...

А на улице, где стоял конный отряд, уже шумела толпа. Со всех сторон сходились люди.

Чапаев вышел за калитку, остановился перед народом. Колька Панкратов с дареным кинжалом на поясе пристроился рядышком.

Ладонь Чапаева легла Кольке на плечо. Другую руку с кулацким приговором он поднял над головой, громко спросил:

— Видели? Здесь — смерть вам, детишкам нашим, смерть всей жизни новой. Кулаки писали. Не хотят они, чтобы нашим детям и нам самим счастье улыбалось. Так имеем ли мы право в такое время сложа руки на печи сидеть? Я так понимаю — не имеем такого права...

Толпа возбужденно гудела, поддерживая Чапаева.

Сразу же после митинга объявили набор добровольцев — более трехсот крестьян захотели идти в Чапаевскую дивизию.

Колька Панкратов тоже было сунулся к председателю Совета, который записывал добровольцев. Но тот взглянул на него насмешливо.

— Для твоего роста,— сказал,— в Красной Армии ни формы подходящей, ни оружия пока не найти. Повременить придется.

— У меня же кинжал! — не сдавался Колька.— От самого Чапаева! Да я кинжалом...

— Вижу, кинжал стоящий! — похвалил председатель.— Вот и будешь им местных кулаков отпугивать. Должен же кто-то революционный порядок в селе охранять!

КАК КОЛИН ПАПА С ЧАПАЕВЫМ ПОЗНАКОМИЛСЯ

Папа Коли Панкратова служил в Красной Армии. Осенью ему дали короткий отпуск. Домой он приехал прямо с фронта, на боевом коне. Коля в тот день договорился с Сашей Чапаевым отправиться на рыбалку. Пришел Саша с удочкой, а Коля говорит:

— Я не пойду. У меня папа с войны возвратился.

— Понятно,— сказал Саша.— Когда мой папа приезжает, я тоже без него никуда!

Услышал их разговор Колин папа и спросил:

— Как твоего отца зовут? Может, мы с ним знакомы?

— Василий Иванович,— ответил Саша.

— Василиев Ивановичей в нашем городе много. А фамилия-то какая?

— Чапаев.

— Вот те на! Чапаев на всем свете один! — обрадовался Колин папа.— Прежде, помнится, по соседству с нами богатеи жили, Волковойновы. А теперь, выходит, сам Чапай... Хорошо бы с ним встретиться, поговорить. Познакомь меня с ним, Саша.

— Как же я познакомлю? Он сейчас белых бьет. Дома не бывает.

— Жаль. Такого героя не увижу!.. А вы, значит, на рыбалку собрались? Ну что ж, удачи вам! По ухе я, признаться, давно истосковался...

Он помог накопать червей в огороде и проводил ребят до реки. Возвратился обратно и видит — возле соседнего дома остановилась тачанка. Двое военных — Чапаев и еще какой-то командир — вошли в дом, а третий, молоденький красноармеец, остался на крыльце за часового.

Колин папа решил не ждать мальчиков с рыбалки. Можно ведь и без помощи Саши встретиться с его от-

цом. Он прицепил шашку сбоку, начистил сапоги до блеска и отправился знакомиться с Чапаевым.

Часовой преградил ему дорогу винтовкой:

— Пускать не велено!

Колин папа подошел к дому с другой стороны и заглянул в окно. Чапаев склонился над картой и что-то говорил своему товарищу. Стоять под окном неудобно. Вполне возможно, что разговор у них секретный. Еще подумают, чего доброго, что их подслушивают...

Колин папа отпрянул от окна и зашагал к своему двору. «Чапаев, наверно, очень спешит и долго не задержится,— огорченно думал он.— Значит, и наше знакомство не состоится. Такая досада! Как обратить на себя внимание Чапаева?» Под навесом во дворе стояла на привязи лошадь. Колин папа накинул на нее седло и уздечку, сел верхом. Проехался мимо соседского дома. Но Чапаев на него даже не посмотрел.

Колин папа повернул лошадь обратно. Поскакал быстрее прежнего. Опять никакого внимания!

Что же делать? Он пустил коня на полный галоп и начал гарцевать перед окном — туда и обратно, туда и обратно... Бока у лошади взмокли. А Чапаев по-прежнему не видит его.

Колин папа, отчаявшись, на полном скаку вынул ноги из стремени, встал на спину лошади во весь рост и, держась за уздечку, стремительно пронесся по улице.

И тут Чапаев его заметил.

— Эй, лихой кавалерист! — крикнул он из окна.— Зайдите-ка ко мне!

Колин папа подвел коня к крыльцу, а сам бодро вошел в дом:

— Красноармеец Панкратов явился по вашему вызову, товарищ командир!

Чапаев взглянул на него строго:

— Что ж вы, красноармеец Панкратов, коня боевого

без всякой надобности по улице гоняете? Вспотела лошадка, замучилась, бедняга. А вдруг сейчас — в бой? Конь устал, на каждом шагу спотыкаться будет. Понимаете вы это?

— Так точно, понимаю,— понуро ответил Колин папа.

— Жалеючи вас говорю,— Чапаев взглянул на него без прежней суровости.— Не хочу, чтобы красный боец из-за лошади в атаке отстал.

Колин папа не находил слов в свое оправдание. Чапаев заметил его растерянность и стал расспрашивать о службе, о боях, в которых он участвовал. Военный в комнате уже свернул карту и, собираясь уходить, позвал Василия Ивановича. Чапаев протянул Колиному папе руку на прощание:

— К сожалению, товарищ Панкратов, мне спешить надо. Ну, да мы с вами соседи. И Сашка мой дружит с вашим Колей. Так что встретимся не раз... А кавалерист вы — я видел из окна — ловкий! И конь у вас умница, во всем седоку послушный. Отведите его на конюшню, покормите овсом как следует. Пусть отдохнет! Вам командование дало передышку от боев. Значит, и конь в ней нуждается.

Колин папа взял коня под уздцы и повел к себе во двор.

Пришли ребята с речки. Принесли большой кукан окуней. Колин папа сказал им:

— А я без вас с Чапаевым познакомился! Он сам позвал меня к себе!

— Ну и как? — спросил Саша.

— Правильный командир! О бойцах заботится и к коню бережливый,— и он подробно рассказал, как проходило знакомство.— Вовек не забуду этой встречи!

Колин папа глянул на коня под навесом. Уткнувшись головой в колоду, усталый конь аппетитно жевал овес.

УХА С НАВАРОМ

Чешуя у окуня жесткая. Скребешь ножиком и так и эдак, а она не соскабливается. Коля замучился с окунем.

— Чистить окуня не нужно,— подсказал Саша.— Когда окунь с чешуйками, получается уха с наваром.

— А ты откуда знаешь? — спросил Коля.— Сам навар делал или Пелагея Ефимовна?

— Уху с наваром делал папа...

— Василий Иванович? Вы что — на рыбалку вместе ходили?

— Да нет! На пароходе плыли. Из Балакова в Саратов. Целую ночь! Пароход огромный, рыжий, с большущей трубой. Загудит — палуба трясется!

Саше хорошо запомнилась поездка на пароходе, хотя он тогда был еще малым ребенком. По шатким сходням бегали туда-сюда грузчики с мешками на спине, толкались пассажиры на палубе, а за бортом плавали по волнам белопенные узоры.

Саше особенно понравилось смотреть, как ворочаются могучие механизмы в шумном брюхе судна. Саша то и дело увлекал туда отца. Стальные руки машины то взлетали над трюмом, то падали в облаке пара. Там, в глубине, крутились и позвякивали механизмы поменьше.

— Сто лошадей впряги — пароход с места не стронешь,— сказал отец.— А тут одна машина. Горазд человек на выдумку!

Оба они долго не отходили от машины. Вдруг Саше послышалось: рядом кто-то всхлипнул. Оглянулся. Увидел в палубном проходе мальчика в белом халате. Мальчик прижимался лбом к стенке. Узенькие плечи и тесемки на спине вздрагивали.

— Наверное, палец обрезал,— предположил Саша.

Отец покачал головой:

— Из-за пальца поварята не плачут.

Он осторожно тронул мальчика за плечо:

— Слезы мужчин не украшают. Сказывай, кто обидел?

Поваренок обернулся. Худенькое веснушчатое лицо его было заплаканным. Оттопыренные уши пылали. На Чапаева он взглянул недоверчиво:

— Чего вам надо? Не ваше дело...

Провел кулаком по мокрым щекам, вытер руки о передник.

— Ишь какой грозный,— сказал Чапаев.— К нему — всей душой, а он и говорить не желает. Какая оса укусила?

— Если бы оса... Буфетчик уши надрал. Горят, спасу нет.

— За какие такие заслуги?

— Вот этим,— паренек кивнул на корму, где за столиком сидели три тучных пассажира,— ухи захотелось. А повар захворал. Я и так с ног сбился: мой им посуду, чисть вилки, пол подметай... А тут еще уху варить... Я им говорю: «Не умею»... А он меня за уши...

— Веди к буфетчику! — приказал Чапаев.— Я ему покажу, как руки распускать!

— Что вы! Что вы! — заволновался поваренок.— Он тогда меня с парохода выгонит. А мне нельзя. Дома — ни хлеба, ни картошки. Без моей помощи и вовсе плохо будет...

— Понятно, что же делать?

— Придется, видно, уху варить...

— А сможешь?

— Попытаюсь. Нехитрое дело...

— Не скажи. Уху варить — не ложки мыть... Вот что — бери меня в помощники, раз повара нет. Вдвоем мы скорее управимся.

Поваренок привел их на кухню. Стены каюты были запачканы сажей и чешуей. На длинном столе вдоль стены лежала рыба, большая и маленькая: несколько стер-

ляжек, много окуней и ершей, жирный карась и еще какие-то неизвестные Саше рыбешки.

Мальчик взял карася и разрезал ему живот.

— Карася — в уху? — удивился Чапаев.— Не пойдет! Для ухи подавай мелкоту. Окуней и ершей — в самый раз!

Мальчик отстранил карася, стал чистить окуня.

— Кто же так чистит! — Чапаев забрал у него и нож.— Да ты, как я погляжу, повар совсем неопытный.

— Я не повар. Я просто посудник...

— Посудомойщик, значит? Все одно знать должен, что окуня для ухи чистить вовсе не обязательно. С чешуей он наваристей и клейкости больше. Вот смотри!

Чапаев засучил гимнастерку по локоть и принялся разделывать рыбу. Выпотрошил внутренности, отсек окуню жабры и выбросил их в ведерко.

— А это зачем? — спросил мальчик.

— Иначе бульон с горечью получится. И хозяин снова надерет тебе уши.

Чапаев вымыл распотрошенную рыбу под краном и бросил в котел. Крикнул посуднику:

— Давай сюда соль и лук... А лавровый лист имеется? И его туда же!.. Теперь пусть покипит...

— Вот выручили! — обрадовался посудник.— Уши мои, кажется, остыли. Пойду тарелки расставлять...

Саша с отцом последовали за ним на корму. Посудник ставил перед посетителями тарелки, раскладывал на столах ложки и ножи. Несколько раз он выбегал на кухню и возвращался обратно. Пробегая мимо Чапаева, он приветливо кивал головой и улыбался. Чапаев поманил его пальцем.

— Совет дам. Только ты не обижайся... Ложки надо класть справа. Ножи острием к тарелке обращай. Уж такое правило. Я точно знаю! Как кавалерист с одной стороны на коня садится, так и тут...

— А ведь верно! — вспомнил посудник.— Мне и буфетчик так говорил, да забыл я...

Он принес кастрюлю с дымящейся ухой и стал разливать по тарелкам. По корме разнесся вкусный запах, такой, что у Саши слюнки потекли.

Толстяк, сидевший за столом справа, поднес ложку ко рту и воскликнул:

— Ну и ну! За такую ушицу тебе хоть памятник ставь. Царская уха!

Чапаев весело сощурил глаза и взял Сашу за руку, повел к машинному отделению:

— Оценили все-таки наше рукоделие! — сказал он Саше.— Хоть это и не главное мое занятие, а приятно слышать!

Утром, когда они уже собрались сходить на пристань, маленький посудник разыскал Сашу на палубе и шепотом, как заговорщик, спросил:

— А твой папа где поваром работает? В Москве, да?

— И не повар он вовсе,— ответил Саша.— Разве ты не видишь?

— То, что он в гимнастерке? Ерунда! — отмахнулся парнишка.— У генералов, я слышал, повара в мундирах ходят... Наверное, стыдишься, что отец сам стряпает? Оттого и отнекиваешься. А первоклассный повар, скажу тебе, ценится повыше любого генерала!.. Буфетчик вчера сам нашей ухи отведал. Обещал жалованье надбавить. Потом, может, и в повара переведет. Вот видишь, что значит уха с наваром! А ты говоришь, он у тебя не повар. Меня не проведешь — повар повара видит издалека!

Признаться, Саша и сам не ожидал, что отец сумеет приготовить такую вкусную уху.

Лишь позже знакомые люди рассказали Саше, как Чапаев, когда был маленьким, работал за три рубля в месяц в чайной у богатого купца. Там он научился стряпать и торговать, мыть полы и варить уху с наваром. И еще многому другому научился, о чем потом не забывал всю жизнь.

НЕ ВСЯКИЙ АЭРОПЛАН ЖУЖЖИТ

В темном уголке двора, возле груды досок, возвышалась столярная мастерская. Василий Иванович построил ее еще до войны, когда плотничал вместе с отцом.

Земляной пол под верстаком весь усыпан стружками и опилками. На полке вдоль стены разместились рубанки разных размеров — от маленьких, величиной с ладонь, до гигантских, которых не поднять ни Аркашке, ни Саше.

Чапаев взял с полки самый большой рубанок и подошел к верстаку, шаркнул по доске раз-другой... Стружки, кудрявясь, весело вылетали из рубанка и белой пеной падали к ногам. В мастерской медово запахло свежим деревом.

Аркашка и Саша вертелись рядом, подминая босыми ногами мягкие стружки.

— Что, чапаята, не пора ли вам с рубанком познакомиться? — спросил отец.— А ну-ка!

Он подвел Сашу к верстаку и показал, как надо работать. Потом и Аркашкину руку прижал к колодке. Они стали втроем строгать одну доску. С помощью отца рубанок ходил по дереву легко, оставляя позади себя прямые полоски.

С каждым движением доска делалась светлее, глаже. Лишь кое-где оставались едва заметные шероховатости.

— Теперь подчистим,— отец поставил тяжелый рубанок на прежнее место.

Потом он достал с полки два других рубанка, поменьше. Один отдал Саше, другой Аркашке:

— Строгайте сами! А я буду смотреть.

Сыновья старались изо всех сил. Тонкие стружки висли на рубахах, забирались в волосы, щекотали за воротом. Дети смеялись и еще крепче налегали на колодки.

Когда доска стала совсем гладкой, отец провел по ней ладонью, смахнул стружки с верстака, сказал:

— Теперь думайте, чего будем мастерить из доски?

— Ружье! — сказал Саша.— Со штыком и дулом. Как взаправдашнее.

— Нет, ероплан! — воскликнул Аркашка.

— Начнем, пожалуй, с ружья,— сказал отец.— А то Сашке и оборониться будет нечем, когда враг налетит.

Выстроганную доску он распилил пополам. Одну половинку отесал топором. Получился приклад ружья. Потом приделал штык и дуло.

— Теперь я никого не боюсь! — заявил Саша. Он не мог налюбоваться своей винтовкой.— Пусть налетает хоть сто еропланов — всех побью!

А отец уже принялся за аэроплан: прибил к палке два фанерных крыла, а к хвосту приладил щепку.

— А где же пропеллер? — спросил Аркашка.— Без пропеллера он жужжать не будет.

— А зачем ему жужжать? — сказал отец.— Мы изобретем аэроплан бесшумный. Полетит на белых, а его не слышно.

— Без пропеллера не полетит,— сказал со знанием дела Аркашка.

— Еще как полетит! — ответил отец.— Принеси из дома шнурок, на котором мать белье сушит.

Аркашка сбегал за бечевкой и стал наблюдать за отцом.

Из кучи хвороста отец выбрал гибкую лозину, согнул ее и связал концы бечевкой. Хвост аэроплана упер в тугую веревку, а нос, где должен быть пропеллер, положил на лук. Затем оттянул хвост назад так, что лоза выгнулась, как пружина. Тогда отец отпустил аэроплан из рук, и он устремился вверх, пронесся выше крыш над двором, качнул крыльями и плавно повернул к реке.

Аркашка замахал кепкой:

— Полетел беляков бить...— И тут он услышал моторный гул в высоте, воскликнул удивленно: — Ероплан-то зажужжал! Вот чудо!

Отец глянул из-под ладони в небо, и лицо его сразу посуровело, встревожилось:

— Не радуйся! Это не наш гудит...

Сыновья задрали головы в ту сторону, куда показал отец.

За рекой, высоко над степью, парила черная неуклюжая птица. Приближаясь, она затарахтела громче, прерывистей. И вот уже стали отчетливо видны ее широкие, неподвижные крылья, тупой нос с пропеллером. Да это же аэроплан! Но не тот, который построил отец, а совсем другой, большой и сердитый. Зачем он здесь?

— Прорвется с бомбой к городу — беда,— забеспокоился Чапаев.

Голубое небо вдруг озарилось вспышкой. Неподалеку от аэроплана возникло белесое облако с радужными краями. Аэроплан качнуло, от него что-то оторвалось, упало на землю. Над степью ухнул взрыв. Потом послышались частые залпы, затрещали пулеметы. Под крылом аэроплана вспыхнули кудлатые дымки.

— Это наши шрапнелью бьют,— объяснил Чапаев.

Уходя от обстрела, аэроплан взметнулся ввысь, повернул назад и стал быстро, быстро удаляться.

— Теперь крылатого пирата пулей не достать,— сказал отец.— На аэроплане еще можно нагнать. Да где его взять?

— А мой? — только теперь вспомнил Аркашка.

Он сбегал за своим аэропланом, который приземлился неподалеку от дома, и принес его отцу:

— Запусти в небо! Пусть догоняет...

— Да врага-то уже и не видно. Скрылся. Ищи ветра в поле! — усмехнулся отец.— Потерпи, Аркашка. Скоро и у Красной Армии будут аэропланы. Много-много. Тогда-то уж стервятнику от нас не уйти живым!

— А меня возьмешь на ероплан?

— Непременно! Сядем рядышком и полетим. Без зву-

ка полетим! Вот увидишь... Так что хорошенько осваивай свою бесшумную машину. Пригодится!

Он оставил сыновей играть во дворе, а сам куда-то отправился по своим делам.

УРОК

Идет Чапаев по улице, а навстречу ему — ребята. Улюлюкают, кидают вверх сумки и ловят их на лету.

Впереди всех — сестрички Клава и Лима.

Чапаев увидел дочерей, остановился:

— Что за гам, а грачей нет?

— Мы сегодня не учимся! — сказала обрадованно Клава.

— Нас по домам распустили! — не менее радостно добавила Лима.

Мальчишки завопили «ура!», а один, с облупленным носом, запел приплясывая:

— Мы сегодня все без дела — учи-тельша забо-лела! Теле-лень, пусть хворает каждый день!

Чапаев покачал головой, насупился:

— Во-он какой у вас праздник! — И громко приказал: — А ну, марш обратно в класс, бездельники!

И, взяв Клаву и Лиму за руки, повел в школу. Остальные нехотя потянулись следом.

В классе разбрелись по своим местам и притихли в ожидании, что скажет Чапаев. Он помедлил, расправил пышные усы. Затем сказал решительно:

— Раз учительницы нет, учить буду я! — посмотрел на плясуна с облупленным носом, усмехнулся: — Может, ты и мне споешь «теле-лень», чтоб хворал я каждый день?

В ответ зашумел весь класс:

— Вам нельзя хворать.

— Вы дивизией командуете!

— Вы белых рубите!

Чапаевские усы дрогнули в усмешке:

— Так-так... Значит, Чапаю болеть не разрешается. А знаете ли вы, что учитель в классе — то же, что командир в армии?

— Скажете тоже...— буркнул насмешливо парень с облупленным носом.— Командир на фронте, а учительница... Если бы не она, мы бы тоже на фронт ушли.

— Выходит, вас учительница не пускает? — Чапаев посмотрел на ребят с сочувствием.

Подумал и махнул рукой:

— Ладно! Пожалуй, я вам в этом деле помогу. Не будем откладывать в долгий ящик. Кто желает записаться в дивизию?

Класс дружно поднял руки.

— Хорошо! — одобрил Чапаев.— Красной Армии во как нужно грамотное пополнение. А то у нас в дивизии едва буквы разбирают. Отважные бойцы, а образования никакого! Нашего брата батрака царь на задворках у гимназии держал. А военная наука — дело сложное! Вот мы и вынуждены к бывшим офицерам за помощью обращаться. Они в штабе у нас сидят, планы чертят. Вот бы вас да на их место! Как-никак родная кровь, дети крестьянские. На вас положиться можно!

Мальчишки недоуменно переглянулись — так с ними еще никто не разговаривал! Каждый тут же представил себя чапаевцем — на голове папаха с красной звездой, на боку — сабля, грудь перекрещена пулеметными лентами. Вот это да!

Василий Иванович прошелся по рядам, вглядываясь в лица ребят, словно оценивал — подходят они для дивизии или нет? Возле учительского стола остановился, в сомнении почесал подбородок:

— Вот только... Гм... Ростом и телом вы того...

Класс обиженно загудел. Чапаев успокоил:

— Малый рост не беда! Не в нем сила. Сила ваша —

в грамоте. С такой силой и мал — удал! Так что унывать нечего!

Он вынул из планшетки карту, поманил детей пальцем:

— А ну-ка, идите сюда! Покажу вам карту.

Ребята повскакали с мест, сгрудились вокруг стола.

Чапаев поставил карандашом красный крестик на карте:

— Тут наш город. А тут, в сторонке, деревня Брыковка. Генерал Мартынов облюбовал ее для своей армии. Белые обороняются изо всех сил. Но долго брыкаться мы им не позволим! Выгоним из Брыковки в два счета!

Карандаш побежал вдоль черной полосы на карте:

— А ну, кто скажет, сколько верст нам топать до деревни? Кто самый прыткий? А?

— Тут и вершка нет! Значит, мало топать,— сунул облупленный нос в карту самый прыткий ученик.

Чапаев засмеялся:

— Эх ты, грамотей! На карте вершок, а на земле — три десятка верст. Сколько сантиметров в вершке?

— Мы сантиметров еще не проходили...

— Ну вот... А суешь нос в карту! Она для неуча лес темный... Хорошо, оставим карту. Вот приказ по дивизии,— показал Чапаев.— Видишь, какие аккуратные буквы? Как в книжке! Приказ в штабе на машинке отстукали тебе, красному командиру, и твоим бойцам — всем остальным ребятам. Они знать должны, как им действовать в бою. Читай! В приказе все подробно расписано... Быстро читай! Противник не ждет!

Малыш поднес бумажку к глазам, засопел, зашевелил губами. Покраснев до самых ушей, он натужно, по слогам прочел первое слово:

— При-каз...

Дальше пошли такие заковыристые незнакомые слова, что он и вовсе умолк.

Чапаев забрал бумажку:

— Куда же ты, командир, своих бойцов поведешь, если приказ прочитать не умеешь? В карте заплутался, о буквы спотыкаешься...

— Что ж, в дивизию, значит, мне нельзя? — спросил паренек безнадежно.

— Почему нельзя? Можно! Только придется подождать.

— А долго?

— Учительница твоя старается, чтобы побыстрее, да ты сам не хочешь.

— Как так не хочу?

— А кто плясал от радости, что учиться не нужно и пел «теле-лень»? Не ты ли? Коли сам себя за учебник не посадишь, долго придется дивизии ждать грамотного пополнения!..

— Больше петь «теле-лень» не буду...

— Рад слышать. Значит, признаешь учительницу своим главным командиром?

— Признаю...

— Тогда договор у нас будет такой: зачисляю всех вас отныне в резерв Красной Армии. А придет срок — милости прошу ко мне в дивизию!

На улицу Василий Иванович вышел вместе с Клавой и Лимой. Клава спросила:

— Неужто правда — возьмешь всех в армию?

— Слов на ветер не бросаю,— твердо сказал Чапаев.

— И Кольку возьмешь?

— Какого такого Кольку?

— Дюжева, что приказ читал...

— А-а, того! Что ж, и его возьму! Упрямый парнишка. Все из класса ушли, а он один остался. Я видел — раскрыл азбуку и учит, чтоб сегодняшний урок не пропал даром. Коли такое дело, Кольку Дюжева придется на один день прежде других в дивизию зачислить!

БУКВА, ПОХОЖАЯ НА КОЛЕСО

Когда они пришли домой, Василий Иванович поинтересовался, как учат уроки его дети, и заглянул в Клавину тетрадку. Покачал головой.

— Ну-ка, прочти, что ты здесь нацарапала? — попросил он.

— «Ко-ро-ва»,— прочитала Клава по слогам.

— Какая же это «корова»,— засмеялся отец,— когда здесь черным по белому написано «курува». А дальше что?

— «Ко-за»...

— Нет, ты читай, как написала!

— «Куза»...

— Сама ты «куза»... За что тебя буква «о» не любит? Каждый раз в букву «у» превращается... Кто поймет твою писанину?

— Все поймут,— заявила Клава.

— Да? Ну, хорошо. Бери ручку и напиши по-своему слово «стол». Есть? Так... Мне нужен был «стол», а ты мне — «стул». Видишь, что натворила твоя буква? Попробуем другое написать... Чего бы такое? Дай сообразить. Пиши: «Осы летают на поле».

Клава выводила старательно каждую буковку.

Саша, заинтересованный занятием, подошел к столу, склонился над Клавиной тетрадкой.

— Ха-ха! «Усы летают на пуле»,— прочитал он и запрыгал.

— Не умеешь читать! — обиделась Клава.

— Саша-то читать умеет,— сказал отец.— Это ты писать не умеешь. А все потому, что букву «о» не признаешь.

— Она круглая, вот и укатывается,— объяснила Клава.

— Это точно! — улыбнулся отец.— Круглая, как колесо! Боевой приказ тебе, Саша, пока я на фронте, при-

учи сестренку писать «корову», а то стыдно будет людям в глаза смотреть.

Клава весь вечер выводила в тетрадке «корову» и другие слова. Если ей попадалась буква «о», она вспоминала про колесо и рисовала ручкой кружочек, а не букву «у», похожую на утку,— с длинной и тонкой шеей, с закорючкой внизу.

Саша заглянул в ее тетрадь и сказал на этот раз без смеха:

— Ну вот, теперь тебя все буквы любят одинаково.

СКАЗКА ПРИДЕТ ЗАВТРА

Дети ложились спать. Чапаев торопливо поцеловал их и собрался уходить — его ждал на улице конный отряд. Нужно было спешить на фронт.

— А сказка где? — спросила Клава.— Мы без сказки не уснем...

— Как-нибудь в другой раз,— отмахнулся отец.— Сейчас не до сказок!

— Тогда расскажи самую малюсенькую,— не унималась Клава.

— Хорошо,— согласился Чапаев.— Но прежде договоримся, как кончу — сразу спать! Так вот слушай!.. Жил-был царь Тафута, и сказка вся тута.

— А дальше?

— Ты же просила малюсенькую.

— Малюсенькую, да не такую...

— Ну ладно. Расскажу другую. Жил-был царь Овес, он все сказки унес.

— Так не бывает. Сказок много. Их в мешке не унесешь.

— Твоя правда, Клава. Осталась одна. Последняя. Жил-был царь, у царя был псарь, да не было пса. Вот и сказка вся!.. А теперь ни гугу, спать!

Клава закрыла глаза. Притихли и остальные дети.

Чапаев поднялся и осторожно, на цыпочках пошел к выходу. На прощание сказал жене:

— Проснутся детишки утром, меня спрашивать будут. Скажешь: отец, мол, за сказкой для них пошел — за самой лучшей и самой длинной.

Застучали кони копытами на улице. И умчался Чапаев туда, где шла большая война за жизнь, похожую на сказку.

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА

Чапаевцы разбрелись на ночевку по квартирам, а Анисиму Климову было приказано ждать начдива у него дома.

Пелагея Ефимовна, жена Чапаева, пригласила его к столу, угостила чаем. Рядом пристроилась Клава. Все-то ей хочется знать! Спрашивает она Анисима Климова:

— Дядя Анисим, а много людей на войне убивают?

— Не без того... Бывает,— отвечает он ей.— На то и война.

— Дядя Анисим, а папу могут убить?

— Ну нет, тому не бывать! Чапая пуля не берет! В нем есть такая сила, что перед ней беляки устоять не могут.

— Какая сила?

— Волшебная! А ты и не знаешь? Ну тогда послушай...

И Анисим Климов рассказал Клаве сказку, которую не раз слышал от бойцов:

— С юных лет странствовал Чапай по белу свету, беднякам помогал. Одному избу из бревен поставит, другому коня в бою добудет, третьего научит саблей без промашки рубить. Сам-то он солдатом и плотником отменным был — на целом свете поискать такого! Каждого

встречного бедняка радостью одаривал, и невзлюбили его за это богачи-злодеи.

Не понравилось буржуям, что батраки повсюду Чапая привечают, дружно за ним идут. И порешили они от него избавиться. Подкараулили как-то его и всемером на одного из-за угла набросились. Да ничего у них не вышло. Пораскидал он буржуев в разные стороны, налево и направо, так, что они потом три дня и три ночи плашмя лежали, синяки да шишки считали.

Обозлились буржуи пуще прежнего. Стали думать, как с Чапаем расправиться. И придумали. Вырыли на дороге глубокую яму. Рогожей ее прикрыли, песочком присыпали: вплотную подойдешь, а где ловушка — не разберешь! И говорят они Чапаю: «Хотим показать тебе дорогу в тридевятое царство, в тридесятое государство, где бедняки твоей подмоги ожидают».

Чапай отвечает: «Бедноте всегда помочь рад. Ведите! Только вы первыми шагать будете, а я следом. Иначе с пути собьюсь».

Идут они, идут, вдруг — остановка. Топчутся буржуи на месте, Чапая вперед пропускают. А он им: «К чему такая честь! Я человек не гордый, мне и позади неплохо. Шагайте, как шагали!» И легонечко толкает буржуев в спину. А впереди — ловушка. Ну и они — все семеро, один за другим — прямо в яму!

«Поделом вам!» — смеется Чапай. Сказал так и, насвистывая, дальше побрел. Поднялся на высоку гору. Притомился и сел отдохнуть. От нечего делать стал на песке палочкой чертить, слова выводить: «Без нужды не дерусь, а семерых не боюсь».

Тут откуда ни возьмись — великан перед ним. Ростом две сажени, так что человек промежду его ног запросто мог пройти.

Прочел великан надпись на песке и говорит: «Во мне семь человеческих сил живет, и я один в барском имении за семерых управляюсь. Где тебе со мной тягаться!»

Чапай ему отвечает: «Это еще как сказать! Вон видишь, под горой камень лежит? Тебе его сюда нелегко будет поднять, хотя ты и за семерых управляешься. А я один, без малейшей натуги, могу его с горы столкнуть!»

«Не верю,— сомневается великан.— Надо нам померяться силой».

Спускается он вниз, тяжелую глыбу на гору выволакивает. Кряхтит, сопит, из последних сил надрывается. Кое-как вкатил камень на вершину, а сам и отдышаться не может, еле на ногах стоит, на землю валится.

«Эх ты, а еще великан! Камень-то легче пушинки...» Подходит Чапай к камню да как двинет его ногой. Он и покатился под гору — только гул стоит и пыль висит.

«Ну и ну! — качает головой великан.— И впрямь ты ловкий парень! Давай еще разок испытаем свою силу. Сказывай, что делать?»

Чапай говорит: «Кто одним ударом дерево свалит, тот и победу справит!»

Идут они к реке, где высокий дуб растет. Великан огромными ручищами ствол обхватывает, всей силой на дерево наваливается. А дуб ни в какую — как стоял, так и стоит, даже листом не шевелит!

Чапай рукава засучивает: «Смотри, как надо!» Вынимает из-за пояса топор. Размахивается и что есть мочи по дереву ударяет. Одним ударом валит дуб в воду, аж до другого берега.

«Пересилил ты меня,— вздыхает великан.— Придется нам снова тягаться силой. Кто в третий раз верх одержит, того и сочтем сильнейшим».

Чапай ему на реку указывает: «Многие ее перейти пытались, да в воде искупались. А я перешагну — ног не замочу. А ты сможешь?»

«Еще бы! — хвастался тот.— У меня шаг великаний, не то что у тебя! Запросто перешагну!» И прямо с берега — на другой край реки. Да ноги оказались коротки — полны лапти начерпал воды.

Наступает черед Чапаев. Выбирается он на поваленное дерево, по нему через реку переходит и обратно возвращается. Свои сапоги великану кажет — на них пыль дорожная, и ни единой капли речной!

Великан затылок чешет: «Снова ты меня вокруг пальца обвел и в лужу посадил. Не встречал я еще в нашем царстве-государстве человека, перед которым бы я так оплошал. Открой секрет, откуда силу и сноровку берешь?»

Чапай отвечает: «Секрет простой: ты служишь барину, а я — бедным людям. От барина тебе какой прок? Никакого! Силушку твою он себе забрал и ум твой в темноту запрятал, а без ума, как без рук! А люди, которым я служу, наделили меня своей силой и сметкой. Кто сметлив, тот и удачлив!»

Великан подивился и спрашивает: «Знать хочу, как тебя, добрый молодец, звать-величать?» А Чапай ему: «Сам себя называть не стану. Ты у других спроси. Тот, кто свое имя забудет, мое назовет».

Великан не поверил, что так может быть, но спорить не стал.

Утром, как только первые петухи пропели, вышел он в поле и видит — со всех сторон бегут перепуганные буржуи. А впереди мчится его барин-хозяин, только пятки сверкают.

Спросил великан барина, спросил другого, третьего, как их звать-величать. А те со страха своих имен не помнят. Хватаются за голову и вопят что есть мочи: «Чапай! Чапай!»

И тогда великан узнал, как зовут человека, в котором волшебная сила живет...

Закончил красноармеец Анисим Климов сказку. Глядит, а на пороге — Чапаев. Клава выбежала из-за стола — и к отцу. Повисла на шее. Глаза полны лукавства:

— А я что про тебя знаю!

— Что знаешь?

— В тебе волшебная сила живет! Ты великана поборол!

— Старая сказка! Еще при царе Горохе ее сочинили. Не про меня она вовсе! — ухмыльнулся Чапаев.— А ты, глупая, поверила...

Затем покосился в сторону Анисима Климова, брови сдвинул:

— Чем сказки сказывать, пошел бы лучше коней седлать. В тридцати верстах от города, мне только что сообщили, казачье притаилось. Отряд у них втрое больше нашего. Ну да это нам не в диковинку! Я мужиков в степь послал. Приказал костры развести, чучелами да деревянными пушками поле уставить. Враг ночью наверняка их примет за настоящие и бросит туда свои главные силы. А мы тем временем в обход пойдем, казакам хвост прищемим. Недурно придумал, а? — Чапаев подбросил дочь к потолку и спросил насмешливо: — Где ж во мне, егоза, волшебная сила? Ты меня с кем-то другим спутала!

Обратно в город чапаевцы возвратились с победой. Командир был доволен, то и дело подкручивал усы, весело рассказывал детям, как ловко он одурачил белых в ночном сражении. Все случилось точно, как и предполагал Чапаев. Противник, когда заметил в степи костры, двинулся с войском туда. А чапаевцы атаковали врага с тыла, где он и не ожидал их... Белогвардейцы разбежались в панике, побросали возле огородных чучел все, что у них было: подводы со снарядами, пулеметы, винтовки. И много убитых осталось лежать на поле.

— Ну вот, а ты, папа, говорил — не про тебя сказка! — воскликнула Клава.— Дяденька правду рассказал про великана и про твою хитрую силу.

— Про великана ничего не знаю. Не довелось встречаться,— ответил Чапаев.— А вот с белогвардейцами у нас простой счет: Чапаю чет, белым нéчет!

ЛЕТО НА КОЛЕСАХ

Повесть с рассказами чапаевца Анисима Климова

КРАСНЫЕ ЗАСТЕЖКИ НА ГИМНАСТЕРКЕ

Если бы у Васи Климова спросили, зачем он на чердак взобрался, Вася бы ответил: «И не чердак это вовсе. Наблюдательная вышка! Я — часовой на посту!»

Но никто Васю об этом не спрашивает. Мать уходила утром на ферму коров доить — не спросила. Наказала лишь за цыплятами присмотреть, чтобы на улицу не убежали. Отец, собираясь в поле, вывел мотоцикл из-под

навеса, на прощание помахал сыну рукой — и тоже ни о чем не спросил. Дедушка Анисим прошагал в скрипучих сапогах через двор, а на чердак не глянул, словно ему безразлично, чем там внук занимается. Громыхнул задвижкой на калитке и прямиком — в колхозное правление.

У взрослых с самого утра свои заботы. Первоклассник Вася тоже не сидит без дела. Он, как пограничник, ведет наблюдение за местностью.

Дом стоит на пригорке, у самого края села, и сверху, с чердака, Васе далеко видно. Сразу же за околицей начинается поле. Оно широкое и беспокойное. Желто-зеленые волны бегут наперегонки все дальше и дальше к горизонту.

Солнце до того раскалилось в полдень, что и глянуть на него опасно — ослепнуть можно. Если и дальше будет так припекать, то скоро все поле станет золотым, и тогда начнут косить рожь. Колхозные комбайны, как объяснил Васе отец, уже «в полной боевой готовности»:

— А когда приказ о наступлении поступит? — спросил Вася отца.

— Вот рожь поспеет,— ответил он,— и председатель колхоза Морозов даст команду: «Поехали!» И мы двинемся в наступление.

— Я тоже хочу наступать.

— Нос не дорос,— засмеялся отец и легонечко щелкнул сына по носу.— Пусть еще немного подрастет.

— У Сеньки Морозова нос меньше моего, а ты его прошлым летом к себе на комбайн брал.

— Как было не взять, коли председатель колхозный за сына поручился.

— А ты за меня поручись. Я же твой сын!

— Что верно, то верно! — засмеялся отец.— Придется, видно, и за тебя похлопотать.

И Вася начал готовиться, как приказал отец, к «битве за урожай».

Прежде всего он разыскал в дедушкином сундучке огромные комбайнерские очки с резиновой тесемкой. Левое стекло было треснуто. Но и в таких очках Васю не узнать. В один миг превратился в комбайнера, а может, даже и в летчика.

Потом Вася достал из сундучка огромный медный бинокль. Он уцелел у дедушки со времен гражданской войны. Вася повесил бинокль на грудь и подошел к зеркалу. Теперь он ясно увидел, что похож на Чапаева.

Чтобы усилить свое сходство с прославленным полководцем, Вася нахлобучил на голову дедушкину папаху-чапаевку. В папахе было жарко. Но Вася мужественно терпел.

Когда мать пришла с колхозной фермы, Вася уговорил ее сшить ему гимнастерку. Точно такую, как у дедушки на пожелтевшей фотокарточке. Мать сначала не поняла, зачем сыну такая гимнастерка. Вася объяснил, что он вместе с отцом будет «сражаться» за хлеб. Мама понимающе покачала головой и села за швейную машинку. Стала кроить и шить.

Утром Вася примерял новую гимнастерку. Она пришлась ему тютелька в тютельку. Вася восхищенно трогал большие, во всю грудь, красные застежки на сукне и, довольный, представлял, как мальчишки будут завидовать ему, когда он появится на улице в красноармейской гимнастерке, в папахе, с биноклем и в очках, как у летчика.

Первым человеком, перед которым Вася предстал во всем своем героическом виде, был отец.

— К выходу в поле готов! — громко отрапортовал Вася и по-военному отдал честь.

— Кто же так на уборку наряжается! — ухмыльнулся отец.— Папаха да еще бинокль!

— Сам же говорил,— надул губы Вася,— надо быть в полной боевой готовности.

Отец вспомнил, что он и вправду говорил так сыну,

и не стал спорить. Для него, бывшего солдата, который год работающего комбайнером в колхозе, жаркая пора жатвы всегда казалась боевым временем. За штурвалом комбайна он по-прежнему чувствовал себя солдатом.

— Ну что ж, Васятка,— сказал отец,— покажу тебе, как за хлеб надо сражаться.

— Мы победим! — воскликнул Вася.

— А как же иначе! — Отец потрогал бинокль на Васиной груди: — При таком-то снаряжении...

— А скоро поступит приказ «Поехали!»?

— Потерпи немножко.

— Потерплю. Главное, чтобы ты про меня не забыл...

И вот уже второй день Вася взбирается по лестнице на чердак и наблюдает в бинокль за дальним краем желтеющего поля. Там стоят комбайны. Издали все они — кирпичного цвета, с пятнышками на боках — похожи на божьих коровок. Какой из комбайнов принадлежит отцу, даже в бинокль не разберешь.

Пока хлеб еще не дозрел, комбайны стоят без дела. Но наступит время, и оживут эти «божьи коровки», поползут по золотому полю, зашумят, застрекочут, оставляя позади себя щетинистую стерню и вороха отработанной соломы. Комбайны будут стрекотать, пока не уберут урожай до последнего зернышка. Скорей бы жатва началась!

Свесив босые ноги с чердака, Вася не отрывает глаз от бинокля. Зеленые островки, которые еще вчера виднелись кое-где в золотом море ржи, теперь словно растаяли под солнцем, слились с желтизной всего поля.

Наверное, комбайны вот-вот пойдут в наступление. Почему же отец не зовет на помощь? А что, если он один, без него, Васи, решил управиться?

Расстроился Вася и ударил грязной пяткой по лестнице, приставленной к чердаку. Лестница накренилась и гулко рухнула на землю. Вася подобрал под себя ноги. Испуганно посмотрел вниз. «Чердак высоко,— подумал

он.— Прыгнешь — костей не соберешь. Эх, если бы раздобыть канат и на нем спуститься, как альпинист с горы, прямо под навес...» Глянул — под навесом вокруг клушки возятся пухленькие, словно одуванчики, цыплята, что-то выискивают своими розовыми клювами. Пестрая клушка настороженно вертит головой. Высматривает, не зарится ли кто на цыплят...

«Стоп! А где же тачанка?» — Вася только теперь заметил, что под навесом пусто. Еще вчера там стояла дедушкина тачанка, старая, как говорится, видавшая виды боевая тачанка. А сейчас ее нет. Куда она подевалась? Вася в отчаянии.

БЫЛА ТАЧАНКА — И НЕТ ТАЧАНКИ

Во дворе даже следа тачанки не видно. Словно сквозь землю провалилась.

Вася растерянно смотрит с чердака на то место, где еще совсем недавно стояла она. Пусть у тачанки не было колес, пусть поржавели металлические пластинки, которыми она была обита изнутри, все равно и такая нравилась она Васе. Частенько забирался он на нее и, махая руками, визжал и подпрыгивал на месте — воображал, что его трясет от быстрой езды. Кузов тачанки отлично сохранился. Передняя часть поднималась высоко и была просторной. При желании там могли бы разместиться сразу три ездовых. На деревянную спинку, разрисованную неизвестным художником, Вася смотрел восторженно. Рядом с потемневшим, в мелких трещинках, солнцем на спинке сияла крупная алая звезда. Лишь она сохранила свою яркость, потому что была нарисована позже. От звезды, как и от солнца, струились прямые, стрелообразные лучи. У солнца лучи наполовину выцвели, а у звезды сияли во всем своем блеске.

Вася не раз водил под навес дружков-приятелей и по-

казывал им раскрашенную тачанку. Всем она нравилась.

Полюбоваться ею приезжал даже как-то из соседнего села Сормовка длинношеий первоклассник с петушиной фамилией Кукарекин. Он смотрел на тачанку то с одной стороны, то с другой и подпрыгивал от восхищения. Голова его все время вертелась туда-сюда, словно на шарнирах. «Неужели чапаевская?! — не верил он глазам своим и щупал тоненькими пальчиками порыжевшую обивку под сиденьем.— Столько лет прошло, а еще живая!» Вася вздохнул огорченно: «Какая же она живая! Колесто нет...» Он очень жалел, что тачанка без колес. Так хотелось прокатиться на ней по степной дороге! Но какая же езда без колес!

Однажды он спросил дедушку, куда подевались колеса. Дедушка ответил, что выбросил он их из-за непригодности: спицы повыбились, поистерлись железные ободки, старое дерево кой-где прогнило, того и гляди развалится. Пробовал дедушка от других повозок приделать колеса. Да где там! Не тот размер. Надо было по особому заказу смастерить колеса, да столяр отказался: «Зачем старой бричке новые колеса! Послужили, и хватит! Ныне в колхозе иная техника». Так и осталась тачанка без колес... И кому она понадобилась? Разве что на дрова.

Надо немедленно дедушке Анисиму сообщить о пропаже...

Вася заметался по чердаку. Крикнуть бы кому-нибудь, позвать на помощь. Но на улице и во дворе ни души. Разгар дня. Все на работе. Лестницу поднять некому.

И тут Вася увидел чернокосую Тому Бесхатневу. Она живет по соседству. Что-то напевая себе под нос, Тома бодрым шагом, как солдат, маршировала по улице.

— Тома! Тома! — закричал Вася.— Спаси!

Тома Бесхатнева открыла калитку и, обежав дом,

увидела упавшую лестницу возле завалинки, а на чердаке — Васю. На голове у него дедушкина папаха, на груди — бинокль, за поясом — деревянная сабля. Вид, однако, далеко не геройский.

— Нет мочи ждать! — стонал Вася.— Приставляй лестницу скорее. Не то прыгну без парашюта.

Тома подняла лестницу, прислонила ее к глиняной стенке дома.

— Слазь, пока голова цела. Я подержу.

Вася стал быстро-быстро спускаться. Спрыгнул на землю, сказал:

— Том, ты знаешь — тачанку похитили!

— Никто ее не похищал,— спокойно ответила Тома.

— Как так не похищал? Была, а теперь нет.

— Спохватился! Ее вчера вечером со двора увезли.

— Кто увез?

— Дяденьки из мастерской приходили. Измерили повозку вдоль и поперек. Погрузили в телегу и увезли.

— Куда увезли?

— А я знаю. Может, качалку для детсада из нее сделают. Может, еще что. Без колес какой от нее прок!

— Так тачанка же эта — героическая! Дедушка никому бы ее не отдал.

— Как бы не так! Дедушка Анисим сам помогал грузить тачанку в телегу.

Обозлившись на Тому, на всех людей на свете, Вася надвинул на самые брови папаху, вскинул саблю и вприпрыжку помчался искать дедушку.

— Я — Чапай! Я — Чапай! — кричал Вася.— Любому злодею голову отсеку! Отсеку! От-секу!

Из крапивных зарослей во все стороны летели зеленые клочья.

В это время на тропинке показался третьеклассник Сенька Морозов, председательский сын, по прозвищу Дед Мороз. Он солидно вышагивал с походной сумкой-планшеткой на боку.

Увидев Васю, Сенька остановился. Сморщил маленький, похожий на редиску нос и ехидно засмеялся:

— Тоже мне Чапай! С деревянной саблей...

— Ну и что! — отозвался Вася.— У тебя и такой нет!

— Зато у меня есть тачанка! — Сенька гордо поднял свой нос-редиску.

— Ха! Так я тебе и поверил!

— Не веришь — и не надо! Сам скоро попросишься на мою тачанку!

Сенька тряхнул сумкой и скрылся.

Вася приуныл. Воевать с крапивой охота пропала. Он сунул саблю в картонные ножны и побрел по дну оврага домой.

ВО СНЕ И НАЯВУ

Дедушка Анисим спросил Васю, отчего он такой угрюмый.

— Тачанка наша пропала,— хмуро ответил Вася.

— Как это пропала? — удивился дедушка.— Я ее в ремонт отправил. Обещали, будет как новенькая.

— И скоро?

— Через день, два...

Тут Вася не выдержал и рассказал про Сенькину тачанку.

Усы у дедушки зашевелились и весело поползли в стороны.

— Хвастун твой Сенька! Просто-напросто дразнит тебя,— сказал дедушка.— Услышал от отца про тачанку и задумал подзадорить внука чапаевца. А ты и поверил!

Дедушка весело прошелся рукой по усам. Они у него русые, со вздернутыми кончиками. Похожи на чапаевские.

— Когда я вырасту,— сказал Вася,— я тоже усы заведу себе!

Дедушка усмехнулся:

— На Чапаева можно быть похожим и без усов. Не в них дело!

Вася и сам знает: дело не в усах. Главное — быть храбрым. Вася не трус. Он ни собак, ни лягушек не боится. Если, чего недоброго, враги снова войной пойдут на нашу страну, Вася так им всыплет, что они разбегутся, как разбегались беляки от чапаевской тачанки. Вася сто раз видел и Чапаева на тачанке, и его бойцов с ружьями, и удирающих белогвардейцев. В кино показывали. А однажды он сам себя в настоящем бою увидел: Вася строчил из пулемета, а Чапаев рядом ему рукой указывал, куда стрелять надо. Белый офицер саблей рубанул. Упал Вася на землю, глядит — локоть в крови. «Дедушка! Ранили меня!» — застонал Вася. И только тут заметил, что лежит на полу. Над ним — дедушкины усы. «Какой там ранили! — топорщились усы.— Протри глаза, вояка! Это ты с кровати ухнулся...»

На другой день Вася улегся пораньше, чтобы зарубить того, кто его ранил. Но он ему не приснился. И самого себя на тачанке больше не увидел. Такая досада!

Проснувшись, Вася спросил дедушку:

— Если бы война была, взял бы меня на тачанку?

— Почему бы и не взять! — ответил дедушка.— Парень ты лихой, на чапаевских детишек похожий. Помню, как я их однажды, еще в гражданскую, на свою тачанку посадил. Пришлось нам вместе в боевой операции участвовать.

— Вот это да! Расскажи, дедушка!

— Что ж, рассказать, пожалуй, можно, коли интерес проявляешь. Только ты, Васятка, внимательно слушай и мой рассказ на ус наматывай.

— У меня ж усов нет...

— А это так говорится — «на ус наматывать». Значит, слушай и запоминай. Глядишь, в жизни сгодиться может...

Рассказ чапаевца Анисима Климова

Не сразу и не вдруг наша тачанка боевой стала. Когда-то была она просто-напросто крестьянской бричкой на четырех колесах и с легким кузовом. Сельские мужики возили на ней сено с лугов, дрова из леса, на ярмарку за товаром ездили, мальчишек по селу катали в праздник. А в гражданскую войну Чапаев эту бричку, быструю да разворотливую, в военных целях стал использовать. Бойцы на бричку пулемет поставили, и стала она тачанкой.

Пуще дьявола страшились белогвардейцы красноармейской тачанки. Пытались они ее в степи выловить. Да где там! Ни для сабли, ни для пули она недосягаема. А стоит белой коннице приблизиться — пулемет: тра-та-та, тра-та-та... Никакого подступа! Оттого и жаловал Василий Иванович тачанку, завсегда ее впереди строя пускал, когда в атаку шли.

Одна такая тачанка в дивизии нежданно-негаданно оказалась. Мы тогда белоказаков из деревни выбили и расположились на отдых. Вдруг слышу, кто-то меня окликает:

«Эй, паренек!»

Мне тогда, как и боевому дружку моему Андрейке Желтову, шестнадцать лет было. Мы с ним по одному годку себе надбавили, чтобы в Красную Армию попасть, и не любили, чтобы нас вот так, «пареньками», окликали.

Обернулся я, гляжу — старичок. Седенький такой, густобровый. Морщинки по лицу. Рубаха на груди цветочками вышита. Оказалось, переселенец украинский, мастеровой.

«Не нужна ли тебе, юный товарищ,— спрашивает,— бричка на рессорах? Без дела она стоит. Сын в Красную Армию подался. Лошадь взял, а бричку оставил. Кому она, без коня-то, надобна? У вас же вон сколько лоша-

док! Есть кого в парную бричку впрячь. Берите. Пригодится в бою».

Пошел я к нему во двор, глянул на бричку и обомлел — высокая и статная, спинка и грядки по бокам лаком покрыты, разноцветными красками расписаны. На дощатой спинке лето нарисовано: лучистое солнце, зеленый луг, цветы и высокий сноп пшеницы в поле. Краска поблескивала, словно только вчера ее на дерево нанесли. Красотища — лучше не бывает!

«Спасибо,— говорю старику.— Уважил. Забираю твою тачанку для сражения за мировую революцию».

Принял я от старика необходимую упряжную сбрую, и тут же мы с Андрейкой расседлали вороных коней своих, впрягли в тачанку. Только выехали, глядь — Чапаев навстречу. Остановились. Оглядел он тачанку со всех сторон:

«Ход пружинистый, на рессорах! — сказал одобрительно. Потом, прищурившись, стал картинку на спинке смотреть.— Размалевано что надо! — оценил радостно.— Вот за такую красу земную, за счастье рабоче-крестьянское мы в бой идем, кровь проливаем. Со смыслом картинка. Только не мешало бы близ солнца красную звезду изобразить. И будет она как солнце революции! Звезда на тачанке непременно должна быть!»

Разыскали мы в деревне богомаза, краской у него разжились, звезду нарисовали, как Чапаев велел. По всем правилам. Засияла она на тачанке пуще солнца вешнего.

Утром, когда мы возле штаба проезжали, окликнул нас Чапаев, позвал к себе. Видим — не в духе он. Лицо почернелое, озабоченное. Кончики усов нервно дергаются.

«Сообщение от разведки поступило,— говорит,— белогвардейская банда в тылу у нас объявилась, к Вязовке приближается. У меня там жена с детишками. Схватят — не помилуют. А я не смогу помочь. Приказ полу-

чен — дальше врага гнать, на Уральск наступать. Мы всей дивизией вперед пойдем, а вам даю такое задание: мчитесь на тачанке в тыл. В Вязовке мужиков предупредить надобно. Сообща будете действовать. Тогда бандитам несдобровать. Задача ясна?»

Отвечаем с Андрейкой в один голос:

«Так точно, ясна!»

Исполнили мы чапаевское поручение по всем правилам. Еще на подступах к Вязовке, в степи, ошпарили бандитов пулеметной очередью, а затем сельских мужиков на ноги подняли. Разумеется, про чапаевскую семью не забыли. Жена и детишки его нашему приезду рады были. Младший чапаевский сынок Аркашка прыг в тачанку! За ним — шустрая Клава. Рядом со мной уселись на кучерских козлах. А десятилетний Саша ни в какую не желал из села уезжать.

«Прыгай,— кричу ему,— живее! Кругом по степи бандиты рыскают. Вот-вот сюда нагрянут».

А он мне категорически:

«Папа никогда от белых не прятался. И я не испугаюсь. Езжайте одни, а я белогвардейцев бить буду».

Я ему:

«Чем же ты их бить-то будешь? Палкой, что ли? У тебя же ни ружья, ни сабли».

Саша схватил крестьянскую косу и над головой вскинул.

«Коса острее сабли! — закричал.— И близко не подпущу!»

Вижу, парень не шутит. Готов всех бандитов, какие есть, покосить. Как же мне его в дивизию к отцу доставить? И тут Андрейка Желтов верный подход к мальчику нашел.

«Чем косой махать,— говорит,— лучше на тачанке из пулемета стрелять. Садись рядом. Будешь за пулеметчика».

Саша ему:

«А не обманете?»

Андрейка поклялся:

«Честное чапаевское!»

Саша косу в траву бросил — и к нам, на тачанку.

Помчались мы, а вместе с нами — мужики на конях. Нагнали белобандитов. Андрейка из пулемета строчил, а Саша ленту с патронами подавал. Малыш Аркашка во все горло вопил:

«Ур-р-а! Бей их! Долой кровопийцев!»

Понравились мне чапаевские детишки. Что Саша, что Аркашка, что Клава — все стойко держались. Пули над головами свистели. А им хоть бы хны. Бесстрашные. В отца.

Когда мы с бандой покончили и чапаевскую семью в штаб доставили, Василий Иванович нам благодарность в приказе объявил. Он так сказал:

«Лихая тачанка! Революционная! Недаром красная звезда на ней горит. Пусть и дальше так же отважно революционному делу служит!»

В каких только переплетах не побывала наша тачанка, а выдержала. И после войны не переставала людям служить. Пришлось, правда, заново перестроить тачанку, чтобы можно было запрягать в нее не две, как прежде, а одну лошадь. Каждую осень колхозники отвозили на повозках собранный урожай. Впереди хлебного обоза шла наша тачанка. Над ней развевалось шелковое красное знамя, полученное колхозом за ударный труд. Потом, когда стали возить зерно на грузовиках, пришлось поставить бричку на заслуженный отдых. Вот с той поры и стоит под навесом. Гляну на нее и прошлое вспомню. Что и говорить — героическая тачанка!

ВСЕ ЧЕТЫРЕ КОЛЕСА

Неделя прошла, а комбайны в поле как стояли, так и стоят. Вася ждать устал, когда они работать начнут,

Спать все эти дни он ложился поздно и заснуть долго не мог. Все думал о том, как помчится он на тачанке в дальний край поля, к отцовскому комбайну. Отец увидит Васю с дедушкой и спросит удивленно: «Откуда диво такое? Тачанка же без колес была. Видно, для важного дела ее починили?» А Вася ответит: «Наша тачанка не только боевая, а еще и трудовая! На ней колхозники когда-то хлеб возили. Вот и мы приехали помогать тебе!»

Однажды Вася проснулся рано-рано, когда только светать начало. Услышал, как надрывно прокричал петух под окном, захлопали, заскрипели калитки в соседних домах, протяжно замычали коровы.

Мычание постепенно становилось все глуше и глуше, пока совсем не стихло где-то за селом.

И вдруг... Что такое? Топот лошадей, голоса мальчишек, щелканье кнутов...

Вася решил, что это сон, и перевернулся на другой бок. Топот и треск, доносившиеся издалека, не давали заснуть.

Вася выглянул в окно. На улице никого. Где-то в степи трещали пулеметы.

— Дедушка! Дедушка! — тормошил Вася спящего деда.— Пулеметы в степи. Война началась!

Дедушка спросонок никак не мог сообразить, в чем дело.

— А ведь и вправду стреляют.— Он вскочил с постели и торопливо стал натягивать полосатые брюки.— Что за напасть! Треску много, а взрывов нет.

— Побежим посмотрим! — Вася схватил со стола бинокль и потянул за собой дедушку.

Они сбежали с крыльца и заспешили в степь.

У самого горизонта вздымалась к небу и висела над дорогой широкая пыльная завеса.

— Дедушка, это же тачанки! — разглядел Вася.— Целых пять штук!..

Тачанки неожиданно сошли с проселочного тракта и,

миновав желтое поле, выскочили на ковыльный простор, круто развернулись и замерли.

Пыль постепенно улеглась, рассеялась, и их ровный строй стал виден отчетливо.

Лошади в оглоблях били копытами, норовя сорваться с места. Кучера изо всех сил тянули вожжи, сдерживая рысаков. Одна из тачанок вырвалась из строя, повернулась круто, и белоголовый щупленький владелец ее, встав на козлы, начал что-то говорить собравшимся. По тому, как он заносчиво вскидывал белобрысую голову и, не уставая, рубил руками воздух, Вася безошибочно угадал:

— Да это же Сенька Дед Мороз! Тачанка-то у него с пулеметом! Ишь какой важный.

Тачанка под Сенькой — Вася это хорошо увидел в бинокль — дернулась, и Сенька, не удержав равновесия, плюхнулся в кузов, по-смешному дрыгнув ногами.

Пришли в движение и остальные тачанки. Развернувшись широким строем, помчались они через степь к селу.

Впереди, как и полагается, летела быстроходная бричка командира — Сеньки Деда Мороза. Он то и дело вскакивал, и фигура его маячила над остальными.

Тачанка ближе и ближе. Слышно уже, как дребезжат колеса, как всхрапывают кони. И звенит Сенькин по-чапаевски громкий, на всю степь, голос:

— Не робей, не робей, ребята! За мной — в атаку!

Неудержимо приближаются тачанки к околице. Играют на ветру гривы неукротимых лошадей.

— Товарищи! — орет Сенька, крутя хлыст над головой.— Ур-р-р-а-а!

— Ура! Ура! — несется с левого фланга.

— Ура! Ура! — несется с правого фланга.

— Ура! Ура! — сливаются в общий крик ребячьи голоса.

Единым порывом охвачена вся Сенькина армия. Кажется, никто не в состоянии остановить бег тачанок.

— Стой! Ни с места! — распоряжается Сенька.— Развернуться всей цепью! К пулеметам!

Разворачиваясь, заскрипели, заплясали по кочкам тачанки, зафыркали лошади. Жерла пулеметов нацелились в одну сторону — как раз туда, где Вася с дедушкой Анисимом стоят.

Разом оглушительно затараторили пулеметы. Степь эхом ответила на звонкую дробь.

— Сенька Дед Мороз трещотку крутит,— хмыкнул Вася.— На испуг берет. И тут Вася от изумления вытаращил глаза, схватил дедушку за рукав: — Ты только взгляни, дедушка! Наше лето на тачанке!

— Какое такое «лето»?

— Да вон же, на Сенькиной. Под пулеметом. На спинке нарисовано.

— А ведь верно. Наша тачанка. Как есть наша! Все четыре колеса на месте. Отремонтировали, выходит. А солнце-то! Солнце-то! Сияет, как тогда, в гражданскую. Подновили, видать, краску-то. Омолодили мою голубушку!

Вася был несказанно обижен: кто это мог тачанку Сеньке отдать?!

— Должно быть, от председателя все идет,— резонно пояснил дедушка Анисим.— Не иначе как он.

— Если бы одну. А тут вон сколько тачанок. Откуда все это?

— Ума не приложу, внучек. И каждая — вот удивительно! — по виду на нашу смахивает...

Трескотня совсем смолкла, и стало так тихо, что слышно было, как кузнечики в траве стрекочут.

Сенька снова поднялся на козлы и объявил громогласно:

— Сражение закончено! Тачанки, за мной!

И тачанки одна за другой закружили, словно карусель.

— Даешь песню! — послышался чей-то задорный голос.

Мальчишки дружно грянули:

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Пионерская тачанка,
Все четыре колеса!

Вздымая пыль колесами, они свернули в сторону от села. Щелкали хлысты, и звенела, удаляясь, песня:

Эх, за Волгой и за Доном
Мчится степью золотой
Загорелый, запыленный
Пулеметчик молодой.

— Не пойму толком, для чего им понадобилось все это? — пожимал плечами дедушка и будто подзуживал Васю.

— Может, в войну играют? — догадался внук и, сорвавшись с места, побежал за повозками. Но они вместе с песней были уже далеко-далеко.

Вася вернулся обратно и махнул рукой:

— Разве за тачанкой угонишься...

— Это точно! — поддержал дедушка Анисим.— Тачанка любой песни быстрее.

Вася пуще прежнего рассердился на Сеньку. «Сам сел на тачанку, а про друга забыл. Ну погоди! — погрозил ему кулаком Вася.— Попросишь у меня дедушкину папаху, ни за что не дам! И играть с тобой не пойду, хоть тресни!»

ТУТ ЕСТЬ ЧТО-ТО ТАИНСТВЕННОЕ

Вася переживал. Он считал, что Сенька Дед Мороз поступил несправедливо. Тачанка дедушкина, и, значит, по закону должна она принадлежать дедушке. Надо за-

брать ее у Сеньки! Знать бы только, где он держит ее. Не у себя же под навесом! Скорее всего там, где ночуют лошади,— на колхозном конном дворе.

Вот туда и отправился Вася.

Все пять тачанок стояли вдоль забора возле конюшни. На конном дворе он увидел не только Сеньку, но и других ездовых. И пионерка Тома Бесхатнева с ними.

Вася испугался, что его заметят, и залез под одну из тачанок. Стал следить за Сенькой и его дружками.

Все школьники были в новеньких рубахах, с алыми галстуками на груди. На левом рукаве у Сеньки пришита голубая тряпочка с большими буквами «П» и «Т». Вышитые золотыми нитками, буквы радужно поблескивали.

В руке Сенька держал бумажку. Он поднял ее выше головы и торжественно сообщил:

— Вот оно, ответственное задание!

— От кого? — крикнул кто-то.

— Я же только что сказал — от Чапаева!

Вася от изумления высунул голову из-под тачанки и чуть было не ойкнул. Надо же! Сам Чапаев дает им задания!

«Постой-постой,— спохватился Вася,— как он может давать какие-то задания, если давным-давно погиб? Наверное, Дед Мороз просто-напросто придумал игру в Чапаева и шпарит от его имени всякие приказы. Сенька это может. А мальчишки рты пораскрывали. Вот глупые!»

Сенька между тем продолжал:

— Прошлый раз, в День Советской Армии, отец послал ему телеграмму. Поздравил Чапаева с праздником. А тот в ответ большущее письмо прислал.

Чем дольше говорил Сенька, тем правдоподобнее у него получалось. Оказывается, председатель колхоза, товарищ Морозов, написал будто бы Чапаеву про Сенькино пионерское звено, про то, как ребята за колхозными лошадьми уход ведут и как в минувшем году по-ударному на уборке трудились. Чапаева, если верить Сеньке,

дела пионерских коневодов особенно заинтересовали, и он просил всем пионерам привет передать. Сенька возьми да и напиши Чапаеву послание — от себя лично и от своего звена. Содержание этого послания Сенька пересказал ребятам: так, мол, и так, скоро колхоз начнет убирать новый урожай, и они, пионеры, будут по-боевому, крепче прежнего помогать взрослым. И тогда колхоз «Чапаевец» станет самым передовым.

— Сегодня утром,— сказал Сенька,— почтальон письмо принес. Под расписку. Заказное! Вот оно,— и Сенька снова поднял над головой бумажку.— Задание для наших тачанок! Чапаев пишет, что такие же задания посланы на лето и другим дружинам. Мы будем соревноваться. А Чапаев потом, когда уборку закончим, приедет поздравить тех, кто победит.

— Не приедет. До нас ли ему!

— Чапаев обманывать не станет,— убеждал Сенька.— Раз написал, что приедет, значит, тому и быть! Если, конечно, мы в соревновании не подкачаем... Приказываю каждому вот такую эмблему пришить,— и Сенька, выставив локоть вперед, показал на треугольный лоскут с блестящими буквами «П» и «Т».

— Где ж золотых ниток достать?

— Доставать не нужно. Тома Бесхатнева уже вышила,— сказал Сенька и по-командирски глянул на Тому: — Есть эмблемы?

— Как было приказано,— ответила Тома.— А еще я чапаевский приказ для всех на машинке отстукала.

— Молодец! — похвалил Сенька, шаркнув ладонью над губами, словно там были усы.— Запрягайте лошадей — и на тачанки! Двинемся выполнять срочное задание. Поручение возить огурцы на склад...

Вася попятился из-под тачанки к плетню и, пока мальчишки возились с лошадьми на конюшне, незаметно проскользнул к воротам и выбежал на улицу.

В голове у Васи был полнейший ералаш. Чапаев-то,

оказывается, жив! Кто бы мог подумать! Еще несколько минут назад Вася сомневался в этом, но теперь, когда услышал, что Чапаев собирается в колхоз приехать, отпали все сомнения.

Стало понятно, почему в колхозе новые тачанки построили — сам Чапаев приказал! И как это только люди до сих пор не знают, что Чапаев не утонул в реке Урал, жив остался! Невероятно! У него вон и домашний адрес есть. Иначе как бы Сенька ему письмо написал... Странно, что живого Чапаева по телевизору не показывают. Всем бы захотелось взглянуть, какой он сейчас. И в газетах не пишут, по радио не говорят. Тут есть что-то таинственное. Как и в тех двух буквах, что на Сенькиной эмблеме...

Вася искал дедушку Анисима повсюду: и в правлении колхоза, и на ферме, и в саду за селом. А он оказался в колхозной кузнице.

Лицо у дедушки взмокло от жары. Белесые брови насупились до самых глаз. Распушенные усы торчали в разные стороны, словно соломинки. Дедушка то и дело вынимал платок из кармана брюк и вытирал лоб.

Он не сразу заметил Васю, а когда заметил, махнул на него рукой. Дедушка был явно не в духе.

Бородатый кузнец виновато смотрел на него и оправдывался:

— Напрасно, Анисим, на меня шипишь. Я тут совсем ни при чем. Пришел товарищ Морозов и отдал такое распоряжение.

— Выходит, во всем председатель виноват?

— Ну да. Он самый. Так и сказал: «Как только рессоры починишь, ободки к колесам приладишь, так пионерам тачанку передашь. Пусть они с моим Семеном на ходу прочность колес испытают».

— «Моим Семеном»...— передразнил дедушка Анисим.— С каких это пор Морозов своего сынка в испытатели произвел? Тачанка-то чья? Сам знаешь — с шестна-

дцати лет я на ней вместе с Чапаевым по белу свету колесил. Значит, мне и испытывать ее после ремонта. Я хотел вот с ним, с Васяткой моим, проехаться. А Морозов, выходит, воспользовался своим председательским положением и мою тачанку собственному сыночку, как игрушку, на всякие развлекательные игры удружил. Дело ли это?

— У нас, Анисим, не одна твоя тачанка находилась. Нам из столярки еще четыре доставили. Мы и их по всем правилам в металл обули. Пионеры на лошадях тачанки от нас на конный двор увезли. Слышал, у них насчет тачанок какое-то очень важное указание поступило. Будто бы из самой Москвы... Как сказал товарищ Морозов, пионеры будут управлять тачанками.

— И помимо Сеньки имеются пионеры. Чего ж он сынка своего раньше всех прочих на тачанку посадил?

— Звеньевой. Ему положено...

— Чего положено?

— Первым испытывать.

— Видел я намедни этого «испытателя» на тачанке. На крутом повороте кубарем полетел. Его учить да учить надобно, чтобы лошадь по всем правилам смог в узде держать... Э-э, да что там! Пойду в правление к Морозову и все ему начистоту выскажу. Пусть не думает, что раз избран председателем, то все дозволено... Айда за мной, Васятка! Нечего нам здесь попусту балясы разводить...

Они вышли из жаркой кузницы на свежий воздух. Постепенно дедушка успокоился, пригладил усы.

Вася сказал ему:

— Ты напрасно ругался. Товарищ Морозов и на самом деле не виноват. Он приказ получил Сеньку и все его звено на тачанки посадить.

— Откуда ты это взял?

— Своими ушами слышал. Всем пионерам приказ на

машинке напечатан. Они на тачанках соревноваться будут.

— Кто ж такой приказ издал? Уж не сам ли Сенька?

— Нет, не Сенька. Василий Иванович Чапаев!

У дедушки Анисима дух перехватило от такого сообщения. Он полез в карман за трубкой.

— Пустое говоришь. Не может того быть! Василий Иванович еще в гражданскую погиб.

— И я так сперва думал. В кино видел, как он, раненный, в реке утонул. Но, наверное, он выплыл, раз такое дело...

От волнения дедушка никак не мог щепотку табака донести до трубки. Все мимо и мимо.

— Понимаешь, Васятка,— после долгого раздумья сказал он взволнованно,— не впервой и от разных людей слышу, что не погиб, мол, Чапаев, доплыл до другого берега. Многие чапаевцы о том говорили. Да и я сам, признаться, долгое время считал, что не утонул он в реке Урал, ибо был человеком сильным и ловким, и к тому ж ни одна пуля его в бою не брала. Думалось мне, что и в том страшном сражении она стороной его обошла, не задела смертельно...

Рассказ чапаевца Анисима Климова

Хошь верь, хошь не верь, а Чапаева один наш пастух в двадцать четвертом году близ села встретил. Было такое дело. Старик пас стадо. И вдруг видит — странник по степи бредет. Подошел ближе, поздоровался. Потом присел рядом, закурил. Спрашивать стал про всякие сельские новости, про то, как бывшие чапаевцы живут-здравствуют. А пастух смотрит на него и думает: «Чапаев! Обличьем и разговором точь-в-точь...» Поинтересовался: «Откуда странничек?» А тот ему: «Вот оттуда и туда-то». Пастух на новый лад разговор заводит, спрашивает в упор: «Знал, мол, Чапаева-то?» И слышит в ответ: «Ну

как же не знать? Знаю, хороший парень был. Ну он себя еще покажет!» Больше ничего не сказал. А старик пастух бегом в село пустился. Пришел и рассказывает, божится, что Чапаева видел. Мы — туда. Но его, конечно, и след простыл. Ждали мы и думали, что придет он. Не верили мы его смерти. Ведь тела его, как ни искали, ни в реке, ни на берегу не нашли, когда казаков из Лбищенска вытурили. Много наших бойцов в Урале потонуло. Но мы их находили — трупы течением прибивало к одному месту. А Чапаев исчез. И в реке шарили, и в кустах на берегу искали — не нашли. Вот тут как знаешь, так и думай. Може, погиб. А може, по сей день по белу свету странствует. Легендарные герои, было б тебе известно, живут долго...

НЕ ПО СЕНЬКЕ ШАПКА

Только Вася с дедушкой Анисимом пришли домой, как в дверях показался Сенька Дед Мороз. Задрал свой нос-редиску к потолку и стал хвастать:

— Видели, как мы на тачанках... То-то! Каникулы будут — держись!

Дедушка не дал ему бахвалиться долго.

— Легок на помине,— сказал он Сеньке.— Я уж было внука хотел за тобой снарядить. А ты тут как тут.

— Чего-нибудь случилось? — забеспокоился Сенька.

— Вот именно — случилось. От Чапаева письмо было?

— Еще утром.

— Так что ж ты, непутевый, от меня, чапаевца, такой факт скрываешь? Событие всемирной исторической важности! А ты ни гугу.

— Мы всем звеном так решили: пока не победим в соревновании, никому не скажем, что с ним переписываемся.

— С кем с «ним»? С Чапаевым, что ли?

— Ну да! С кем же еще?!

— А не врешь?

— Стану я врать! Я его письмо в планшетке ношу. Чтобы кто не увидел. Жаль, планшетка дома осталась, а то бы сами убедились... Товарищ Чапаев написал, что, возможно, осенью к нам приедет. А теперь вот мы по его распоряжению на тачанки сели, чтобы помогать колхозу. Только что получили задание...

Сенька не договорил. Увидел в Васиных руках папаху и стал умолять:

— Отдал бы ты, Вася, мне ее на лето. Тебе она ни к чему, а мне без папахи ни то ни се.

— Вот еще! — огрызнулся Вася.— С тобой я больше не вожусь. Папаху просишь, а на тачанку не взял.

— Я бы с радостью, да приказано — октябрят и близко не подпускать. У нас видишь что,— и Сенька показал эмблему на рукаве.

— «П» и «Т» — прочитал Вася.— Что это такое?

— На тачанку просишься, а не знаешь! «П» и «Т» — это значит «Пионерская тачанка»! Так Чапаев велел. Он нам важное задание дал!

— Какое еще задание?

Сенька вытащил из кармана тетрадку и помахал перед Васиным носом:

— Вот оно! Только ты все равно не поймешь!

— Покажи-и-и! — с мольбой впился в него малец.

— А папаху дашь?

— Ладно, дам, если дедушка позволит...

— Тогда иной разговор... Смотри!

И Сенька раскрыл тетрадку. Вся страничка вдоль и поперек была исчерчена кривыми линиями и расцвечена синими и красными кружочками.

— Ездим на тачанке не просто так, а по приказу самого Чапаева! Настроение боевое...

И Сенька вдруг уставился на дедушку Анисима ошалелыми глазами:

— Эх, а что я придумал!.. Дедушка, вы же чапаевец! Приходите в наш отряд командиром! Это же здорово! Во главе пионерских тачанок — настоящий чапаевец! Тогда мы — впереди, остальным не угнаться!

От Сенькиных слов у Васи внутри все так и дрогнуло. Он радостно встрепенулся, прижался к дедушке и попросил:

— Дедушка, ступай скорее в командиры! И я с тобой! Пусть попробуют тогда прогнать с тачанки!

— Я бы не прогнал,— оправдывался Сенька.— Да ведь сказано тебе: октябрят брать нельзя.

— Тебе можно, а мне нельзя?! — возмутился Вася.— А еще папаху просил!

Дедушка Анисим взглянул на Сеньку вопросительно:

— О какой такой папахе речь идет?

— О вашей, дедушка Анисим. Если он мне папаху отдаст, я с отцом поговорю. Попрошу за него...

— Выходит,— дедушка Анисим сурово насупил брови, не дал договорить Сеньке,— если он тебе, то и ты — ему? Буржуйский закон. К лицу ли пионеру такое?

— Я бы о нем и без папахи позаботился. Да нельзя. Запретили октябрят на тачанки сажать.

— Октябренок — будущий пионер,— сказал дедушка Анисим.— На комбайн он просился. Но на комбайн ему — что правда, то правда! — еще рановато, хотя отец и обещал. А на тачанку, пожалуй, в самый раз. Да ладно. Коли дело такой оборот принимает, мы и сами с папашей твоим обо всем договоримся. Он Васю в обиде не оставит.

— Неужто в адъютанты его возьмете? Как Чапаев Петьку? А мне куда же?

— Да ведь ты с ребятами уже в деле. Даже и без шапки-чапаевки.

— Значит, согласны нашим командиром быть?

— Ну, это не нам решать.— Старый чапаевец щипнул

себя за ус и взглянул на Сеньку серьезно.— Одно скажу: мне к тачанке не привыкать. Верой и правдой служил Чапаеву во время гражданской войны, готов так же служить и теперь, в мирные дни, на трудовом фронте. Так что, Сенька, можешь передать в школе эти слова деда Анисима.

ТОВАРИЩИ АДЪЮТАНТЫ

Приняв командование тачанками, дедушка сказал Васе и Сеньке:

— Будьте моими адъютантами!

Вася не знал, что такое «адъютант». Сенька объяснил, что это самый нужный в отряде человек. Он всегда при командире, как Петька при Чапаеве. Отдаст командир приказание, адъютант обязан исполнить его, не страшась ничего.

— Значит, мы с тобой самые бесстрашные? — обрадовался Вася.

— Самый бесстрашный — командир! — ответил Сенька.— А мы первые после него.

— А кто первее? Ты или я?

— Оба одинаковые.— Сенька не захотел огорчать Васю, хотя себя считал поглавнее мальца.

Тут ребята услышали хрипловатый голос дедушки Анисима:

— Приготовить тачанки к выезду!

Адъютанты со всех ног бросились исполнять приказ.

Васе никогда еще не доводилось иметь дело с лошадью. Он не знал, с какой стороны подойти к Буланому. Сенька поглядывал на Васю с ухмылкой, чувствуя свое превосходство. Подняв хомут, он поднес его к голове Буланого. Конь раздул ноздри и презрительно фыркнул.

— Ишь, какая фыркалка! — заругался Сенька.— Хомут ему не нравится!

Сеньке никак не удавалось накинуть хомут на гривастую шею. Вася привстал на цыпочки, собираясь помочь ему, но Сенька отпихнул малыша локтем:

— Не вертись под ногами! Лошади этого не любят.

— Мне же дедушка разрешил запрягать. Не тебе одному.

— Научись сначала, а потом лезь! — пробурчал Сенька.

Вася обиженно хлопал глазами. Вот-вот слезы выступят.

Сенька сменил гнев на милость:

— Ладно. Так и быть, разрешаю запрягать. Только, чур, к лошади близко не подходи.

— А как же запрягать, если не близко?

— А вот так. Пока я с хомутом вожусь, ты мне седелку приготовь.

Вася схватил тяжелое седло и понес Сеньке.

— Вот бестолочь! — отчаивался Сенька.— Нам же не верхом ехать. Не седло нужно, а седелка с чересседельником... Да вон же, у твоих ног чересседельник валяется...

Но и тут Вася оконфузился — вместо чересседельника подал Сеньке лошадиный подбрюшник.

— Может, ты не знаешь даже, что такое походня с вытаской? — насмешливо спросил Сенька.

— Не знаю,— виновато заморгал Вася.

— В таком случае ступай вон к тому дяденьке, что под комбайном лежит, и спроси у него походню с вытаской.

— А у него есть?

— Нет, так у других попросишь. Без этого нам не обойтись. Главное — понастырнее будь!

Подбежал Вася к комбайнеру и громко сказал:

— Дайте походню с вытаской!

— Походню, да еще с вытаской? — чему-то засмеялся дяденька и вылез из-под комбайна с гаечным ключом

в руке.— Видишь, у меня ни походни, ни вытаски. Один ключ.

— У кого же попросить?

— У трактористов. Не дадут — ступай к кашеварке тете Капе. А за вытаской потом ко мне придешь. Так и быть, уважу твою просьбу.

Веселые парни-трактористы посылали Васю то к одному, то к другому. Но никто походни ему не дал. Вася бегал туда-сюда — и все попусту. Румянощекая тетя Капа не сразу поняла, о чем он ее просил. И лишь после того, как Вася назвал второй раз, вдруг вспомнила:

— Как же, как же! Точно с такой просьбой в прошлом году ко мне Сенька Морозов обращался. Наверное, это он тебя надоумил?

— Он. Говорит, без походни и вытаски нельзя лошадь запрягать.

— Походню-то ты уже получил,— ухмыльнулась тетя Капа.

— Да нет же, не получил!

— Трактористы гоняли тебя по полю?.. Вот видишь — гоняли. Ноги поди гудят от усталости... Ходил много, а проку никакого. Вот это и есть походня.

— Мне вытаска нужна,— пролепетал Вася.

— Очень нужна?

— Очень!

— Ну что ж, Сенька в прошлом году от меня хорошую вытаску получил. В таком разе вот и тебе моя вытаска!

И тетя Капа потянулась пальцами, испачканными мукой, к Васиному уху. Слегка потрепала его и сказала, оправдываясь:

— Чего просил, то и получил. Хорошо еще, что на меня нарвался. Другой бы тебе такую вытаску устроил! Целый бы день ухо горело. Запомни: никакой походни с вытаской нет и не было. Озорники трактористы для неумех такую шутку придумали... Не обижайся!

Смущенный Вася побрел обратно к тачанке. Знакомый комбайнер издали увидел его и крикнул:

— Чего ж за вытаской не приходишь?

Вася не стал ему отвечать, а Сеньке, который без него успел запрячь Буланого в тачанку, сказал с обидой:

— Издеваешься, да? Самому бы тебе так...

— И я прошлым летом за походней бегал. Урок на всю жизнь! А теперь вот и тебе досталось. В другой раз не будешь лошадиную сбрую с походней путать.

Подошел дедушка Анисим, потрогал хомут на лошади, хмыкнул в усы:

— Болтается. Супонь потуже затяни... Васю учишь, а сам... Непорядок! Если у тебя ботинки расшнурованы, далеко ли убежишь? То-то и оно! Запрягать надобно по всем правилам. На худой сбруе и выезд плохой!

И он стал обучать ребят запрягать Буланого. Потом показал, как править лошадью — без резкого дерганья, без окриков.

На место ездового дедушка сажал то Васю, то Сеньку, то других мальчишек. Берясь за вожжи, они по очереди надевали папаху-чапаевку. А дедушка ходил в стареньком картузе.

Лошади день за днем привыкали к маленьким ездовым, не брыкались, когда их запрягали, и в пути вели себя послушно. Стоило только слово сказать, переходили с шага на рысь, сворачивали куда нужно. И лишь Буланый не любил, когда ему хомут на шею натягивали. Но Вася всегда держал в кармане сахар. И обычно это помогало. За сахар Буланый покорно слушался Сеньку и Васю, выполнял любое их приказание.

Какое бы дело ни поручалось пионерским тачанкам, мальчишки принимали его как неотложное боевое задание. Да и дедушка Анисим вдруг почувствовал себя военным командиром, по-молодецки подтянулся, усы лихо закрутил, рубаху перепоясал широким офицерским ремнем — хоть сейчас в бой!

Когда понадобились дрова для школы, он повел отряд в лес, как в атаку, скомандовал зычным голосом:

— Вперед! Отобьем у противника горючее.

Стали ребята сгребать в копны скошенную траву на лугу, дедушка — вместе с ними. Работает и приказывает:

— Чапаята! Воздвигнем оборонительный рубеж из сена!

Председатель колхоза товарищ Морозов попросил отправить в поле тракторные детали. Дедушка распорядился по-военному:

— Доставить боеприпасы! По тачанкам!

Такая жизнь мальчишкам нравилась. Они чувствовали себя лихими чапаевцами и старались вовсю. Тачанки носились по степи быстрее ветра.

Накануне уборки хлеба дедушка Анисим поручил Васе и Сеньке проверить, все ли в порядке на дорогах, по которым автомашины повезут зерно нового урожая.

Когда адъютанты проезжали через речку Веселку, осмотрели со всех сторон мост. Он во многих местах прогнил. В тот же день по вызову дедушки Анисима сюда пришла бригада строителей и отладила мост. Васе было очень приятно, когда бригадир, как взрослым, пожал им с Сенькой руки.

И в километре от речки Веселки дорога оказалась не в порядке. Сплошные рытвины и ямы. Тачанку, как корабль в бурю, кидало то вверх, то вниз. На обочине Вася даже шлепнулся в лужу.

— Здесь машины на элеватор поедут,— сказал он, отряхиваясь.— Зерно во все стороны разлетится.

— Ну ты молодец, соображаешь,— похвалил его Сенька.— Надо дорожников предупредить.

— А зачем дорожники? Мы и сами можем. Лопат в бригаде сколько угодно.

— Дело говоришь,— снова согласился Сенька.— Позовем ребят. Одним не управиться.

И пять тачанок включились в работу. С берега Ве-

селки мальчишки привезли булыжник, песок. Вооружившись лопатами, засыпали все ямины на дороге. Потом по совету дедушки Анисима стали ставить дорожные знаки.

Перед оврагом, который вплотную подступал к дороге, поставили щит со словами: «Шофер, будь осторожен! Объезд вправо», а на взгорье, у реки, появился другой щит: «Впереди — крутой спуск. Водитель, смотри в оба!»

Дедушка Анисим удовлетворенно сказал:

— По-хозяйски поступаете, товарищи адъютанты!

ХОЛМИК В СТЕПИ

Утром от председателя колхоза товарища Морозова поступил приказ: срочно отвезти фанерные щиты и банки с краской в село Сормовка, где открывался новый клуб.

Фанеру дедушка сложил у Васиных ног, за козлами, а банки спрятал в деревянный ящик, привешенный к заднику тачанки.

— В Сормовку проложена окружная дорога,— объяснил дедушка,— но мы по ней не поедем. Повезем клубный груз прямиком через степь, чтобы путь сократить. За мной, чапаята!

Сенька плотно натянул ременные вожжи. Буланый, весело всхрапывая, помчался во весь опор, вынес тачанку на изволок, перемахнул через придорожную канаву и, не сбавляя бега, повернул в Сормовку. Село смутно виднелось вдали, на склоне широкого и круглого, как хлебный каравай, кургана.

Не проехали они и половины пути, как вдруг дедушка приказал Васе остановиться возле одинокого дуба в степи.

Вася осадил коня, огляделся.

Даль сияла призрачно, заволакивалась дымкой. И Ва-

ся подумал, что дедушка затем и остановил тачанку, чтобы полюбоваться степным привольем.

Но дедушка даже не глянул на степь. Слез с повозки, подошел к дубу, снял картуз с головы. Он долго стоял неподвижно и смотрел себе под ноги.

И тут только Вася заметил невысокий обелиск под деревом, в кустах. Из-под каменной серой плиты, заросшей травой, кровавыми крапинками выбивались цветы верблюжатника и серебристые былинки ковыля.

Ребята молча сгрудились вокруг дедушки Анисима. Он кивнул на обелиск и тихо сказал:

— Могилка дружка моего, чапаевца, ротного запевалы Андрея Желтова...

Дедушка помял в руке картуз, задумчиво огляделся вокруг и стал рассказывать.

Рассказ чапаевца Анисима Климова

Василий Иванович послал нас в боевой дозор. Мы с Андрейкой затаились тут, под деревом, а другие красноармейцы — вон в той канаве. Сейчас она сплошь заросла, а в ту пору была глубокая.

Андрейка устроился возле пулемета на тачанке.

«Я ведь сегодня именинник,— сказал он мне.— Эх, и гульнем же мы с тобой, Анисим, вечером! Все песни наши любимые перепоем!»

Вдруг видим — белоказаки впереди. Пыль по степи завихрилась. Андрей мне:

«Погоди стрелять, пусть подойдут ближе. А то на всех патронов не хватит...»

Смотрим, казаки уже совсем рядом. Слышно, как похрапывают кони, звякают копыта. Справа красноармейцы начали палить густо. Казаки шарахнулись от них в нашу сторону. Я за пулеметом. Андрейка ленту подает... Начали...

Много беляков покосили мы тогда. Заставили отсту-

пить казаков. Но трое как-то прорвались. А нам уже и отбиться нечем — кончились патроны. Андрейка схватил незаряженную винтовку, размахнулся да как двинет всадника по голове. Тот саблю выронил и с коня кувырком. Второй подоспел. Андрейка и его прикладом. А третий издали в нас гранатой...

Очнулся я — лежит мой Андрейка. Голова окровавлена...

Похоронили мы его здесь, под дубом, который тогда был таким же молодым, как и Андрейка. Моему другу в тот день исполнилось ровно семнадцать... Да-а-а, много холмиков понасыпала в этой степи война...

Голос у дедушки дрогнул, осекся. Он вынул из кармана кисет и принялся набивать трубку. Пальцы не слушались его. Мелкие крошки табака сыпались на сапоги.

Ребята сбегали в поле, принесли охапку степных колокольчиков, и бугорок под деревом стал лилово-синим.

Сенька взял с тачанки фанерный щит, нарисовал на нем красную звезду, а ниже старательно вывел:

«Здесь погиб и похоронен чапаевец Андрей Желтов. Слава герою!»

Дедушка Анисим установил щит рядом с обелиском. Мальчишки выстроились в линейку перед памятником и отдали салют. Вася занял место в начале строя, рядом с дедушкой, и тоже салютовал по-пионерски.

— За мной, чапаята! — скомандовал дедушка Анисим.

Все сели на тачанки и помчались в Сормовку, где должно было состояться торжественное открытие нового клуба.

ПИСЬМО В ПЛАНШЕТКЕ

Среди сормовских мальчишек, помогавших выгружать фанерные щитки и краску, Вася сразу же заметил своего старого знакомого и радостно позвал:

— Кукарекин! Садись рядом. Прокачу!

Тот тоже обрадовался:

— Вася Климов! Вот так встреча! Тачанка-то твоя, выходит, ожила. Что я тебе говорил?!

Он восхищенно таращил глаза на новые колеса.

Вася протянул ему руку и помог взобраться на тачанку.

— Вот это да! — восторгался Кукарекин, усаживаясь на козлах рядом с Васей.— Сижу с тобой, а кажется — вместе с Чапаевым!

— Подожди немного,— гордо взглянул на него Вася.— Может случиться, что ты и с самим Чапаевым на этой тачанке прокатишься.

— Скажешь тоже! Как же я с ним прокачусь, если он давным-давно в реке Урал утонул. В кино своими глазами видел. А ты что — не видел?

— Мало ли что артисты покажут! Не всему верь. И я прежде думал, что погиб Чапаев. Оказалось, однако, он и по сей день в Москве живет.

— Ха-ха! Вот сказанул так сказанул! Умора! — засмеялся Кукарекин, и голова его закачалась на тонкой шее из стороны в сторону.— Даже в календаре написано — погиб он в 1919 году, когда, раненный, реку переплывал.

— А я больше дедушке верю. Он в Чапаевской дивизии воевал и все знает. Дедушка рассказывал, как один наш пастух за селом Чапаева встретил. Уже после гражданской. Вот так-то!

— Наверное, кто-то нарядился под Чапаева, а пастух поди не разобрался, все село взбаламутил. Ха-ха!

— Если еще хоть разок хахакнешь,— не на шутку осерчал Вася,— из тачанки вытряхну! Было б тебе известно, Чапаев из Москвы нашим пионерам письма пишет, приказы разные присылает.

— А где эти приказы? Покажи!

— Вот у него попроси,— кивнул Вася в сторону Сень-

ки Морозова.— Он те приказы в планшетке носит, для музея бережет.

Сенька оттащил в клуб последний фанерный щит и, обтирая платком вспотевшее лицо, возвращался к тачанке. Офицерская планшетка висела у него на боку, и Сеньке приходилось то и дело придерживать ее рукой, чтобы она не мешала ходьбе.

Сенька важно сел на заднее сиденье, поправил планшетку на коленях и, вскинув вверх покрасневший нос, указал взглядом на Кукарекина:

— Кто такой? По какому такому праву здесь?

— Приятель мой,— ответил Вася.— Помогать приходил.

— Мы щиты таскаем, а они на козлах сидят. Тоже мне помощники!

— А я тоже вначале таскал,— робко сказал Кукарекин и уважительно глянул на Сенькину планшетку.— А это правда — вы с Чапаевым переписываетесь?

— Вася небось проболтался? Ну что ж, скрывать не стану — чапаевское письмо всегда при мне. Вот тут,— и Сенька с важностью пошлепал ладонью по слюдяному верху планшетки.

— Покажи!

— Ишь чего захотел! Чтобы ты письмо грязными лапами... Я и своим-то не всем показываю. Чего доброго, измазюкают. А письмо это — историческая ценность!

— Было б — показал... А так, видно, ничего нет...

— Ты меня не подначивай. Надо будет — покажу. Всему свое время.— Сенька встал, оттеснил Васю с другом на нижнее сиденье, а сам сел за ездового.— Ты, пацан, топай отсюда. Нам в путь пора. Некогда разглагольствовать.

Длинношеий Кукарекин неохотно спрыгнул на землю и, когда тачанка тронулась с места, показал Васе язык:

— Тоже мне — «с Чапаевым на тачанке покатаемся»! Дурачит он тебя. Нет у него никаких писем...

Тачанки возвратились на полевой стан поздно вечером. Сенька с Васей распрягли Буланого и вместе с другими ребятами заспешили к общему столу под навес, где повариха тетя Капа уже разливала по тарелкам уху.

От тарелок поднимался белесый пар. Он распространял вокруг до того вкусный, аппетитный запах, что все разом почувствовали, какие они голодные, и весело принялись работать ложками.

И только Васе было невесело. Он сидел за столом надув губы и косо смотрел на Сеньку, который в это время с великим наслаждением хлебал уху.

Васе было не до ухи. Он хмуро спросил Сеньку:

— Скажи честно, Дед Мороз, есть у тебя письмо Чапаева или нет?

— Конечно, есть! Стал бы я хвастаться просто так!

— А почему Кукарекину не показал? Он же просил тебя.

— Стану я всякому встречному-поперечному показывать!

— Тогда мне покажи.

— Я же тебе русским языком объяснил — осенью увидишь чапаевские письма в школьном музее под стеклом. Понял? Потерпи немного и своими глазами убедишься.

— Обманываешь ты меня. И дедушку обманул. И зачем только он тебя в адъютанты взял...

Вася вздохнул тяжело и, оставив уху нетронутой, побрел из-под навеса в полевой вагончик. Быстренько разделся и, недовольный, лег на нижнюю полку.

Вася слышал, как возвратились с ужина ребята и, тихо переговариваясь, стали стелить постели на нарах. Потом голоса смолкли.

Утомленные дневной работой, мальчишки заснули очень скоро, и только Сенька, расположившись над Васей на верхней полке, ворочался с боку на бок, сопел и что-то бормотал себе под нос. Видимо, ему хотелось по-

говорить с Васей, но он решил, что тот уже спит, и не стал беспокоить. Но вот сопение прекратилось, нары перестали скрипеть. Сенька, должно быть, тоже уснул.

А к Васе сон не приходил. Он лежал с открытыми глазами и думал о планшетке, которую Сенька каждую ночь кладет себе под подушку.

«А что, если проверить, есть ли там письмо...» Мысль эта не давала Васе покоя.

Он осторожно поднялся с постели и запустил руку под Сенькину подушку. Нащупал там планшетку и потянул ее вниз.

На маленьком столике возле окна лежал карманный фонарик. Вася включил свет и стал проверять, что лежит в планшетке. Там лежали цветные карандаши, тетрадка с картой, на которой был обозначен кружочками весь путь, пройденный пионерскими тачанками, и письмо в голубом конверте.

Первым делом Вася прочел обратный адрес. Адрес на конверте выведен фиолетовыми чернилами красиво и ясно. Сеньке при всем старании так не написать, да и фиолетовых чернил у него нет. Никаких сомнений — почерк принадлежит Чапаеву. На конверте видна черная круглая печать. На печати изображена звезда с серпом и молотом, внизу четко написано: «Москва». Не мог же Сенька сам себе из Москвы письмо послать! Он там никогда не был, и родных в столице у Сеньки нет.

«Выходит, не соврал Дед Мороз, — обрадованно подумал Вася. — А я-то ему не верил... Надо переписать адрес и дедушке показать. Теперь никто — ни дедушка, ни Кукарекин из Сормовки, ни другие ребята — не будет надо мной смеяться».

Он переписал на листочек московский адрес Чапаева и спрятал письмо в планшетку. Потом на цыпочках приблизился к Сенькиной постели, сунул планшетку под подушку и со спокойной душой лег спать.

Всю ночь Васе снился Чапаев на тачанке, а еще — белогвардейский офицер, тот самый, который однажды уже являлся к нему во сне и саданул Васе саблей по руке. Прошлый раз Вася растерялся, не смог дать отпор белогвардейцу. Зато теперь тот получил сполна. Вася ударил длинной очередью из пулемета. Офицер вздрогнул, закричал «караул!» и провалился в черную пропасть. А Вася вместе с Чапаевым помчался на тачанке дальше...

ТЕЛЕГРАММА САМОМУ СЕБЕ

Когда Вася проснулся, ребят в полевом вагончике уже не было.

Он распахнул дверь и увидел возле рокочущих комбайнов председателя колхоза. Товарищ Морозов вскинул над головой флажок и громко скомандовал:

— Поехали!

Это был приказ о начале наступления.

По золотым волнам ржи, следуя за комбайном Васиного отца, поплыли с рокотом другие степные корабли. Над каждым из них закружились, замельтешили крохотные обрезки соломы и белесые пушинки. Грузовые автомобили подъезжали к комбайнам, шоферы наполняли кузова янтарным зерном, укрывали его брезентом и сразу же отчаливали обратно.

На проселочных дорогах, по которым еще совсем недавно летали пионерские тачанки, теперь мчались машины. Они везли на элеватор первое зерно нового урожая. Позади машин длинным сизым хвостом тянулась пыль, поднимаясь чуть ли не до самого неба.

Выполняя дедушкино поручение, одна из тачанок носилась около крайних домов села, на том участке, где пшеничное поле подступало к колхозному саду. Пионерские дозорные организовали там настоящее гонение —

с трещотками и кнутами — на коз и поросят, которые все норовили залезть в пшеницу.

Другая тачанка стояла у дорожной обочины возле щита с надписью: «Пионерский пост охраны урожая». Там, на перекрестке двух дорог, ведущих в село и на элеватор, пионеры дежурили вместе с дедушкой Анисимом. В руках у одних желтели маленькие флажки. Другие размахивали молотками с длинными рукоятками.

Вот показался грузовик с зерном. Мальчишка выбежал на дорогу, поднял флажок. Грузовик остановился. Ребята с молотками подбежали к нему и стали осторожно, словно врач больного, выстукивать борта — нет ли где трещины, через которую может просочиться зерно. Дедушка Анисим тоже постучал молотком. Потом подошел к шоферу, о чем-то поговорил с ним, и машина поехала дальше. Раз отпустили так быстро, значит, кузов у грузовика в порядке, вполне «здоров».

Зато с шофером другой машины, остановленной пионерами на дороге, дедушка Анисим имел суровый разговор. Ребята заметили, что зерно в кузове ничем не укрыто. Надо было привезти брезент, и пионерская тачанка тут же помчалась в село.

Вася просился, чтобы его поставили в дозор у дороги. Но дедушка дал ему и Сеньке другое задание — следить, как идет работа в поле, не остаются ли после уборки колоски на земле или в копнах соломы, не нужна ли комбайнерам срочная помощь.

В конце каждого рабочего дня Вася отвозил председателю в правление сводку о ходе уборки, о передовиках и отстающих.

Пионерка Тома Бесхатнева отвечала за выпуск двух газет. Одна называлась «Молния», потому что с молниеносной быстротой давала разные срочные сообщения об уборочной. Вторая — «На крючок» — выходила с рисунками, где в смешном виде изображались бездельники и неумехи.

Самой Томе, конечно, было не управиться сразу с двумя газетами. Ей помогали Сенька и Вася, а еще бригадный учетчик с комсомольским значком на груди. Он-то лучше всех знал, кто как трудится и сколько хлеба скашивается. Три раза в день — утром, днем и вечером — Тома брала у него свежие сведения и перепечатывала на машинке. Получалась газета «Молния». Они с Васей вывешивали ее на стенке полевого вагончика, чтобы каждый мог прочесть, как идет уборка урожая.

В полдень пионеры-дозорные приезжали на полевой стан обедать. Дедушка Анисим всегда был с ними. Он внимательно читал «Молнию» и делал для себя какие-то выписки в тетрадь.

— Зачем это ты, дедушка, все пишешь и пишешь? — спросил Вася.— Тебе учительница велела?

— Я же не школьник,— улыбнулся дедушка.— Никто мне не велел. Я сам себе такую команду дал: написать Чапаеву, как наши люди в поле работают. Спасибо тебе, Васятка, за адрес чапаевский. Теперь есть кому письма писать.

— Когда еще это письмо дойдет! Ты, дедушка, лучше телеграмму ему пошли. Она как молния летит!

— Так-то оно так. Но ведь телеграммы посылаются в каких-то особых случаях. А у нас пока все нормально.

— Разве это нормально — одни хорошо работают, а другие кое-как?

— Ты, внучек, верно подметил. Не мешало бы отстающих до передовых подтянуть, потом Чапаеву написать. А что, если мы их телеграммами будем подтягивать? Пропесочим как следует, чтобы трудились — не ленились! Лихо придумал, а?

— У тебя голова, дедушка, как у нашей учительницы...

И стал дедушка Анисим с того дня диктовать телеграммы. Тома перепечатывала их на машинке и рассылала с Васей на тачанке.

Телеграммы были двух «сортов». Одни — приятные, другие — неприятные. На неприятных вверху печаталось крупными буквами: **«СРОЧНАЯ, ТРЕВОЖНАЯ».** Адресовалась такая телеграмма тем, кто хуже всех работал. Вася заметил: прочитает ее в поле тракторист, комбайнер, шофер либо еще кто, уши у него сразу сделаются красными, как петушиный гребешок. Ничего приятного от таких телеграмм не жди. Да и развозить их тоже мало радости.

Иное дело телеграмма с грифом: **«СРОЧНАЯ, ДВУХСТРОЧНАЯ».** Прежде чем вручить Васе такую телеграмму, Тома поднимала над полевым вагончиком флаг трудовой славы. Вася получал телеграмму и мчался с ней на тачанке к победителю, вручал двухстрочное поздравление, подписанное лично председателем колхоза товарищем Морозовым: «В вашу честь мы флаг подняли, чтобы всегда вы побеждали!»

Васин отец каждый день перевыполнял норму. И Вася отвез ему уже девять телеграмм. На борту его комбайна Сенька Дед Мороз нарисовал масляными красками девять победных звезд — за каждую телеграмму по звездочке! Вася гордился отцом и сам старался так выполнять свои задания, чтобы колхозники были довольны.

За эти жаркие дни Вася загорел и стал похож, как сказал отец, на настоящего солдата хлебного фронта.

— А вот эту телеграмму,— сказала однажды Васе Тома Бесхатнева,— товарищ Морозов просил срочно доставить в село. Улица и номер дома там указаны. Спеши!

Вася не стал рассматривать адрес. Прыгнул в тачанку и галопом погнал лошадь. И, лишь подъезжая к селу, раскрыл телеграмму, чтобы узнать, на какую же улицу сворачивать.

На телеграмме под словами **«СРОЧНАЯ, ДВУХСТРОЧНАЯ»** были указаны родная Васина улица и номер его родного дома.

«Не может быть! — не поверил своим глазам Вася.— Тома что-то напутала. С девчонками это случается...»

Но под адресом четкими буквами было напечатано: «Вручить Васе Климову — октябренку и его маме — лучшей колхозной доярке».

Вася удивленно воскликнул:

— Надо же! Выходит, я сам себе везу телеграмму. Чудо-юдо!

Он не удержался и прочел: «Благодарим мы Вас, ударницу доярку, за Васю Климова и за его тачанку!»

От смущения уши у Васи вдруг вспыхнули.

Оказывается, уши краснеют не только от неприятных телеграмм.

КРОШКА — ТОЖЕ ХЛЕБ

Сенька Дед Мороз привез на тачанке прямо из сельской пекарни в полевую бригаду пять караваев хлеба.

Караваи были пахучие и мягкие. Когда комбайнеры, а следом за ними и ребята брали их в руки, то чувствовали легкость и теплоту недавно испеченного хлеба.

Дедушка Анисим тоже взвесил каравай на ладонях и сказал:

— Хлеб наш насущный — белый да вкусный! Худ обед, когда хлеба нет.

Он каждому отрезал по большому ломтю, а тетя Капа налила из котла в тарелки мясного супа. Мальчишки хлебали деревянными ложками и чмокали от удовольствия.

Комбайнеры, пообедав, отправлялись к машинам, пионеры — перед уходом в дозор на дороги — отдыхали. Вася с Сенькой от нечего делать стали лепить человечков из хлебных остатков. У Сеньки человечек получился похожим на лопоухого Чебурашку, а у Васи он оказался совсем без ушей, зато с руками, сделанными из двух спичек.

Вася восхищенно разглядывал хлебного человечка и хвастался:

— Мой лучше. Видишь, как руки растопырил...

— Чучело огородное. Ни глаз, ни ушей. Одни палочки.

— А у твоего одни уши. Ему что, собака руки-ноги поотрывала? — засмеялся Вася и потянулся к недоеденному ломтю.— Я могу и лошадь слепить. А еще тачанку. Вот!

Но дедушка Анисим грозно стукнул ложкой по столу:

— Цыц! Ишь забаву нашли — добро на ерунду переводить. Беречь хлеб надобно. Он великим трудом добывается и всех нас кормит. А вы его на чучело...

— Мы же не хлеб. Мы же крошки...

— Крошка — тоже хлеб. А хлеб, было б вам известно, всему голова. Даже крошка хлеба не свалится с неба.— И, обернувшись к Сеньке, хмуро добавил: — Видел бы ты, как в голодный год каждую крошку...— Не договорил, вынул трубку из кармана, но курить не стал. Осуждающе взглянул на своих притихших адъютантов и, вздохнув, сказал: — Так было... Клянусь хлебом!

Рассказ чапаевца Анисима Климова

Представлю, как люди в голодный год жили,— и сердце колет... Вовек не забуду... Мы тогда в поволжских да уральских степях белогвардейское войско в пух и прах разгромили. Вышел приказ по армии: всем на трудовой фронт, на борьбу с голодом и разрухой! Вместо винтовок — лопаты. Одни чапаевцы на Каспий-море подались, на нефтяные промыслы. Другие — за Урал, железную дорогу строить. А нашей тачанке велено было в родные места возвращаться, хлеб сеять. Выдали каждому на дорогу по десяти воблин и по три ржаных суха-

рика. Воблу-то мы еще в пути съели, а сухарики прибе-регли для дома, для семьи. Знали, какой страшный голод в Поволжье...

Путь наш вблизи города Балаково проходил. Вспомнили, что там чапаевская семья живет, и свернули к ним в гости. Родителей Василия Ивановича — Ивана Степановича и Екатерину Семеновну — застали в тяжелом расстройстве. Они возле кровати печальные сидели. А в кровати дети больные — Саша, Аркаша и Клава.

«Что с ними?» — спросил я Ивана Степановича.

А он вместо ответа показал мне в горсти мякину, с опилками перемешанную. Оказалось, что мука в доме еще зимой кончилась и приходится из этой несъедобной смеси лепешки печь.

«Нам-то, взрослым, еще ничего,— сказал Иван Степанович.— А детский желудок опилок не переваривает. Им хотя бы крошечку хлебную...»

Мы удивились: как же так — дети героя, прославленного полководца, который за новую жизнь в бою погиб, без куска хлеба сидят, опилками питаются?! Не дело это!

«Сходили бы,— говорим,— в Совет, сказали бы, кто вы такие есть, вам бы непременно муки дали. Семьям погибших полагается...»

Иван Степанович на это ответил так:

«Не один наш Василий голову за Советскую власть сложил, много семей без кормильцев осталось. И каждой семье хлеб полагается. Да где его взять, хлеб-то, в голодный год? В Совете — ни крошки. У всех беда, и у нас беда. Не отделяем себя от всех прочих...»

Уходя, вынули мы из заплечных мешков солдатские сухарики, какие были, и на тарелку положили. Все до единого! Старик Чапаев отказываться стал. Мы настояли. И он сказал:

«Себе бы не взял. А дети... Мы с Семеновной на своем

веку пожили. А у них вся жизнь впереди. Хорошо, если сухарики ваши внучат на ноги поставят».

Тут он взял осторожненько один сухарик и на ладони взвесил.

«Хлеб-то легонький,— сказал,— а великую весомость имеет. Жизнь человеческая на нем держится...»

Позже стало мне известно — родители Василия Ивановича в голодный год умерли. Но внучат своих уберегли. Выжили они. Сухарики наши, думается, тут свою роль сыграли. Истинную правду чапаевский родитель сказал тогда: на хлебе человеческая жизнь держится.

Дедушкина трубка не дымилась, а он все сосал и сосал ее, забыв обо всем. Вася с Сенькой сидели с опущенными головами и не знали, как поступить им теперь с хлебными человечками. Оба чувствовали себя виноватыми.

— Нет нам прощения за это! — взволнованно сказал Сенька Дед Мороз.

А Вася выдернул спичечные руки у своего человечка и, разжевывая его, пролепетал смущенно:

— Честное-расчестное — не будем больше. Ни одной крошки!

— Нет позора хуже,— сказал дедушка,— чем потерять собранный хлеб: либо колос в поле, либо крошку за столом. Человек своим трудом дает хлебу жизнь, и хлеб каждому из нас прибавляет сил. Поэтому и считают люди, что есть на земле две самые священные клятвы. Одна — «Клянусь матерью!», другая — «Клянусь хлебом!». Кто забывает священную клятву, тот низкий человек и не достоин уважения.— Дедушка указал взглядом на хлебное поле и добавил с нежностью: — Видите, какой низкий поклон нам хлеб отдает. За работу благодарит. И надеется, что ни единому зернышку в колосе не дадим погибнуть. Не так ли?

— Так точно, дедушка Анисим! — ответил Сенька. — Клянусь хлебом!

И Вася тоже сказал:

— Клянусь хлебом!

ЗАРНИЦА-ОЗОРНИЦА

После дневной духоты вечером пришла прохлада. Мальчишки выпрягли взмыленных коней из тачанок, поскакали через степь в сторону речки Веселки.

Вася сидел впереди Сеньки и, припав грудью к конской шее, крепко держался за рыжую гриву. Они оба всю дорогу били пятками по лошадиным бокам и потому прискакали к водопою раньше других.

Поить Буланого Сенька доверил Васе, сам же потом стал купать коня. Такого малыша, как Васька, да к тому же не умеющего плавать, пускать на середину реки было опасно.

Обиженный Вася отошел подальше от водопоя. Разделся, положил белье возле дедушки Анисима, сидевшего на бугорке, полез в воду.

Вода была как парное молоко, ласковая и теплая. Вася набултыхался всласть. Но и этого показалось мало. Он зажал пальцами нос и уши и стал нырять. Окунулся раз, другой, третий. Мог бы окунуться и еще. Помешал сердитый дедушкин голос:

— Васятка, марш обратно! Накупался поди до чертенят в глазах.

Вася послушно вылез из воды. Вытер лицо рубахой и уселся рядом с дедушкой на не остывший еще песок.

С бугра они наблюдали, как мальчишки моют лошадиные спины, слушали задорное кваканье лягушек на противоположном берегу, следили за полетом стаи уток над речкой.

Небо наливалось густой синевой. Темные тучи закры-

вали горизонт. Время от времени там что-то сверкало. На какое-то мгновение Вася увидел в этом отблеске одинокий комбайн на дальнем краю поля. Там отец докашивал последнюю делянку ржи. Остальные комбайны — Васе сказал об этом дедушка — отправились помогать соседней бригаде, чтобы и там к завтрашнему дню уборка была закончена.

Мигающий блеск вдали радовал и пугал Васю. Радовал потому, что в этом сверкании все преображалось, становилось удивительно красочным и ярким. Словно великан-волшебник чиркал там, за горизонтом, огромной спичкой. А пугало то, что Вася никак не мог понять, откуда, каким образом рождаются вспышки и что означают они.

— Может, там пожар? — тревожился Вася.

— Скажешь тоже! — отвечал дедушка.— Это молнии сверкают. Обычное небесное явление. Зарницей-зарянкой зовется.

— Молний без грома не бывает. Сверкнет, а потом как трахнет!

— Гром-то, конечно, всегда при молнии. Но сегодня она слишком далеко от нас. Поэтому отблеск молнии видим, а грома не слышим. Это и есть зарница.

Небосвод трепетал, содрогался в заревных вспышках. Вася представил, как отец смотрит сейчас на чудо-сияние над своей головой. Наверное, изо всех сил спешит закончить косовицу. И тогда эти слепящие отблески будут как салют в честь него, победителя уборки. Вот только жаль, пушечных выстрелов не слышно.

И тут порыв ветра донес издалека глухой, раскатистый гул, похожий на эхо орудийного залпа.

— Ур-р-а! — завопил Вася.— Салют победы!.. А ты, дедушка, говорил — зарница без грома...

— Это не зарница, а какая-то озорница,— усмехнулся дедушка.— На небе стукнет — на земле слышно.

И вдруг они увидели, что там, в дальней дали, к небу

поднялось яркое-преяркое пламя. Оно озарило окрестность алым, беспокойным светом. Вася чуть в ладоши не захлопал от восторга — до того красиво блеснуло небо у горизонта. Но дедушка не одобрил его восторга.

— Не помню, чтобы зарница когда-либо так буйствовала.— Дедушка встревоженно схватил Васю за руку: — Да и не зарница это вовсе! Должно быть, солома горит. Вон какой огромный огненный язык в небо взметнулся! А там рожь не вся еще убрана. Погибнуть может!..

Дедушка вскочил, сдвинул ладони рупором и зычно крикнул ребятам:

— Отставить купание! Пожар! Все — по коням! На полевой стан!

Вместе с дедушкой Вася сбежал с бугра. Сенька уже сидел верхом на мокром Буланом. Он подал Васе руку и потянул к себе.

Они опять скакали вдвоем. Следом за мальчишками. И дедушка с ними на одной лошади с кем-то из пионеров.

Выбрасывая багровое пламя, посреди поля горел стог соломы. Его подожгла молния. От стога огонь переметнулся на сухую стерню, оставшуюся после косовицы. Там и тут замерцали в сумерках огоньки. Стоило подуть ветерку, и щетинки соломы вспыхивали, как порох.

Все пять пионерских тачанок, громыхая ведрами и бидонами, помчались к речке Веселке за водой. Остальные ребята встали рядом со взрослыми, чтобы тушить пожар. Они бросали в огонь песок и комья земли, стегали кнутами и палками по огневым змейкам, ползущим по стерне, гасили пламя брезентом, который Тома Бесхатнева стащила с крыши бригадного вагончика. У дедушки Анисима и у шоферов, подоспевших на помощь, в руках были лопаты. Они копали перед самым пламенем землю и засыпали сухую стерню, легко поддающуюся огню.

Возвратились с речки пионеры, быстро выгрузили из

тачанок ведра, бидоны и бочки, стали выплескивать воду в самое пекло пожара.

Огонь не желал сдаваться. Полыхающая лава, присмирев в одном месте, начинала со страшной силой бушевать в другом. Ведра воды, выплеснутые в разъяренный огненный шквал, лишь на некоторое время успокаивали пламя. Не помогли и огнетушители, из которых Васин отец ударил по пылающей соломе упругими, пенистыми струями. Тачанкам приходилось снова и снова подвозить воду с речки.

Пламя металось по стерне, пробивалось к нескошенному участку ржи, которая стояла совсем близко от огненного урагана. Пожар в любую минуту мог обрушиться на рожь, на комбайны, на людей. Жар обжигал лица и руки. Но никто не покинул поля сражения — ни взрослые, ни дети. Они бились за хлеб, как солдаты на войне.

— Надо,— услышал Вася голос отца,— задержать огонь на этом рубеже, не допустить до ржи. Медлить нельзя...

Отец взбежал по крутой лестнице в кабину комбайна, включил мотор. Комбайн круто развернулся и на самой большой скорости двинулся в сторону сплошного огня.

Вася глянул и испугался, закрыл лицо руками. Если комбайн еще чуть-чуть продвинется вперед, то окажется в пламени. Тогда отцу несдобровать.

Но в нескольких шагах от линии огня отец повернул свой комбайн и повел его вдоль пылающего острова. Потом заехал в тыл огню, так, чтобы ветер дул в спину. Жатка комбайна была опущена до предела, и длинные зубья — стальные ножи, работающие у самой земли,— подрезали, словно парикмахерской машинкой, ржаную стерню под корень.

На поле образовалась полоска, где подчистую была убрана солома и где не мог пройти огонь. Чтобы расширить этот спасительный участок и взять огонь в окружение, отец колесил на комбайне по полю, делая круг за

кругом. Пожар был сжат надежным кольцом, и пламя не могло перескочить через широкую чистую полосу, где ему не за что зацепиться.

Пожар постепенно выдохся, так и не успев доползти до нескошенной делянки ржи.

Ветер разносил по выжженному полю черные тучи пепла.

А где-то вдали, у горизонта, по-прежнему весело играли зарницы.

НА КАРТОШКУ ТАК НА КАРТОШКУ!

После того как рожь была убрана, председатель колхоза товарищ Морозов сказал деду Анисиму:

— Бросаю твоих чапаят на картошку. Как смотришь?

— На картошку так на картошку! Чапаята ко всему привычные.

— Выходит, согласие получено? Тогда поехали!

Председатель покатил на колхозной машине «Жигули», а мальчишки — на тачанках. Сенька Дед Мороз, усевшись на козлах впереди Васи и дедушки Анисима, взялся за вожжи и задорно крикнул отцу:

— Попробуй догони!

— Буланому да с «Жигулями» тягаться! — так же задорно ответил отец, выглянув из машины.— Не смеши честной народ.

— Давай на спор — кто кого?

— На что спорить-то?

— На тачанку!

— Как так на тачанку?

— Если ты нас обгонишь, мы у тебя ничего просить не будем. Но если в хвосте останешься — попросим еще одну тачанку. Тогда Вася будет ездить на дедушкиной, а я — на новенькой...

— Хитрый уговор. Но не мне ж в хвосте плестись! Так что согласен!

Сенька привстал на козлах, взмахнул кнутом. Буланый припустился во весь опор. Ускорили бег и остальные лошади.

Не прошло и пятнадцати минут, как ребята увидели на дороге близ картофельного поля знакомые «Жигули». Перед машиной на корточках сидел товарищ Морозов и чинил колесо.

Сенька первый заметил его. Громко гикнул, помахал рукой и помчался дальше.

— Считай, будет новая тачанка! Персональная! — Обернувшись к Васе, Сенька заносчиво повел носом.— Вот повезло!

— А мне и дедушкина нравится,— отвернулся от него Вася.

Товарищ Морозов прибыл на поле, когда тачанки, доверху нагруженные мешками с картошкой, уже двинулись в село, к картофелехранилищу.

Потом ребята еще несколько раз возвращались на поле за картошкой, пока не вывезли последние мешки.

Дедушка Анисим решил «по случаю победного завершения картофельной операции» — так выразился он — попотчевать своих юных друзей печеной, с пылу с жару, картошкой. Ездовые распрягли коней, оставив тачанки возле леса, а сами стали сгребать на поле в одну кучу ненужный мусор: картофельную ботву, хворост, солому и бурьян. Куча образовалась огромная, и костер получился на славу.

Высоко в небо, где одна за другой загорались крупные синеватые звезды, поднимался густой белый дым. Он щекотал ноздри, и Вася начал чихать. Потом вспыхнуло пламя. Вытягиваясь все выше и выше, оно разбрасывало по сторонам рассыпчатые искры. Они метались в темноте, словно огненные мошки.

— А помнишь, дедушка, какой салют зарница нам устроила! — сказал, начихавшись досыта, Вася.

— Нашел чего вспомнить! — хмыкнул в усы дедуш-

ка.— Опоздай мы тогда чуток — и эта зарница-озорница весь бы наш урожай сгубила. Что и говорить, вы, чапаята, славно тогда поработали... А тебе, Васятка, скажу так: зарница красна всполохами, а костер — искрами. Глянь, какие они веселые, искры-то...

Отблески света беспокойно бегали по дедушкиному лицу, окрашивая его в багряный цвет. Покрасневшие глаза слезились от дыма. Но дедушка не отворачивался от огня. То и дело шевелил палочкой раскаленные угли в костре, бросал в горячую золу картошку за картошкой.

Чем ярче разгорался костер, тем гуще темнело небо. Ночь, отступая дальше от пламени, делалась мрачнее, непрогляднее.

Но вот замерцал огонек на дороге, послышалось рокотание мотора. С каждой минутой свет приближался, а рокот становился громче. И вдруг огонек угас, смолк и мотор. Машина остановилась где-то совсем рядом. Но разглядеть ее в темноте было невозможно.

Вскоре на свет костра вышел плечистый человек. Да это же председатель колхоза товарищ Морозов! Ребята обрадовались. Утром они видели его в замасленной тужурке, а теперь он был одет по-праздничному. На хромовых сапогах лихо плясало отраженное пламя. Медали на груди играли золотом и серебром.

Товарищ Морозов выкатил из костра самую крупную и самую обгорелую картофелину и, перебрасывая ее с ладони на ладонь, весело сообщил:

— На весь район прогромыхали своими тачанками! Даже Москва услышала! — Он, обжигаясь, чистил картошку, и медали на гимнастерке весело подпрыгивали и позвякивали.— Чапаев только что в правление телеграмму прислал. Едет к нам... Районный парад тачанок решено провести в нашем колхозе. Так что будьте готовы!

Костер в поле заполыхал еще радостней. Потрескивая, он бросал в небо веселые искры.

— Мой папа во время войны в одной дивизии с Чапаевым служил! — с гордостью сказал Сенька Дед Мороз.

Дедушка Анисим недоуменно посмотрел сначала на Сеньку, затем на его отца — председателя колхоза товарища Морозова.

— Каким же образом, уважаемый товарищ Морозов,— спросил дедушка Анисим,— ты мог у Чапаева в дивизии служить, если рожден, как мне известно, через десять лет после гражданской войны? Али я чего не так понял?

— Все правильно поняли, Анисим Степанович. Служил.

— Выходит, ты Чапаева еще до Отечественной войны встретил?

— До Отечественной встречать не приходилось. Врать не буду. А во время битвы под Москвой, что правда, то правда, он мне самолично вот эту медаль «За боевые заслуги» вручил.— Товарищ Морозов притронулся пальцем к одной из наград на груди.— Вручил и наказ дал палить из пушки по врагу пуще прежнего. Я у Чапаева в артиллерии служил.

— Василий Иванович — и вдруг артиллерист! Ты что-то путаешь! Он же полководцем был!

— Это вы путаете, Анисим Степанович. А я сущую правду говорю. Под началом Чапаева я всю войну прошел — с первого до последнего дня. Только именовался он не Василием Ивановичем, а Александром Васильевичем...

— Саша Чапаев? — удивился дедушка Анисим и отчаянно ударил себя ладонью по лбу.— Вот голова садовая! Выходит, не Василий Иванович, а сынок его к нам едет. А я-то...— Старик долго не мог успокоиться.— Совсем из ума вылетело, что он генерал теперь. Надо же... Славные у Чапаева детишки! Младший сын Василия Ивановича — Аркашей его звали — летчиком стал, да с ним, как мне сказывали, несчастье случилось еще перед

войной — погиб он при выполнении важного задания. Ну, а старшего сына, Александра Васильевича, скоро сами увидим. Я-то его босоногим мальчонкой помню. Вот таким, как Вася мой. Тоже мечтал усы завести, как у отца... Меня поди и не признает. Сколько годов-то прошло! Я дедом стал, а он — генералом. Да, день долог, а век короток...

Он крутанул пальцами кончики усов. Они весело поднялись к щекам, и дедушка стал совсем-совсем как Чапаев.

«БЕЗ ДЕЛА НЕ ВЫНИМАЙ, БЕЗ СЛАВЫ НЕ ВКЛАДЫВАЙ!»

На небе сияло солнце. А на земле играли шустрые солнечные лучики. Они ослепительно сверкали в окнах домов, бегали по узорам конских сбруй, резвились на медных трубах духового оркестра.

Неподалеку от оркестра, впереди толпы, стоял человек в генеральской форме. Солнечным лучикам он особенно нравился. Они забирались к нему на погоны, прыгали по орденам и медалям на груди.

Вася Климов сидел на козлах тачанки рядом с Сенькой Дедом Морозом и во все глаза смотрел на генерала. «Раз, два, три, четыре...— считал Вася.— Вот это да! Десять орденов!»

Вчера, когда готовились к параду тачанок, председатель колхоза товарищ Морозов рассказывал ребятам о том, как воевал генерал. Александр Васильевич все время был на фронте — от начала до самого конца войны. Фашисты несколько раз ранили его, а он снова и снова возвращался на передовую. Однажды чуть было не замерз в лесу, а когда часть попала в окружение, повел солдат через минное поле. Гитлеровцы считали это место непроходимым, но минеры-разведчики расчистили дорогу и помогли воинам выбраться из вражеского

кольца. Шли сильные бои. Танки с черными крестами на боку лавиной двигались к Москве. Нужно было остановить их. Наши пушки палили день и ночь без передышки. Много танков фашистских побили. Но и советских артиллеристов погибло немало. Уцелела в том бою горстка бойцов. И тогда командир сам стал в упор бить по врагу из орудия. Танки повернули вспять...

Вася Климов смотрел на генерала, у которого вся грудь в орденах, и думал: «Неужели это тот самый Саша Чапаев, о котором рассказывал дедушка Анисим? Конечно, он! Дедушку он сразу узнал, когда приехал...» Теперь они стояли рядом. Дедушка разглаживал усы, что-то говорил Александру Васильевичу и кивал в сторону Васиной тачанки. Генерал слушал внимательно и посматривал на Васю. Взгляд у генерала веселый, губы улыбаются. Густые темные брови то сходятся к переносице, то разбегаются. Сухощавое, продолговатое лицо генерала кажется удивительно знакомым. Сколько раз он видел его на картинках в книжках! Только тот Чапаев был с усами.

Пионерские тачанки торжественным строем двигались мимо генерала Чапаева, мимо праздничной шеренги людей, мимо духового оркестра, который не уставал играть песню про тачанку-ростовчанку, про четыре колеса...

Ребята ехали по той самой дороге, по которой мчалась когда-то чапаевская конница. Да, вон там возле крайней избы стоял Василий Иванович на тачанке и подбадривал своих товарищей перед боем. Его речь слушал и Васин дедушка, слушали и другие чапаевцы. Поседевшие и принаряженные, стояли они и теперь у обочины дороги...

Зазвучал голос Александра Васильевича Чапаева:

— Юные друзья! К борьбе за нашу могучую Родину, за счастье трудового народа будьте готовы!

И звонкие голоса ответили ему:

— Всегда готовы!

Раздалась команда построиться в три ряда. Начались соревнования пионерских тачанок.

Прибывший неизвестно откуда круглолицый распорядитель подбежал к Васе Климову. Рассерженно схватил его за рукав:

— Марш с тачанки! Мал еще участвовать в гонках.

У Васи слезы на глазах. Он шмыгал носом и кричал:

— Не уйду! Это моя тачанка! Моя!

Генерал Чапаев сказал распорядителю:

— Оставьте его! Это чапаенок Вася Климов. Он будет соревноваться вместе с пионерами.

Тачанки застыли в готовности. Генерал отдал распоряжение:

— В селе Сормовка в сельском Совете лежит срочный пакет. Необходимо доставить его сюда на тачанке. Победит тот, кто сделает это быстрее других.

Распорядитель взмахнул полосатым флажком. Тачанки сорвались с места.

Сенька держался за вожжи, а Вася погонял Буланого хлыстом. Лошадь и сама понимала, что надо спешить. Она покусывала удила, тянула шею вперед.

Мальчишки на других тачанках старались не дать Буланому хода. Теснили с боков, преграждали путь.

Буланый вначале бежал третьим. Бок о бок с ним звякал подковами белый конь. Он был взмылен. Ему удалось обойти Васину тачанку.

Сенька нервничал, кричал на Буланого. А в это время ураганом пронеслась еще одна тачанка, за ней другая...

— Все! Нам крышка! — чуть не плакал Сенька.

— А помнишь, как мы с дедушкой до Сормовки добирались? — сказал Вася.— Прямо по полю...

— Что ж ты прежде молчал! Не обязательно дорогой ехать! Через степь прямее, и никто не толкается...

Сенька повернул Буланого влево. Там, у самой доро-

ги, глубокий ров. Тачанка заскрипела колесами, накренилась набок. Васю даже подкинуло на сиденье. Сенька вовремя успел ухватить Васю за шиворот, а то бы лежать ему в канаве!

И вот они уже на просторе. Впереди — никого. Ровная и голая, как стол, степь. Буланый припустился во всю прыть. Теперь тачанку не нагнать!

Вася обернулся. Остальные повозки далеко позади. Пионеры что-то кричат — не разберешь. Должно быть, хотят узнать, почему они свернули с дороги. Что ж, пусть соображают!

Две тачанки отделились от общей колонны и, перемахнув через придорожную канаву, неслись вдогонку. Не страшно! Слишком долго думали и топтались на месте. Теперь сколько ни гикай, ни стегай коней — вперед не вырваться.

Буланый все убыстрял бег. Пересекли степь. Впереди, за речкой, возвышался древний курган. На отлогом склоне — Сормовка...

Перед крыльцом сельского Совета Сенька остановил Буланого, спрыгнул с повозки, быстро взбежал по ступенькам.

В кабинете за дубовым столом рядом с председателем сельсовета он увидел своего отца. От неожиданности Сенька оторопел. Они перебирали какие-то бумажки. Отец одет был в ту же солдатскую гимнастерку с медалями, что и в прошлый раз, когда пионеры сидели с ним у костра в степи.

Запыхавшийся Сенька со всего разбега — к нему:

— Где пакет на имя генерала Чапаева? Давай скорее!

Отец отвел глаза от бумажек, бросил на сына строгий взгляд:

— Воспитанные люди не орут и, войдя в дом, ноги вытирают. Видишь — половик у порога... Приехал на тачанке, а порядка не знаешь.— И обратился к председа-

телю сельсовета: — Как думаешь, Михалыч, можно такому пакет доверить?

— Думаю, что нельзя,— сухо ответил тот.

— Как же это,— пролепетал Сенька,— зря, выходит, коня гнал? Вот-вот другие прискачут...

— Им и отдадим.

— А родного сына побоку?

— Правила игры для всех равны...

Вася стоял на крыльце и все слышал. Он быстро заправил рубаху в штаны, надвинул дедушкину папаху на лоб. Вбежал в кабинет, отдал честь:

— Здравия желаю, товарищ Морозов! Адъютант-чапаевец Василий Климов прибыл за секретным пакетом...

— Ну вот, это другое дело,— улыбнулся товарищ Морозов и покосился на сына: — Поучись у своего товарища!

Он выдвинул ящик стола и вынул что-то длинное и узкое, завернутое в бумагу и перевязанное шнурком.

— Получай, адъютант Климов! — протянул Васе сверток и шлепнул ладонью по столу.

Ребята спустились с крыльца. Уши, щеки и нос-редиска у Сеньки красные. На лбу капельки пота. Можно подумать, что он только что из бани.

Расстроенный Сенька отчаянно щелкнул кнутом, и Буланый тронулся с места карьером. Слышно было, как на соседней улице дребезжат тачанки, кричат, погоняя коней мальчишки. Они еще не знают, что в сельсовете больше нет секретного пакета...

Генерал Чапаев дождался, когда возвратились остальные тачанки и только потом назвал имена победителей. Солнечные трубы оркестра грянули радостный марш. Народ у дороги загомонил, захлопал в ладоши. На какой-то миг Вася увидел в толпе по-чапаевски подкрученные усы дедушки Анисима.

Генерал Александр Васильевич Чапаев со свертком

в руках подошел к тачанке, впереди которой по стойке «смирно» стояли Сенька и Вася.

— Подарок один, а победителей двое. Кому вручать?

И тут Сенька подался вперед:

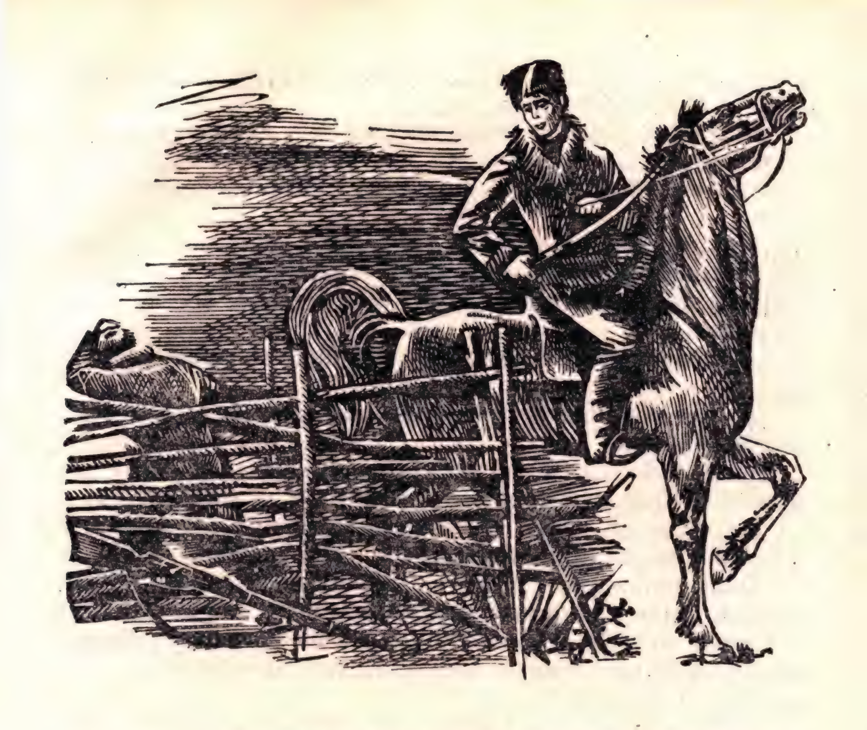
— Отдайте Васе, товарищ Чапаев. Это все он...

— Ну что ж, Васе так Васе! Мал, да удал! — согласился генерал.— Возьми, победитель, и разверни. Пусть все увидят почетную награду!

Вася развернул сверток и ахнул: сверкнула сабля!

Маленькая сабля была отлита из настоящей стали и вложена в настоящие ножны. Блеск металла слепил глаза, и Вася не заметил букв на сабле.

И тогда генерал по-отечески потрепал малыша за вихор и, взглянув на подарок, громко прочитал слова, которые были когда-то выбиты на чапаевской шашке, а теперь — на Васиной награде: «Без дела не вынимай, без славы не вкладывай!»

РОДОМ ИЗ НОВОГО ПЕТРОГРАДА

Давным-давно, когда я был еще совсем маленьким, мы всей семьей — папа, мама и я — переехали жить в село Новый Петроград, что в пятидесяти километрах от города Пугачева, к дедушке Косте и бабушке Кате.

Вот тогда-то дедушка и стал моим лучшим другом. Мы были неразлучны. Вместе и в речке купались, и в лес по ягоды ходили, и Буренку встречали у калитки вечером, когда стадо возвращалось с пастбища. Про нас

люди так и говорили: «Куда старенький, туда и маленький. Водой не разлить!»

Дедушка работал сапожником. Он и меня учил латать обувь. Ему приносили кто рваные сапоги, кто ботинки без каблуков, кто сандалии с оторванным ремешком.

Прежде чем приступить к починке, дедушка надевал брезентовый фартук, поудобнее усаживался на дубовый табурет перед верстаком, брал нож и шило, весело говорил мне:

— Возьмемся за дело, внучек! Будешь моим помощником.

Я вставал рядом и показывал, где надо заделать дырку в обуви.

— У тебя глазенки востренькие,— хвалил меня дедушка.— Мне, старенькому, одному бы не управиться.

Дедушкины глаза близоруко щурились. Морщинки-паутинки возле глаз оживали в доброй улыбке.

Он прилаживал к обуви кожаные заплаты, с помощью шила пропускал через них дратву и изо всех сил стягивал толстую смоляную нить. Она оставляла на ладонях глубокие темные следы. Потом дедушка никаким мылом не мог отмыть их.

Работая, дедушка никогда не давал мне скучать. Непременно что-нибудь рассказывал. Чаще всего про свою жизнь, про то, как воевал против белых, как встречался с Чапаевым.

В селе все любили моего дедушку. Знакомые называли его «Костя — красный партизан» или «красногвардеец Костя». Это потому, что первый чапаевский отряд, в котором он служил, именовался вначале партизанским, потом — красногвардейским. Позже отряд стал дивизией. Дедушка показывал мне свое удостоверение. Там написано: «Чапаевский красный партизан, красногвардеец».

— Точно такие красные книжечки,— сказал он

мне,— берегут в нашем селе и остальные мои ровесники. Все мы, внучек, добровольцами вступили в красное войско Чапая, чтобы завоевать для бедных новую, светлую долю.

Сказ первый

САМОВАР С МЕДАЛЯМИ

От старого времени сохранился у дедушки огромный-преогромный самовар. Таких я ни у кого не видел. Когда дедушка впервые поставил его на стол, я даже ахнул. Потом притронулся пальцем к самовару и взвизгнул от боли.

— Ты с ним поосторожнее. Только что вскипятил,— предупредил дедушка.— Самовар у меня не простой. Заслуженный!

Тут и я заметил медали на вздутом самоварном боку. Они разместились там ровным рядком, как у солдата на гимнастерке. А изображен на них был портрет царя — того самого, против которого когда-то воевал мой дедушка.

— Пусть царский портрет тебя не смущает,— сказал он мне.— Ведь самовар этот еще до революции делался. Ох, как худо жилось семье нашей в ту пору! Хуже некуда. Летом от зари до зари на помещика в поле работал, а зимой для помещичьей челяди сапоги шил и валенки валял. Сам же в лаптях ходил. Сапожник без сапог. Семья-то была немалая — семеро детишек по полатям. И все есть, пить просят. А где взять? В доме ни хлеба, ни картошки. Чай пили вприкуску. Сахар экономили. Отколешь чуток от куска и держишь за щекой, пока весь чай выпьешь. Самовара у нас не было. Воду в котелке кипятили. Разве это чай? Никакого вкуса. Очень хотелось свой самовар заиметь.

Кое-как скопил я деньжат и — на базар. Купил самовар. Тяжеленный — едва до дома донес.

Но недолго пили мы чай из самовара. Управляющий помещичьим имением рыжебородый Иван Павлович Тужилкин — сам-то помещик постоянно в городе Балаково жил и в село редко наведывался — вдруг к нам в дом нагрянул.

— За тобой,— говорит мне,— должок числится. Помнишь, весной я тебе полмешка зерна отсыпал? На дворе уже осень, а ты все еще не расплатился. Надобно вернуть должок-то!

А я управляющему:

— Хоть весь дом обшарь, зернышка не отыщешь. Детишки вон с голодухи пухнут...

— Коли зерна нет,— отвечает Тужилкин,— плати деньгами.

Я стал умолять:

— Подожди малость. Последние гроши на самовар истратил. Как только заработаю, отдам непременно.

Тот и слушать не захотел: отдай да и только!

— Ждать больше не желаю,— говорит.— Коли без денег и хлеба сидишь, расплачивайся самоваром. Сам гол как сокол, а самовар у тебя с медалями. Не по чину. Забираю!

Обхватил он самовар, меня отпихнул и прямиком — к выходу.

Расстроился я очень.

Так и жили мы без самовара. Всей семьей деньги копили, чтобы с Тужилкиным расплатиться. Наскребли кое-как.

С поклоном пришел я к управляющему:

— Вот тебе деньги за зерно,— говорю,— а самовар отдай!

Но он только рукой махнул:

— Не для тебя такая роскошь,— сказал.— Прежде пил из котелка. И дальше так пей. Ничего с тобой не случится. Не барин.

И не отдал самовара.

Лишь потом, в октябре семнадцатого года, я самовар назад забрал. Тужилкин-то от революции куда-то ноги унес. Сказывали, к белогвардейцам подался.

Вот, значит, тащу я самовар этот к дому и слышу — кто-то шагает позади. Оборачиваюсь и вижу: идут трое военных. В шинелях, с наганами на боку.

Двоих-то сразу признал. Давние приятели мои — односельчане, бывалые фронтовики Илья Васильевич Топорков и Плясунков Иван Михайлович.

А третий... Третьего я тоже узнал, хотя прежде мы и не встречались. Это был военный комиссар всего нашего уезда Василий Иванович Чапаев. О его приезде еще утром молва по селу разнеслась.

И вот вижу его перед собой. Усы лихо подкручены, барашковая папаха на затылок заломлена, черный бинокль на груди.

Стою я перед ним как истукан с самоваром в руках и не знаю, что сказать. Он стал допытываться, что да как?

— Забрал у барина то,— говорю,— что мне по праву принадлежало. Приглашаю вас, товарищ Чапаев, к себе чайку отведать.

Иван Плясунков тут же подхватывает:

— А что, Василий Иванович, мы с Ильей тоже не прочь чайку попить.

Взгляд у Чапаева, замечаю, синевой лучится.

— До чая,— говорит он мне,— и я большой охотник, да нельзя сейчас. На сходку мы спешим. Да и вам, Константин Иванович, советую — быстренько отнесите самовар к себе домой и айда с нами в Совет. Сообща, всем миром потолкуем, как нам дальше действовать, чтобы крестьянская судьба перестала быть горькой. Петроград вон по-новому жизнь налаживает. И селу отставать не велит.

Сказ второй

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ИМЯ

Я спросил дедушку:

— Почему наше село так называется — Новый Петроград?

Дедушка ответил:

— Да потому, внучек, что мы раньше всех окрестных селений власть Советов у себя утвердили. Тогда-то и дали селу революционное имя — Новый Петроград!

— А кто дал? Чапаев? Да?

— Конечно, и тут без Чапаева не обошлось. Любил он звонкие клички городам и селениям давать. Два своих первых полка, созданных в восемнадцатом году для борьбы с уральским белоказачеством, тоже по-революционному окрестил: назвал их именами Емельяна Пугачева и Степана Разина. Оба этих полка, было б тебе известно, состояли главным образом из наших, сельских добровольцев, благодаря которым и заслужило село новое название. А случилось это в тот самый день, когда я самовар домой принес и, не мешкая, на сходку отправился.

Прихожу в наш сельский Совет, а народу там — тьма-тьмущая. Не протиснешься.

Во главе длинного стола, накрытого красной материей, сидит председатель Совета бывший каторжанин Семен Кузьмич Рязанцев. Бледный, шея шарфом обмотана. Кашляет беспрестанно: на каторге заболел он туберкулезом.

Вокруг стола — беднота сельская. Кто самокруткой дымит. Кто с соседом переговаривается.

Как только в дверях появился Василий Иванович Чапаев, все разом оживились. В его сторону обернулись. Зашумели приветливо. Шапки поснимали, здороваясь. И он, направляясь к столу, каждому кивнул мимолетно.

Чапаеву освободили стул рядом с Рязанцевым. Чуть

в сторонке примостились Илья Топорков с неразлучным дружком своим Иваном Плясунковым.

Поднялся Семен Кузьмич из-за стола и, кашлянув в ладонь, произнес:

— Свергли мы, товарищи, буржуев. Хорошо. Совет местный образовали. Хорошо. Теперь давайте обсудим, как советскую жизнь налаживать. Для того к нам из Николаевска уездный военный комиссар пожаловал. Товарищ Чапаев. Какой он стойкий большевик, надеюсь, вы уже слышали. Это он, товарищ Чапаев, превратил бывший царский полк в Николаевске в революционный и сам стал им командовать. По распоряжению большевистского комитета руководил вооруженным захватом власти в Николаевске. А недавно из николаевских партизан-добровольцев сколотил лихой красногвардейский отряд...

Чапаев слушал, слушал. И лицо его мрачнело. Он хмурил брови и мял лежавшую перед ним черную папаху. Потом вдруг решительно отпихнул ее, дернул себя за ус и, вскочив со стула, воскликнул:

— Да что ж это такое, братцы! Николаевск да Николаевск! Слушать невмоготу! Царя-угнетателя Николаем звали. А тут еще и город Николаевск. Царя с престола мы скинули. А имя царево городу оставили. Негоже это! Вот возвращусь в уездный комитет, вопрос ребром поставлю — дать городу другое имя, революционное! Чтобы и духу царского не было! Да что там город! А селения, деревни наши? Какие у них названия? Срам один. Пузаниха и Клопиха, Брыковка и Подшибаловка, Солянка и Жестянка... Тьфу, перечислять противно. При новой власти и села должны называться по-новому! Чтобы душа радовалась. Как вы считаете, правильно я говорю, товарищи, али нет?

С разных мест донеслось:

— Да что там говорить, ваша правда!

— Менять имена надо...

Чапаев, довольный, ухмыльнулся в усы. Потом виновато глянул на Рязанцева:

— Прости, Семен Кузьмич! Перебил я тебя — не утерпел. Захотелось высказаться. Теперь продолжай. Только, чур, Николаевск больше не поминай. Повремени малость.

— Ладно, повременю,— согласно отозвался Семен Кузьмич и, достав газету из кармана, завел речь о тяжелом положении в стране.

Потом стали совещаться, как справедливей и вернее поделить помещичью землю между бедняками, чтобы никто в обиде не остался. Тревожились, как бы не случилось так: земля есть, а семян для посева нет, и поле обрабатывать нечем — ни лошади, ни плуга, ни сохи. В помещичьем хозяйстве всего навалом. Чужим трудом нажито.

Чапаев сказал, что немедленно надо передать буржуйское добро тем, у кого ни кола ни двора.

— И вот еще что,— добавил он.— Землю завоевали. А защищать ее чем? Без плуга не вспашешь, без ружья не защитишь. В буржуйских хозяйствах, слышал, много оружия спрятано. Разыскать и самим вооружиться!

— А мы уже разыскали, Василий Иванович! — бойко ответил Илья Топорков.— Разыскали и в руки крестьянам передали. Есть чем революцию защитить!

— Надо бы отряд Красной гвардии из добровольцев создать,— посоветовал Чапаев.

— У нас уже есть, Василий Иванович! Мы с Иваном Плясунковым командуем.

— И тут, выходит, в округе всех обскакали,— заулыбался Чапаев.— Не мешало бы новичков военному делу обучить. А то поди иные и стрелять-то не умеют.

Топорков опять доложил задорно:

— Каждое утро за селом — боевые учения, Василий Иванович!

Чапаев руками развел.

— Прямо беда с вами! — возмутился шутливо.— Я только подумаю, а вы — «у нас уже есть!» Сообразительные! Революцию так и надо двигать. Не с бухты-барахты, а с толком, с подготовкой, с дальним прицелом. Молодцы! По-петроградски действуете! А что? Петроград, можно сказать, главный центр революции, а вы — сельский. От Петрограда революция хлынула на всю Россию. От вас — по всему нашему уезду. Масштаб, конечно, разный. А направление единое — что там, что тут. Ленинское направление. Большевистское!

Сидевший в отдалении церковный звонарь дед Илларион стал ближе к столу пробираться. Встал рядом с Чапаевым и куцую бороденку вперед выставил. Спросил хитровато:

— Большевики — кто они такие?

Чапаев без промедления ответил:

— Это те, кому больше всех надо!

Дед Илларион хихикнул в ответ:

— Хи-хи. Чем же они в таком случае от буржуев отличаются? Тем тоже больше всех надо.

— Тем и отличаются,— ответил Чапаев,— что буржуй загребает все под себя, а большевики — трудовому народу отдают. На земле столько голодных и оборванных — считать не пересчитать! Вот большевики и воюют с богатыми, чтобы всех бедных рабочих и крестьян одеть, обуть и накормить вдосталь. Потому и надо нам, большевикам, больше всех! За это же, надобно сказать, в здешнем степном Заволжье когда-то и Емельян Пугачев бился...

Однако дед Илларион не отступил, снова начал пытать Чапаева:

— Вот вы-то лично за кого воюете? За рабочих или за крестьян?

Чапаев лукаво подмигнул сидящим в комнате:

— Он будто не знает, за кого я и мы все воюем. Хит-

рит. А я так скажу, за Советскую нашу власть воюем! Против тех, кто угнетает рабочих и крестьян. Правильно я говорю али нет? — и, услышав одобрительные голоса, удовлетворенно расправил ладонью усы.— У меня, Чапая, слово — олово, не ржавеет. Если что сказал, значит, так оно и есть!

Потом, после Чапаева, многие мужики с речами с мест поднимались. И когда каждый выговорился и пришла пора расходиться, Василий Иванович вдруг поднялся со стула и, вскинув ладонь, попросил задержаться.

— Славно мы с вами тут потолковали,— сказал.— Обо всем, кажись, договорились. А все же чего-то недостает. Чего же? А вот чего. Предлагаю принять вот какое постановление: за то, что вы первыми в округе алое знамя над Советом подняли, предлагаю дать селу революционное имя — Новый Петроград! Кто — за?

Мужики зашумели одобрительно.

Все проголосовали за.

С того дня стало село по-новому, по-советски называться.

А некоторое время спустя крестьяне услышали: Николаевск тоже сменил свое имя. Стал городом Пугачевом.

И все ж, не скрою, новопетроградцам приятно было сознавать, что они раньше пугачевцев революционное имя получили.

Сказ третий

СОЛДАТСКИЙ ЗАПЕВАЛА

Чашки на столе пусты. И самовар давно остыл. Его холодные бока слабо поблескивают в сумраке. Медалей уже не разглядеть.

— Ну, как, заинтересовал тебя мой сказ? — спрашивает дедушка.— То-то! Знать надо свою родословную. Допустим, подойдет к тебе, Вова, кто-нибудь и поинтересуется: «Чей ты? Откуда родом?» Что ответишь?

— Скажу: я — дедушкин и бабушкин,— храбро отвечаю я.— А еще папин и мамин!

— Так-то оно так,— кивает дедушка.— Да это не самое главное.

— А что самое главное?

— Самое главное, внучек, это то, что мы с тобой революционного рода-племени. Вот и надо отвечать: я, мол,— из Нового Петрограда! И люди сразу поймут, что ты за человек. Скажут: «Из чапаевского села парень. Значит, и сам чапаенок!» Всех, кто здесь живет, молодых и старых, издавна чапаевцами зовут. Я горжусь этим званием. И ты гордись. Просто так, за шалтай-болтай, громкие имена не даются. Ни городу, ни селу, ни улице. Такую честь заслужить надобно. Мы с тобой, внучек, на какой улице живем?

— На Топорковской.

— А в честь кого она так названа?

— В честь героя Топоркова.

— Запомнил, выходит. Молодчина! Имя улицы — народная память о славном герое. Бывает, не только улицу, но и самого человека еще при жизни по-новому переименовывают. Илью Васильевича Топоркова, например, с самого детства курским соловьем звали.

— Чего ж в том хорошего? Птичье имя...

— Не скажи. Ты, внучек, просто не знаешь, как он такую кличку заслужил. И вовсе она не обидная. Вот послушай...

Любил Топорков песни разные. Идет, бывало, по улице и напевает что-то. А то вдруг начнет насвистывать по-соловьиному. Заслушаешься. Песенный дар у него с детства.

— Ну и голосистый ты у меня, Илья,— говорил ему отец.— Неспроста батюшка Порфирий второй год тебя в церковный хор зазывает.

— Не хочу в церкви петь! — упрямился сын.— Хочу в школу!

И отвез отец сына за много верст от дома, в село Липовка. Там дальняя родственница жила. Учительница. Она-то и пригрела мальца. В школу определила.

Ей очень нравилось, как поет Илья. Однажды на уроке пения она назвала его курским соловьем. Вот и прилипла к нему с той поры эта кличка. Мальчишки то и дело приставали к нему: «Спой да спой нам еще что-нибудь, курский соловей!» И он охотно откликался. Пел все те песни, которые когда-то от бабушки услышал.

Пробыл Илья в Липовке два года, а дальше — возвратился в отчий дом и стал учиться в своей сельской школе.

Окончил он ее лучшим учеником. Директор самолично вручил Илюше Топоркову похвальный лист. А школьные приятели подарили ему балалайку.

Когда Илья пришел из школы с балалайкой, отец протянул ему толстую книгу и сказал растроганно:

— А это тебе от батюшки Порфирия. Видишь — Библия. Она тебе праведный путь укажет.

Отмахнулся Илья от подарка батюшки Порфирия.

— Нужна мне церковная книга! — сказал язвительно.— У меня есть своя библия. Получше поповской!

— Чего, чего? — не понял отец.— Какая такая еще библия?

Сын промолчал. А что ответишь? Ведь книга, о которой он намекнул, запретная.

Долго скрывал он ее ото всех. И теперь, если отец узнает, не помилует, за уши отдерет. Да и отца самого, чего доброго, за сына арестовать могут.

Попала книга к Илье случайно. Сгребал он как-то за селом сено. Вдруг видит — на дороге пылит телега. В ней усатый полицейский. Сворачивает он лошадь к крайней избе у околицы и останавливается. Илья бросает грабли и бегом к нему — узнать, какая нелегкая пригнала полицейского в село. Подбегает, а тот уже на ступеньках крыльца.

Собрался было Илья обратно повернуть. Но показалось, будто из окна в палисадник что-то бросили. Подошел поближе. И видит в кустах книгу.

Смекнул Илья: в избе-то кто живет? Приезжий рабочий Александр Орлов, высланный из Москвы за то, что большевик. Илья ранее видел его раза три. Лобастый парень, горбоносый и смуглолицый. Сказывали, дома он лишь изредка бывает. Все время в бегах, в людской круговерти, словно волчок. По-уличному его так и звали — Сашка-волчок.

Вспомнил Илья все это и сразу сообразил, почему Орлов свою книгу выкинул. Не захотел, видно, чтобы она на глаза полицейскому попалась.

Догадка оказалась верной. Полицейский действительно что-то искал в избе, все углы обшарил,— с улицы было видно. Даже на чердак забирался. Чуть с лестницы не плюхнулся.

Потом вывел Орлова из избы, толкнул в телегу и, не мешкая, погнал лошадей обратно в сторону города Николаевска.

А Илья тотчас же забрался в палисадник, поднял брошенную книгу и сунул за пазуху.

Целую неделю читал он ее на сеновале. Боялся, как бы не заметили родители. Хотя читать, писать они не умели, но мало ли что...

В книге многие слова были Илье непонятны. Но главный смысл он уяснил сразу же — книга против царя, в защиту угнетенных. Такую мог написать лишь смелый человек, бесстрашный революционер.

Илья аккуратно завернул книгу в тряпицу и запрятал глубоко-глубоко в темном углу сеновала.

Несколько дней не вынимал сверток. Ждал, когда Сашка-волчок вновь объявится в селе.

Но тот так и не возвратился из Николаевска. Слухи ходили, что его сослали на каторгу в Сибирь.

Орловскую книгу Илья берег долго. Прятал в подвале

и на чердаке, под кроватью и в амбаре, в других затаенных местах. Доставал, перечитывал заново.

Подоспел срок Илье идти в армию. Покидая село, он прихватил с собой из дома две дорогих ему вещи — звонкострунную балалайку и бунтарскую книгу, вынутую из тайника.

Служить Топоркова направили в волжский город Покровск. В военно-учебной команде, куда Илья был зачислен, очень скоро сошелся с однополчанами. Помогла балалайка. После ужина собрались солдаты покурить во дворе казармы. Некурящий Илья сел на скамейку и от нечего делать стал играть на балалайке и петь.

Мимо проходил долговязый штабс-капитан Доброхотов. Остановился. Прислушался. Потом ближе подошел и говорит:

— У тебя, Топорков, явный музыкальный талант и голос красивый. Будешь в строю запевалой.

С той поры, когда рота по городу маршировала или с учений к себе в казарму возвращалась, Илья неизменно запевал какую-нибудь боевую, строевую песню. Солдаты хором подхватывали.

Но однажды средь ночи штабс-капитан Доброхотов решил проверить, как солдаты-караульные службу несут. Приходит в казарму и слышит — за дверью хор поет.

Среди других голосов выделяется звонкий топорковский голос.

Мелодия песни показалась штабс-капитану знакомой. Где-то уже слышал ее. А где — Доброхотов вспомнить не мог.

Вдруг из комнаты отчетливо донеслось:

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил!

Доброхотова осенило: да это же рабочая песня! Ее пели революционеры, когда он, штабс-капитан, с конным

отрядом разгонял однажды на улице майскую демонстрацию!

Разъяренный Доброхотов влетел в комнату.

Песня разом смолкла.

Штабс-капитан кулаки сжал. Глаза злобой сверкнули. Гневно набросился на Топоркова:

— Кто дозволил... Как посмел... Да я тебя...

Солдаты-хористы перед Доброхотовым встали. Плечом к плечу. Загородили Топоркова от штабс-капитана, сказали сурово:

— Только троньте Илью Васильевича — несдобровать и вам!

Побледневший штабс-капитан к двери попятился. Только его и видели!

Конечно, после такого случая в солдатских душах тревога жила — а вдруг Доброхотов на Топоркова полковнику донесет? Тогда каюк ему. Арестуют.

Но вскоре до Покровска весть долетела: царь в Петрограде больше уже не царь — свергли!

Взбудоражились люди в полку, воспряли духом, смелее себя почувствовали.

Когда на вечерней поверке полковник потребовал от солдат, стоящих в строю, спеть «Боже, царя храни» — так прежде поступали каждодневно,— неожиданно раздался пронзительный свист.

Никто не захотел петь хвалу царю-батюшке.

Илья Топорков шагнул вперед, встал перед полковником и гневно бросил ему в лицо:

«Был царь, да поминай как звали! У революции иные песни...» — И во весь голос запел:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе...

Сказ четвертый

«ПУСТЬ И В ПАРИЖЕ УСЛЫШАТ...»

Когда дедушка закончил свой сказ про Илью Васильевича Топоркова, я не выдержал и похвастался:

— А мы в детском садике в первомайский праздник тоже пели «Смело, товарищи, в ногу...». Воспитательница запевала, а мы подпевали всем хором. Потом сами себе в ладоши хлопали.

— Так, глядишь, со временем и запевалой станешь,— весело глянул на меня дедушка.— Хорошо с песней! Песня сближает людей, ведет за собой.

— Песня не воспитательница,— возразил я.— Она не может вести.

— Не скажи, внучек,— ответил дедушка.— Настоящая песня и зовет, и ведет, и сплачивает идущих. У Ильи Топоркова с Чапаевым дружба, знаешь, с чего началась? С песни! Еще до Октябрьской революции подружились они, вскоре после того, как власть в стране перешла к Временному правительству.

В то время Илья Васильевич, как я тебе уже говорил, служил в Покровском военном гарнизоне. А неподалеку от него — стоило лишь перейти на другой берег Волги,— в Саратове, находился Чапаев. Он был тогда в звании фельдфебеля и командовал пехотной ротой.

А направлен он был в Саратовский гарнизон вовсе не командовать. Раненого героя русско-германской войны, получившего за свои подвиги четыре высших солдатских награды, привезли в Поволжье на лечение.

Однако лежать в госпитале он не захотел. Потребовал перевести его в солдатскую казарму.

Жизнь в казарме, надо сказать, бурлила тогда, что море во время шторма. Чапаев очутился в самом центре этой заварухи. И действовал он, надо сказать, по-боевому: под конвоем отправил в тюрьму командира царского

полка и освободил из-под стражи политических заключенных.

Кончилась власть белых офицеров. Командовать полком взялись сами солдаты.

Прибывали и прибывали с фронта воинские эшелоны. В казарме стало невыносимо тесно. Чапаевскую роту переселили в пустующее здание городского театра. Василий Иванович занял маленькую гримерную комнатку наверху. Остальные облюбовали широкий театральный балкон. Сколотили себе из досок нары и стали здесь ночевать.

Кресла и стулья из зрительного зала были убраны все до единого. Чапаев проводил здесь военные учения. Выходил, как заправский артист, на сцену и громко отдавал боевые команды. Солдаты маршировали вдоль стен и пыряли тряпичное чучело в центре зала.

Василия Ивановича, как заслуженного фронтовика, не раз просили выступить на солдатских митингах. И он никогда не отказывался. Выступал везде, где только можно. Разъяснял военную обстановку, агитировал за власть Советов. Послушать его приходили даже из других полков.

Однажды из соседнего Покровского гарнизона в гости пожаловал в полном составе военный хор во главе со своим дирижером Ильей Васильевичем Топорковым.

Попросили Чапаева проводить хористов в казарму.

— Зачем им казарма! — возразил Чапаев.— Поведу прямиком в свою роту. Лучшее место для хора — театр. А мы живем в театре!

Солдаты обрадовались приходу гостей. И, не мешкая, открыли в театре митинг. На сцену один за другим выбегали ораторы.

Когда речи на сцене затихли, зал оживился пуще прежнего, зашумел весело. Это чапаевская рота устроила театральное представление: кто пел, кто плясал, кто на гармошке играл.

И Чапаев заодно со всеми — и пел, и плясал, и на гармошке играл. Воскликнул задорно:

— Эх, после трудов всех и поплясать не грех!

Илья Топорков на пару с ним отплясывал.

Чапаеву по душе пришелся солдатский дирижер. А когда узнал, что они с Ильей Васильевичем к тому же земляки, так еще крепче зауважал.

— Земляк земляка видит издалека,— воскликнул и потянул Топоркова на сцену: — Запевай, Илья Васильевич, самую что ни на есть революционную! — сказал и обернулся к зрительному залу: — А вы, ребята, тише будьте. Песня внимательность любит.

И тут хор стал выстраиваться на сцене.

Чапаев отошел в сторонку. Усы поглаживал, выжидая, когда солдаты запоют.

Илья Васильевич встал перед хористами. Одернул гимнастерку и плечи расправил.

— Исполняем революционную песню «Варшавянка»,— объявил он и взмахнул руками.

Хор мощно начал:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Чапаев взволнованно запел вместе с хором.

Его поддержали солдаты в зале:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Два хора — один на сцене, другой в зале — слились воедино.

А когда песня кончилась, Чапаев не выдержал, подбежал к Топоркову и по-дружески обнял его:

— Вот это песня так песня! Дух захватывает. Молодец, Илья! Здорово! Право, молодец! Давай еще разок...

И хор запел «Варшавянку» снова.

Потом зазвучали другие революционные песни. Чапаеву они были известны и прежде. Он вновь и вновь жал руку Топоркову, говорил возбужденно:

— Так, так... Эх, ты!.. Ну и молодец! Спой-ка ее еще...

Но вот со сцены в зал выплеснулось:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!..

Чапаев молча, зачарованно внимал этой песне — никогда он ее прежде не слышал. Она до слез растрогала его. А когда Топорков сообщил, что «Марсельезу» — так называлась песня — поют на сходках французские революционеры, то попросил:

— Спой в третий раз! Во славу мировой революции! Да погромче! Пусть и в Париже услышат...

И вместе с хором подхватил припев:

Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, люд голодный!
Раздайся, крик мести народной!
Вперед!

После «Марсельезы» Чапаев произнес речь в поддержку французской песни, которая зовет к революционной солидарности трудящихся всех стран.

Зал устроил ему шумную овацию.

— Видишь, сколько чувств в людях всколыхнул! — сказал Чапаев, обернувшись в сторону Топоркова.— Выходит, песня твоя самой революции верная сестра!

Сказ пятый

БИНОКЛЬ В ПОДАРОК

Когда мне исполнилось семь лет и я стал совсем большим, дедушка повел меня первый раз в первый класс.

Я всю дорогу прыгал от радости: меня учиться ведут! Я теперь не детский сад! Я теперь школа!

Вернувшись домой после уроков, гордо заявил:

— Больше никогда, дедушка, я не буду ребенком.

— Раз такое дело,— сказал он,— детских игрушек тебе больше не дарю. Получай взрослый подарок!

И повесил мне на грудь огромный бинокль на ремешке.

Я вцепился в бинокль обеими руками, поднес к глазам и глянул в окно.

И тут случилось чудо. Улицу вдруг притянуло, будто магнитом, прямо ко мне на подоконник — до того близко, что можно различить отдельные песчинки на дороге.

Потом я глянул в бинокль с обратной стороны, и улица тотчас отодвинулась от меня.

— В твой бинокль, дедушка, земля то близко прибегает, то убегает далеко-далеко.

— Этот бинокль, внучек, принадлежал Чапаеву.

— Самому Чапаеву? Вот здорово! — обрадовался я.— Он тебе за храбрость его подарил? Да?

— Если бы...— дедушка, смутившись, пощипал усы.— Да что там греха таить, бинокль украден был у Чапаева.

Я посмотрел на дедушку изумленно.

— Ты что думаешь, я украл? Что ты! — отмахнулся дедушка.— Чапай мне все одно что отец родной. За ним я без оглядки в красное войско пошел.

— А кто ж тогда?

— Васятка, сынок мой.

— Дядя Вася? — я никак не мог представить родного дядю — лучшего в районе комбайнера — жуликом.— Такой большой,— недоумевал я.— И вдруг — жулик...

— Это сейчас он большой. А тогда, как и ты, под стол бегал.

— Я под стол не бегаю,— возразил я.— Я в школу бегаю.

— Ну-ну, не обижайся,— успокоил дедушка.— Ты и впрямь парень хоть куда — азбукой овладел. А Васятка в твои годы безграмотным был, несознательным. На чужой бинокль позарился. Теперь бинокль твой, и ты знать должен, как было дело...

А началось все, внучек, в тот день, когда Чапаев второй раз в Новый Петроград приехал.

Прямо с дороги он ко мне в дом нежданно-негаданно нагрянул. И не один. С ним товарищи его боевые — Топорков с Плясунковым.

Василий Иванович поздоровался за ручку со мной и женой моей, твоей бабушкой Екатериной Харлампиевной.

Потом малыша Васятку стал к потолку подбрасывать.

Тому радостно. Визжит от удовольствия как оглашенный и ногами дрыгает.

Чапаев поставил его на пол и обратился ко мне:

— Не забыли, Константин Иванович, как на чай звали? Вот мы и пришли к вашему самовару с медалями. Не выгоните?

— Да что вы! — замахал я руками.— Как можно! Такую честь оказали...

Гости стали раздеваться. Шинели на крюки за печкой повесили. Василий Иванович бинокль на скамейку положил и, как бабочку, папахой накрыл.

Все, что было у нас в доме съестного, мы с Харлампиевной на стол выложили. А Иван Михайлович Плясунков из полевой сумки достал сахару целых семь кусков.

Чай мы пили на этот раз по-барски, внакладку.

Чапаев три чашки выпил. Потом поднялся и сказал:

— Ну, пора и честь знать. Спасибо, Константин Ива-

нович, за хлеб-соль, за чай внакладку! Истосковался по самоварному чаю. Чаще приходится пить из походного котелка, с дымком.

Топорков с Плясунковым тоже поблагодарили за чай. И все трое одеваться стали.

Чапаев — шинель на плечи, папаху — на голову и первым — за дверь.

Я за ним следом.

У ворот Чапаева поджидали три всадника. Двое — совсем еще юные, бравые и рослые ребята, с саблями на боку. Третий — бородатый мужик на белой лошади, с биноклем на ремешке.

Я глянул на Чапаева. А он без бинокля.

— Подождите на коня садиться,— кричу ему.— Бинокль забыли.

— А ведь верно! — спохватился Чапаев.— Когда пришел, бинокль был при мне. А теперь нет. Куда задевался?

Возвратились мы в избу, стали искать.

На скамейке за печкой бинокля не было. Словно в воду канул.

Все углы в избе оглядели, под столом и даже под кроватью шарили. Нигде нет. Что за напасть такая?!

Заглянул я на печку. И вижу — в темной глубине там сынок мой, Васятка, скукожившись, сидит и бинокль к груди прижимает.

— Вот он! — докладываю Чапаеву.— Вор на печи!

— Выходит,— сказал Василий Иванович,— пока мы с вами, Константин Иванович, чаевничали, он под мою папаху заглянул...

— Надо же,— вздохнул я,— у красного командира бинокль украл...

— Разведчики, они такие,— ухмыльнулся Чапаев.— Что где не так лежит, враз приметят! Зоркий народ!

Потянул я Васятку за рубаху с печи.

— Слазь,— говорю,— немедленно. Не то...

А он тут как заревет — аж в ушах звон.

— Не отдам! — кричит.— Мой бинокль! Я в красные разведчики пойду! Без бинокля не примут. У-у-у!!!

Так и не слез с печи.

Чапаев пожалел его.

— Ладно,— говорит.— Разведчику без бинокля и вправду нельзя. Пусть тут и остается. Бинокль поможет вам, Константин Иванович, и сынку вашему, лучше разглядеть, где свои, а где чужие.

Ушел Чапаев. А бинокль у нас остался.

Сказ шестой
БЕДНЯКИ — ВСЕГДА ЗАОДНО

Дня не проходило, чтобы дедушка не вспомнил что-нибудь интересное о своих друзьях — чапаевцах из Нового Петрограда. Я слушал его и завидовал: вот бы и мне такую, как у дедушки, героическую жизнь и таких друзей — солдат революции!

— И в мирной жизни, скажу тебе, внучек, человек способен ох какие громкие дела совершить,— успокаивал меня дедушка.— Главное — не ленись и за дело общее борись, а не только сам за себя. Чапаев терпеть не мог тех, кто лишь о себе заботился. Он о других думал. Однажды и нам, новопетроградцам, урок преподнес...

Никогда мне не забыть тот декабрьский день на сельской площади. Народу собралось полным-полно. Каждый вперед норовил протиснуться.

Там, впереди, возвышался каменный постамент с ровной площадкой наверху — для памятника.

Когда-то, еще при самодержавии, постамент построили. Кулаки думали скульптуру царскую здесь поставить. Но не успели. Революция помешала. Народ сбросил царя с престола, и не нашлось больше желающих памятник ему сооружать. А постамент вот остался. Стал он шишкой на площади. Сбоку из кирпичиков ступеньки сложи-

ли. Взбирайся по ним на самую верхотуру и выступай сколько захочется.

Вот и теперь, заслышав, что на сельскую сходку пожаловал не только Василий Иванович Чапаев, но еще и мужицкие делегаты из деревень соседних, наша беднота сбежалась на площадь со всех улиц.

Первым на возвышение шагнул Илья Васильевич Топорков. Поправил кобуру на боку и звонким, чистым голосом возвестил:

— Прежде всего, товарищи-граждане, поприветствуем гостей наших, тех, кто со стороны к нам пожаловал,— и Топорков кивнул на стоявших перед ним внизу у пьедестала Чапаева и приезжих мужиков.— Вот они! Военный комиссар уездный, которого все вы хорошо знаете, и посланцы из ближних деревень — из Студенцов и Суховки. У них к нам какое-то дело...

Из толпы выкрикнули:

— Пущай Чапаев с приезжими мужиками на постамент взойдут! Поглядеть хотим!

Топорков позвал гостей к себе.

Один из них — бородатый мужик из Суховки — строгим взглядом окинул толпу и сказал:

— Кулаки у нас в селе верх взяли. Землю, отданную бедноте, заграбастали. Никакого житья от них не стало. Хоть в прорубь бросайся!

— Лучше не в прорубь,— весело отозвался Топорков,— а на борьбу с кулачьем бросайтесь!

— Рады бы, да не знаем, с чего начать...

— И у нас то же самое,— поддержал бородача бровастый парень в полушубке.— Я из Студенцов. Создали мы бедняцкий Совет. А кулаки его разгромили, председателя избили. Третий день председатель в синяках ходит... Вот и прислали меня земляки за помощью. Одна надежда — на вас, на красногвардейцев ваших!

Кто-то крикнул из толпы:

— На чужом горбу, выходит, захотели в новую жизнь

въехать? Самим надо за оружие браться! Всяк сам на себя хлеб добывает, сам себя от врага обороняет. А вы...

Чапаев послушал, о чем толкуют мужики вокруг, и встал между бородачом и бровастым парнем. Вскинул руку над головой, успокаивая толпу.

Когда на площади стало тихо, сказал с обидой в голосе:

— Не ожидал от вас слов таких — «чужие», «сами себя обороняйте». Какие же они чужие, ежели вместе с нами идут. Надо помочь! Революцию мы творили всенародно. И оборонять ее будем тоже сообща! Вот так-то! А вы им — «чужие»! В революцию вся беднота заодно — и рабочая и крестьянская!

И тут снова зашумела площадь. Но возгласы были уже не те, что прежде. Мужики высказывались одобрительно:

— Верно Чапаев говорит! Надо пособить. Бедняк бедняку — друг вечный.

— Что сами имеем, то и им поможем добыть!

— Пойдем всем отрядом! Пусть не только у нас, а во всех других деревнях торжествует Советская власть!

Топорков на всю площадь объявил:

— Что верно, то верно, товарищи-граждане, надо защищать бедноту, где бы она ни жила. Бедняк с бедняком всегда заодно. В волости у нас двадцать деревень. Не везде еще есть Советы. Кое-где кулаки в страхе держат нашего брата — бедняка. Вот и предлагаю создать у нас в Новом Петрограде штаб охраны революции. Случись где заваруха — мы туда на конях. Не дадим соседей в обиду!

Чапаев одобрительно воскликнул:

— Верное решение приняли, товарищи новопетроградцы! Молодцы! И Топорков у вас командир что надо! Мы с ним еще до Октября вместе «Марсельезу» пели. Голос у Топоркова, скажу я вам,— соловьям на зависть. Запевала, каких поискать. А с запевалы, как известно, любая песня и любое дело начинается. Вон вы его как всем хо-

ром поддержали! Верю, отныне не оставите соседей в обиде, пособите, когда надо будет.— Чапаев задумчиво насупил брови. Потом сказал твердо: — С местной контрреволюцией, спору нет, вы, товарищи, бились геройски. Только ведь борьба за Советы идет не в одной вашей волости. Она — по всей губернии, по всей России! Надо побить не только ближних врагов, но и тех, которые издалека к Волге рвутся. Есть нужда еще один красногвардейский отряд вам на селе создать. Потом из других сел добровольцы придут. Так, глядишь, и наберется целая дивизия. Коли сообща против белых пойдем — победу обретем, а врозь — хоть дело брось! Дивизией, правда, командовать мне еще не доводилось. Но, думается, справлюсь. Не боги горшки обжигают. Можете на меня положиться.

Помолчал немного. Усы пальцами потрогал. Потом вдруг решительно махнул рукой и сказал громко, на всю площадь:

— Поступим, пожалуй, так. Кто в будущую дивизию добровольцем желает — отходи вправо! Кто против, не хочет со мной в поход идти — отходи влево! А кто ни туда, ни сюда, воздерживается — висни, значит, в воздухе!.. Ну, орлы, направо, налево и вверх разлетайсь!

Оживилась толпа, загомонила с веселым одобрением. По всей площади началось движение.

Глянул Чапаев вправо — там мужики плотной стеной стоят.

Глянул влево — ни единой души. Безлюдно.

Глянул вверх — ясное небо, ни облачка.

Чапаев засмеялся удовлетворенно:

— Облаков нет, и виснуть не на чем. Спасибо вам, орлы! — И сразу же по-военному распорядился: — Добровольцы Красной гвардии! В три ряда стройсь! — Затем, сойдя с пьедестала, он встал во главе мужицкого строя и, обернувшись, крикнул: — Кто за нами, тот с нами! И

так будет всегда: вперед — сколько угодно, а назад — ни шагу!.. Следом за мной — шагом марш! Ать-два...

И зашагал дружно вперед, следуя за своим командиром, первый отряд будущей Чапаевской дивизии.

Сказ седьмой
БЕРЕЗОВСКИЙ ПЛЕННИК

Прежде чем начать новый сказ, дедушка обычно вынимал из кармана своих брюк медную цепочку с часами, похожими на луковицу, и шутливым тоном говорил:

— А ну-ка, глянем, сколько натикало на наших, чапаевских...

Как-то я спросил:

— Почему ты, дедушка, свои часы называешь чапаевскими?

— Василий Иванович самолично преподнес эти часы мне в Березове, когда мы белогвардейский мятеж подавили,— ответил дедушка.— Вот с той поры они и тикают без устали. На-ка, послушай.

Он прижал чапаевские часы к моему уху.

Я замер, слушая.

А дедушка начал свой новый сказ:

— Так уж случилось, о мятеже в селе Березове я прежде всех узнал.

Ни свет ни заря кто-то постучал в окно. Выбегаю на мороз и вижу — Петька Козлов, конторский писарь, прыгает у завалинки в своем рваном пальтишке. Никак согреться не может. Зуб на зуб не попадает.

— Что спозаранку по стеклу барабанишь? — говорю я Петьке.— Заходи в избу. Замерзнешь.

А он мне:

— Не до этого! Беда, дядя Костя! Я в Березово ездил и там Тужилкина встретил.

— Какая ж в том беда? — не понял я.— Самовар я ему все одно не отдам. Он мой по праву.

А Петька в ответ:

— При чем тут самовар?! Тужилкин белогвардейский отряд в село привел. Председателя избили и в подвале заперли. Орали на все село: «Покончим здесь с большевиками, пойдем Новый Петроград громить!»

— Надо Топоркова будить,— сказал я.— Дело не шутейное.

И мы вдвоем поспешили к Илье Васильевичу.

Наше сообщение встревожило его. Он велел Петьке бежать по дворам и звать в Совет членов штаба охраны революции.

Вскоре все они явились.

Топорков заявил:

— В Березово скачу. На месте выясню...

Семен Кузьмич Рязанцев покачал головой:

— Одному рискованно. Пошлем отряд с тобой.

От большого отряда Топорков отказался. Взял с собой десятерых надежных кавалеристов.

Мы с Петькой тоже попросились в отряд к Топоркову. И он согласился.

— Ладно,— говорит.— Беру с собой. Петьке, правда, по возрасту еще рановато. Но с вами, Константин Иванович... У вас к тому же бинокль. Для разведки вещь необходимая.

Потом Илья Васильевич так распорядился: до окраины Березова мы скачем вместе. Дальше он с бойцами направляется в Совет, а мы с Петькой, таясь, должны со стороны наблюдать, как события будут разворачиваться дальше. Если увидим, что Топорков в опасности, то немедленно скачем обратно в Новый Петроград за подмогой.

Когда наш конный отряд приблизился к Березову, Топорков взял у меня бинокль, оглядел местность.

— Сгоняют народ на площадь,— сказал.— Не ина-

че, готовится митинг. Двинем напрямую туда. Самое время.

Мы с Петькой подождали немного, как нам было велено, и, оставив своих коней на привязи у сарая, зашагали на митинг.

Там, на площади, Илья Васильевич Топорков и его товарищи вели жаркий спор с белыми офицерами. Наши настаивали, чтобы белые убирались вон из села. А офицеры до хрипоты кричали, что с Советами покончено и отныне они сами будут здесь хозяевами.

Толпа бурлила:

— Не хотим буржуйской власти!

— Долой офицеров!

— Хватит, покомандовали...

Появились солдаты с винтовками и стали грубо отпихивать мужиков все дальше и дальше от Топоркова и товарищей.

Между военными суетливо мельтешил, перебегая от одного к другому, какой-то пузатый субъект в шубе и шапке из лисьего меха. Шапка наползала ему на глаза, и лица не было видно. Толстяк грозно махал руками, орал на толпу. Потом подбежал к полковнику и что-то шепнул ему на ухо. Тот кивнул и, вскинув наган над головой, выстрелил в воздух.

Стоявшие рядом офицеры тоже вынули наганы, а солдаты набросились на наших товарищей.

Топорков и обернуться не успел, как кто-то замахнулся на него прикладом. Упал он, окровавленный, на снег.

Всех наших красногвардейцев тут же связали и вместе с Топорковым поволокли с площади. Субъект в лисьей шубе бежал следом и криками поторапливал солдат.

Мужики березовские бросились было на помощь пленникам. Но тут полковник заорал на них:

— Расходись! — и начал палить вверх.

Потом и офицеры открыли пальбу из наганов.

Петька потянул меня за рукав:

— Комиссар в опасности! Надо за подмогой спешить...

Обратно в село мы неслись быстрее ветра. Кони аж взмокли. Да и мы с Петькой долго отдышаться не могли, когда в сельский Совет вбежали.

Там нас поджидал Семен Кузьмич Рязанцев. Лицо у него было белее снега. Он беспрестанно хватался за горло и задыхался в натужном кашле. Старая болезнь, видать, снова возвратилась к нему.

Доложили мы все, как было.

Он тут же принял решение: отправиться в Березово на выручку с отрядом в шестьдесят человек, включая и нас с Петькой.

Я сказал Семену Кузьмичу, что этого мало. Белогвардейцев там втрое больше. Надо бы прихватить и Плясунковский красногвардейский эскадрон. Иначе неприятеля не одолеешь.

Но Рязанцев ответил с сожалением: Иван Плясунков только что отбыл с конниками в Кунью Сарму, где тоже нуждаются в нашей поддержке, и вряд ли он скоро вернется.

Добирались мы до Березова пешим ходом. Лишь больного Рязанцева усадили на коня. Он всю дорогу глухо кашлял.

Еще издали, на подступах к селу, разглядел я в бинокль, что площадь опустела. Но ближе к нам, возле самой больницы, было многолюдно.

Рязанцев послал Петьку Козлова в село — разведать, что там происходит и почему народ возле больницы топчется.

Петька из разведки возвратился очень скоро. Сообщил, что в больнице теперь офицерский штаб, а в подвале у них — тюрьма. Туда час назад доставили арестованных: избитого вчера председателя местного Совета и схваченных сегодня Топоркова с красногвардейцами.

Беляки чуть ли не под конвоем согнали к штабу жите-

лей, чтобы у них на глазах расстрелять пленников. Пусть, мол, крестьяне посмотрят на казнь и запомнят на всю жизнь — так будет с каждым, кто большевик или большевиков поддерживает!

Семен Кузьмич выслушал все это. Потом передал своего коня Петьке и приказал:

— Скачи галопом в Пугачев, в уездный ревком! Отыщешь там комиссара Чапаева и отдашь вот это,— и он вручил Петьке наскоро составленную записку на клочке бумаги.— Нам без подмоги нельзя.

Ускакал Петька, а мы в заснеженной степи стали готовиться к наступлению.

Неожиданно я разглядел в бинокль мужиков у сельской околицы. Они гуртом двигались в нашу сторону.

Что бы это означало?

Протянул бинокль Рязанцеву. Он посмотрел и тоже удивился:

— Зачем они к нам? Может, от белых убегают?

— Да нет,— говорю,— не похоже. Медленно идут.

И вдруг... Что это? Позади мужиков — только в бинокль и разглядеть можно — прячутся вооруженные белогвардейцы. Как это я сразу не сообразил?!

Офицеры и солдаты штыками толпу подгоняют. Под дулами винтовок и наганов мужики идут.

Белогвардейцы верно рассчитали: мы не станем стрелять по безоружным людям. Скрываясь за их спинами, белые надеялись вплотную приблизиться к красногвардейскому отряду и атаковать нас.

Так бы, наверное, оно и случилось, если бы не мужество и сообразительность людей, которых белые гнали впереди себя, как стадо.

Когда офицеры выгоняли жителей за село, те еще не ведали, куда идут. Думали — на расстрел.

А когда увидели впереди красногвардейский отряд — сразу все поняли.

И тогда один из мужиков во весь голос крикнул:

— Ложись!

И сам упал первым.

За ним и остальные рухнули в снег. И стал виден белогвардейский строй.

— Огонь! — скомандовал Рязанцев.

Защелкали выстрелы, затараторил пулемет.

Воспользовавшись паникой в офицерских рядах, крестьяне стали торопливо переползать к нам.

Мы ворвались в Березово.

Впереди, за железной оградой,— больница, ставшая офицерским штабом. Там, в подвале, томятся наши товарищи. Необходимо было во что бы то ни стало освободить их.

Но тут больничные ворота распахнулись, и нам навстречу, сверкая саблями, выскочили офицеры на конях.

Я вскинул винтовку и выстрелил. Передний всадник выронил саблю и вывалился из седла. Лошадь поволокла его за собой: нога застряла в стремени. Остальные же офицеры помчались прямо на нас, врезались на полном скаку в наши ряды.

Я побежал, чтобы подобрать в снегу белогвардейскую саблю, и вдруг вижу: лошадь с подстреленным офицером ко мне скачет. Недолго думая, я отцепляю убитого от стремени, вскакиваю на коня и галопом — к нашим.

И тут слышу выстрел. Совсем рядом. По мне стреляют?

Оглядываюсь — дуло винтовки из плетня торчит.

Поворачиваю коня. И вдруг — новый выстрел. Снова мимо!

«Ну,— думаю,— сейчас задам перцу!»

Подскакиваю к плетню и вижу — на снегу съежилось что-то рыжее. Шерсть вздыблена. Должно быть, со страху. Зверь?

Склоняюсь с коня и кончиком сабли пытаю, что за диковина?

И тут «зверь» как вскрикнет человеческим голосом и вприпрыжку от меня.

Гляжу — да это же вовсе и не зверь, а мой бывший управляющий Тужилкин Иван Павлович! Сразу-то и не признаешь. Ишь как вырядился — в лисьей шубе и лисьей шапке.

Побежал он от меня что есть духу. А я — за ним вдогонку.

Все ж таки настиг я его. А он раз — шубу накинул на голову лошади. Она на дыбы.

Тужилкин воспользовался нашей заминкой и шмыгнул в ближайшую калитку.

Хотел я было с коня соскочить да и сцапать этого двуногого зверя. Но тут, слышу, товарищи меня кличут — у них с белогвардейскими всадниками сражение идет, моя помощь требуется.

Не стал я догонять Тужилкина. Шубу его на плетень бросил. А сам поскакал туда, где бушевала главная схватка. Там стена белогвардейцев — и пеших, и конных — на односельчан моих навалилась.

Новопетроградцы бились бесстрашно.

А сил становилось все меньше и меньше...

И тут услышал я голос Рязанцева:

— Товарищи! Еще немножко поднатужьтесь. Одолеем мы их, проклятых...

Следом — другой голос, восторженный:

— Ура! Подмога спешит!..

Я обернулся. Вдоль села с гиканьем мчалась к нам конница.

Впереди — Чапаев. И наш Петька летит следом.

Клинки чапаевских кавалеристов обрушились на белых. Они — врассыпную. Да где там! Разве от чапаевской конницы скроешься!

Стали беляки в плен сдаваться.

Возле офицерского штаба Чапаев спрыгнул с коня, спросил нетерпеливо:

— Где Топорков? Кто знает?

Петька Козлов тут как тут:

— Я знаю, товарищ Чапаев!

— Веди! — приказал Чапаев и зашагал за Петькой. Мы с Рязанцевым — за ними.

Петька вел нас сначала по больничному коридору. Потом спустились по каменным ступенькам. Остановились перед железной дверью с надписью «Морг».

На двери тяжелый замок. Я трижды ударил по нему прикладом, и дужка отскочила. Дверь открылась со скрипом. На нас дохнуло холодной, затхлой сыростью с примесью тяжелого сладковатого запаха.

Во мраке было трудно что-либо разглядеть. Я чиркнул спичкой, и мы увидели перед собой страшную картину.

На земляном полу рядом со смертельно исхлестанным нагайками председателем Березовского Совета лежали наши односельчане. Они едва могли двигаться.

Топоркова можно было узнать с трудом. Лицо изувечено, над опаленной бровью густо запеклась кровь. Шинель вся изодрана.

От пленных мы узнали, что полковник вместе с Тужилкиным жестоко пытали Илью Васильевича, горящей свечой обжигали ему лицо. Топорков держался стойко, о пощаде не просил. Просил о другом — не истязать пленных товарищей.

Вышли во двор. Там отдыхали после боя чапаевцы. Молодой чубастый кавалерист в окружении красногвардейцев что-то весело рассказывал, потрясая лисьей шубой.

Шубу эту я сразу признал и сказал Чапаеву:

— Да тут, по-моему, ваши кавалеристы делят одежку Тужилкина.

— Это того, кто у вас, Константин Иванович, самовар с медалями отобрал? — вспомнил Чапаев.

— Его самого! — подтвердил я.

— А ну-ка, глянем, что за шуба.

— Лисья,— объяснил я.— Тужилкин бросил ее, когда от меня удирал.

Чапаев засмеялся:

— Выходит, обхитрил он вас, Константин Иванович? Скрылся? А жаль. Коли убежал, может против нас снова пойти. Нельзя было упускать его.

Кавалерист тем временем набросил шубу на свои широченные плечи и, подбоченясь, насмешливо воскликнул:

— Чем не ухарь-купец?

Чапаев подошел поближе к весельчаку и приказал строго:

— Отдай шубу вон ему,— он кивнул в мою сторону.— Это его трофей.

Я шубу не взял. Сказал Чапаеву:

— Пусть Топорков ее носит. Она ему нужнее. Шинель на нем вся истерзанная и сам едва живой.

Чапаев согласился:

— Верно рассудили, Константин Иванович!

Чапаев забрал у кавалериста лисью шубу и накинул на плечи Топоркова.

— Носи! — сказал.— А то, чего доброго, простудишься. С кем мне тогда песни петь?

И тут Василий Иванович снова глянул в мою сторону:

— А вам, Константин Иванович, за то, что вы без сожаления уступили шубу своему товарищу и в нынешнем бою отменно орудовали саблей, дарю вот это.

Василий Иванович вынул из кармана часы на цепочке и преподнес мне.

Вечером Чапаев с эскадроном поскакал обратно в Пугачев. А мы под водительством Семена Кузьмича Рязанцева вместе с освобожденными березовскими пленниками двинулись в Новый Петроград.

В полночь были уже дома.

Илья Васильевич Топорков, возвратясь к себе домой, три дня ходил в лисьей шубе.

Как только чуток поправился, сразу же пошел в сельский Совет. Бросил шубу на кумачовый стол и сказал председателю Семену Кузьмичу:

— У тебя страшная болезнь, туберкулез. Тепла тебе больше моего надобно. Барская шуба согревает все одно, что горячая печь. Так что прими ее и носи на здоровье!

Шубу Семен Кузьмич принял. Но поступил с ней по-своему. Уговорил жену сшить из лисьей шубы меховые шапки-ушанки для бедняцких детишек.

Из лисьего меха было сшито пятнадцать шапок.

Одна досталась моему сынишке — Васятке.

Он пять зим ходил в ней, пока голова его не стала больше, чем размер лисьей шапки.

Сказ восьмой

КРАСНЫЕ СОКОЛЯТА

Под нижней полкой с обувью дедушка Костя хранил небольшой сундучок, обитый железом. Однажды он достал из него пожелтевшую бумажку и протянул мне:

— На-ка, прочти, внучек, — сказал. — Это приказ нашего уездного ревкома. Еще в восемнадцатом году чапаенок Петька Козлов (никто, кроме него, в селе не умел на машинке печатать!) подарил мне этот документ, перепечатанный им собственноручно. Подарил, значит, для того, чтобы я всегда вспоминал красных соколят, с которыми мы в Липовке познакомились. Нас с Петькой штаб охраны революции направил тогда в чапаевский отряд бороться с липовскими контрреволюционерами.

Я взял бумагу и, с большим трудом разбирая поблекшие буквы, стал медленно, по слогам читать:

— «Ввиду возникшего в Липовском районе контрреволюционного восстания, закончившегося убийством не-

которых руководителей местных Советов, революционный комитет сообщает, что с 1-го сего марта, впредь до особого распоряжения, Липовский район объявлен на военном положении. Для подавления контрреволюционного восстания мобилизуется вся Красная гвардия Липовского района. Вся власть в этом районе принадлежит военному комиссару Чапаеву, командированному Советом для подавления восстания. Все вооруженные силы этого района подчиняются его распоряжениям. Местные общественные и правительственные организации тоже обязаны беспрекословно подчиняться распоряжениям военного комиссара Чапаева. Не подчиняющихся его требованиям, сопротивляющихся Советской власти немедленно арестовывать и под усиленным конвоем отправлять в Пугачев».

— Грозный приказ, не правда ли? — спросил дедушка, когда я, взмокнув от напряжения, кое-как закончил чтение. — Мы с Петькой, конечно, гордились, что и нас позвали на такое важное боевое дело.

В Липовке, как и в Березове, чапаевцы очень быстро утихомирили мятежников. Крестьяне не знали, как и благодарить нас, своих спасителей.

Казалось, революционный порядок мы установили и можно отменять военное положение в районе.

В штабе был уже и приказ такой заготовлен. Петьке Козлову поручили на машинке тот приказ отпечатать.

И вдруг где-то неподалеку от штаба взрыв ухнул, пулемет застрочил. В чем дело?

Выбежали мы вслед за Чапаевым на крыльцо, а нам навстречу — местная учительница.

— В школе, на чердаке, — сообщила она встревоженно, — с пулеметом кто-то засел. Кинул гранату. Потом строчить начал...

Учительница повела нас к школе задворками.

Пришли. Петька увидел лестницу на земле. Мы ее подняли и приставили к чердаку. Осторожно взобрались

наверх. Глядь, а там — ни души. Пулемет перевернут, отстрелянная патронная лента валяется.

— Наверное, он в школе, — воскликнула учительница. — А там детишки перепуганные...

И она бросилась к школьному крыльцу.

Мы с Чапаевым — за ней.

Открываем дверь в класс и кого видим? Рыжего Тужилкина Ивана Павловича!

Лежит он на полу в офицерской шинели и со связанными руками. На него грозно наседает веснушчатый пацан с ученической линейкой. Машет ею, словно саблей, и кричит:

— Только у меня пикни!

Но тому и пикнуть нет мочи: рот заткнут тряпкой, которой мел с доски стирают. Мычит что-то невразумительное и ногами дергает. Они у него тоже спутаны веревкой.

— Это и есть наш управляющий Тужилкин, — сказал я Чапаеву. — Но уже без лисьей шубы.

— Сколько лиса ни блудила, — ухмыльнулся Чапаев,— а в наши руки угодила.

Рядом, насупившись, стояли ребятишки. Кто палку в руках держал, кто полено, а кто и табурет. Бородатый школьный сторож охотничью двустволку на Тужилкина наставил.

— Крепко скрутили бандита! — похвалил Чапаев.

Сторож на это ответил:

— Сообща, всем классом крутили. Храбрый народ — мальчишки! На чердак, словно чертенята, ворвались с диким визгом. Бандит не ожидал. А тут еще и я на него с ружьем. Он и руки вверх. Сдернули мы его с чердака и стали вас ждать. В таком вот виде.

Чапаев глянул на школьников, улыбнулся.

— Спасибо, соколята, за доброе дело, за отвагу! — сказал.

Потом учительнице:

— Отличных соколят воспитали!

Учительница ответила:

— Когда-то у меня и Илюша Топорков учился...

— Да?! То-то Илья Васильевич такой командир отменный! — похвалил Чапаев.

Связанный Тужилкин вновь зашевелился, промычал сквозь тряпку.

Василий Иванович нагнулся, выдернул кляп у него изо рта. Сурово спросил:

— Как в Липовку попал?

Тот не ответил. Отвернулся от Чапаева.

Школьный сторож сказал за него:

— Вчера из Березова в Липовку на тачанке примчался. С офицерами. Пытался склонить мужиков к новому бунту. Да ничего не вышло.

Чапаев презрительно хмыкнул в усы и сказал:

— Ничего, теперь расплатится за все.

В тот же день под усиленным конвоем отправили Тужилкина в уездный ревком.

А вечером Чапаев попросил Петьку Козлова приклеить на двери штаба бумажку, подписанную самолично Василием Ивановичем. На бумажке четкими черными буквами было напечатано, что с контрреволюцией в селе раз и навсегда покончено, военное положение в Липовском районе отменяется.

Сказ девятый

ЛИХОГО СОЛДАТА И СМЕРТЬ БОИТСЯ

Наступила весна. Шумливые грачи возвратились с юга, стали вить гнезда в лесу, на другом берегу Большого Иргиза.

И вдруг ранним утром басовитый гудок ворвался в грачиные переговоры, вспугнул птиц.

— Пароход! — радостно закричал я и потянул дедушку за рукав. — Побежим смотреть!

Пароход «Чапаев» на нашей мелководной речке, бегущей к Волге, появлялся лишь в пору большой воды. Его после ледохода ожидали с нетерпением. Особенно мы, мальчишки. Как только загудит, все бегом к реке.

На этот раз я побежал с дедушкой. Мы заняли место на берегу возле дощатых сходней.

— Кто желает прокатиться до Пугачева, — объявил с палубы матрос, — покупайте билеты!

— А не поехать ли и нам с тобой, внучек? — спросил дедушка и, услышав мой ликующий крик, махнул рукой: — Была не была! Беру билеты. А ты, Вова, быстренько мчись домой, попроси бабу Катю приготовить узелок с едой нам на дорогу. Да не забудь бинокль прихватить!

Никогда я не бегал так стремительно, как в то утро.

Возвращаюсь с узелком и биноклем, а дедушка уже ждет меня с билетами.

Вот это было путешествие! Если бы не дедушка, я бы ни на секунду не оторвался от бинокля. Так бы смотрел и смотрел. Столько красоты вокруг: цветут сады, зеленеют до самого горизонта колхозные поля, коровы пасутся на лужайке, и солнце ярко сияет, аж в глазах рябит!

Но как только наш «Чапаев» приближался к какому-нибудь селению, дедушка забирал у меня бинокль и сам наводил его на берег.

Это были те самые села, которые в революцию чапаевцы от белых освобождали. Дедушке очень хотелось посмотреть, какие они стали теперь.

И вот наш «Чапаев» причалил к пристани города Пугачева.

Мы сошли на берег, и дедушка первым делом повел меня к небольшому дому у реки. Оказалось, что в доме этом жила когда-то семья Василия Ивановича.

Теперь здесь музей. Под стеклом на стенах и столах много разных фотокарточек.

На одной большой фотографии, где засняты чапаев-

цы из Нового Петрограда перед отправкой на фронт, я сразу узнал дедушку Костю и даже запрыгал от радости.

Потом мы бродили по городу, и, когда вышли на широкую площадь, дедушка вдруг взял меня на руки, усадил себе на плечо и сказал:

— Запомни, внучек, это место. Мы с чапаенком Петькой Козловым и другими односельчанами — ты их видел сегодня на снимке в музее — находились тогда, весной восемнадцатого, вот тут, где стоим сейчас с тобой. Отсюда повел нас Чапаев в первый поход на Уральск...

Как сейчас помню — в полдень примчался из Пугачева в Новый Петроград гонец с недоброй вестью: в соседней Уральской области взбунтовались богатые казаки, разгромили они революционный Совет и принялись сколачивать огромное войско для похода на Москву.

Красногвардейским командирам — Илье Топоркову и Ивану Плясункову — велено было немедленно прибыть с красными добровольцами в уездный центр, чтобы оттуда отправиться боевым маршем в Уральск, где люто бесчинствуют казачьи атаманы.

Прибыли мы со своими командирами в город Пугачев. У кого винтовка за плечом, у кого сабля на боку и лишь у некоторых — и то и другое. Одни явились верхом, другие — на повозках, третьи — пешком. Оба наших отряда выстроились на площади рядом с чапаевским полком.

Посмотрел Василий Иванович на добровольцев: и старики есть, и пацаны. В дырявых шубенках, поношенных фронтовых шинелях, в лаптях и сапогах истоптанных. На лошадях вместо седел — подушки, пух из них лезет. Зато в конские гривы вплетены алые ленты. И сами бойцы глядят браво.

Понравились Чапаеву добровольцы.

— Сколько ж вас, соколики? — спросил ласково.

Отозвался командир первого отряда, серьезный кареглазый Илья Топорков:

— Триста красногвардейцев Нового Петрограда ждут твоего приказа, Василий Иванович!

Иван Плясунков громко дополнил, тряхнув рыжими кудрями:

— Умрем за власть Советов!

— Зачем же умирать? — возразил Чапаев. — Лихого солдата и смерть боится.

Подозвал он к себе наших командиров, меж ними встал и обнял обоих.

— Будьте знакомы! — громогласно представил их всей площади. — Это первые мои заместители в боевых делах. Подручные что надо! Правая моя рука — Топорков, левая — Плясунков. Надежные командиры!

Обходя боевой строй, Василий Иванович вскоре и к нашему конному ряду приблизился.

По правую сторону от меня по-геройски восседал на сивой лошади крепыш Петька Козлов, а по левую — два старших сынка моих, не пожелавших остаться дома, Николай и Александр. А третий в ряду — брательник Тимофей, прозванный за свою богатырскую силу Ермаком. Он прежде в кавалерии служил и сидел теперь в седле прямее, чем все остальные новопетроградские конники.

Петьку и меня Чапаев сразу признал. Почтительно по имени-отчеству меня назвал. Руку каждому пожал.

— Всю родню, выходит, позвали за собой, Константин Иванович? — весело спросил меня Чапаев.

— Нет, не всю, Василий Иванович, — ответил я ему. — Намеревался еще и малыш Васятка в наши ряды вклиниться. Помните, он, постреленок, бинокль у вас зимой похитил? Так вот Васятка ни за что нам этот бинокль отдать не хотел. «Пойду сам,— говорит,— в разведчики и буду Чапаеву докладывать, где белые прячутся». Пришлось силком отбирать бинокль. А самого Васятку мы на замок в избе заперли, чтобы не увязался за нами в поход на Уральск. Взял я с собой лишь тех из молодых, кто способен ружье носить и саблей рубать. Вот они, ря-

дом. Так что, ежели мне трудненько придется, будет кому старика в бою поддержать. Не упаду с коня.

Василий Иванович приветливым взглядом окинул всю мою родню, задорно подмигнул Петьке Козлову. Сказал звонко, чтобы все слышали:

— Вот таких молодцов мне и надо! Налетят красны соколы на белое воронье — только белые перья посыплются!

Сказ десятый

ЗАКОН ЖИЗНИ

Много, очень много лет прошло с той поры, как умер дедушка Костя. Умер, не досказав самого главного.

Я за эти годы сам стал дедушкой и давно уже живу не в маленьком Новом Петрограде, а в большом городе. Но дня не проходит, чтобы не вспомнил родного дедушку, родное село.

В Новом Петрограде уже не осталось тех, кто в гражданскую служил в Чапаевской дивизии. Значит, не найти больше человека, который бы смог продолжить дедушкины сказы...

Так думалось мне. И вдруг однажды дочь Наташа пригласила меня в свою школу на октябрятский утренник, посвященный памяти Чапаева.

— К нам придет настоящий чапаевец! — гордо сказала дочь. — Зовут его Петр Федорович. А фамилия — Козлов.

Я сразу же догадался:

— Да это же тот самый чапаенок Петька, с которым дружил дедушка! Помнишь, я тебе рассказывал?

— Конечно, он самый, — поддакнула Наташа. — Петр Федорович родом из Нового Петрограда.

Вот тогда, на октябрятском утреннике, мы и познакомились с чапаевцем Козловым.

Приземистый, со смуглым круглым лицом, обветренным под степным солнцем, и узкими монгольского разреза глазами, он выглядел, несмотря на свои седины, браво. Ничего старческого в нем не было.

Октябрята восторженно слушали его рассказы о легендарных походах на Колчака.

Вспомнил Петр Федорович и дедушку Костю. С ним они, оказывается, бок о бок с боями прошли от Пугачева до казачьей станицы Семиглавый Мар...

Как только утренник закончился, мы с Наташей прямо из школы повели Петра Федоровича к себе в квартиру.

В комнате на столе возвышался, поблескивая медными боками, самовар. Петр Федорович увидел его и воскликнул изумленно:

— Вот так встреча! Ваш самовар — мой старый знакомый. Мы, Наташа, с прадедушкой твоим еще в гражданскую из него чай пили. Старый, заслуженный самовар! И вот что удивительно — медали на нем до сих пор не потускнели. Надо же!

Потом высмотрел полевой бинокль на полке. И снова обрадовался как ребенок:

— Ему, биноклю, за боевые дела тоже медаль полагается! Сколько врагов с его помощью высмотрели...

Пока мы разговаривали, Наташа вскипятила самовар. Мы пили чай, беседовали. Петр Федорович, прощаясь, сказал Наташе:

— Вижу, и ты по-хорошему дедушку Костю поминаешь. Хвалю. От доброго коренья добрые и ростки. Не будь Чапая, не было б и чапаят. Таков закон жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Лукьянович Разумневич

ЧАПАЯТА

Повести и рассказы

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Заведующая редакцией *Л. Сурова*

Редактор *В. Леонов*

Художник *А. Яцкевич*

Художественный редактор *Ф. Барбышев*

Технический редактор *Н. Привезенцева*

Корректоры *З. Кулемина, З. Комарова*

ИБ № 3451

Сдано в набор 05.02.87. Подписано к печати 25.05.87. Л52096. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,80. Усл. кр.-отт. 10,15. Уч.-изд. л. 10,01. Тираж 160 000 экз. Заказ 2606. Цена 40 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

40 коп.
Владимир
РАЗУМНЕВИЧ
Чапаята

Владимир РАЗУМНЕВИЧ